

А. В. Смолин

ДВА АДМИРАЛА

А. И. НЕПЕНИН
и А. В. КОЛЧАК

1917
В Г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет

А. В. Смолин

**ДВА АДМИРАЛА:
А. И. НЕПЕНИН и А. В. КОЛЧАК
в 1917 г.**

ДБ

Санкт-Петербург
2012

УДК 94(47)084 «1917»

ББК 63.312/611

С 51

Рукопись рекомендована к печати Ученым советом
исторического факультета СПбГУ

Рецензент доктор исторических наук, профессор
Барышникова В.Н. (СПбГУ)

Смолин А. В.

С 51 Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г.
– СПб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. – 200 с. : ил.

ISBN 978-5-86007-700-3

В монографии рассматриваются биографии командующих флотами: Балтийским – А. И. Непенина и Черноморским – А. В. Колчака – в переломный момент русской истории. Именно в это время с наибольшей полнотой проявились сильные и слабые стороны двух неординарных личностей. Адмиралы показаны людьми своего времени и своей среды, с присущими им достоинствами и недостатками. Используются архивные материалы, отечественные и зарубежные источники, многие из которых публикуются впервые.

УДК 94(47)084 «1917»

ББК 63.312/611

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

По вопросу разрешения и приобретения неисключительного права обращаться в редакцию издательства по e-mail: redaktor@dbulanin.ru

ISBN 978-5-86007-700-3

© Смолин А. В., 2012

© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1. Адмирал А. И. Непенин и «морской заговор»	
§ 1. История изучения	7
§ 2. Назначение контр-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом	22
§ 3. Новое поприще. Первые шаги	32
Глава 2. А. И. Непенин и «декабристы» в Февральском перевороте	
§ 1. Начало восстания в Петрограде: позиция А. И. Непенина и «декабристов»	52
§ 2. Признание новой власти	71
§ 3. Губительное промедление	78
Глава 3. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта	
§ 1. «Бунт почти на всех судах»	91
§ 2. Смерть на посту	106
Глава 4. Адмирал А. В. Колчак — становление политика	
§ 1. «Морской заговор» и адмирал А. В. Колчак	123
§ 2. «Революционный» командующий флотом	144
§ 3. Кандидат в диктаторы	177
Заключение	191
Указатель имен	193

Предисловие

Два адмирала. Две людские судьбы. Два человека, попавшие в революционный водоворот. Один из них сумел найти выход в первые месяцы революции, а другого поглотила разбушевавшаяся стихия. Родившиеся в 1871 и 1874 гг. А. И. Непенин и А. В. Колчак окончили Морской кадетский корпус. Боевую закалку получили во время Русско-японской войны при обороне Порт-Артура. Их карьерный взлет пришелся на годы Первой мировой войны. 28 июня 1916 г. Колчак, а 6 сентября Непенин были произведены в вице-адмиралы и назначены командующими Черноморским и Балтийским флотами. В это время Колчаку исполнилось 42 года, и он сменил 60-летнего адмирала А. А. Эбергарда, Непенину — 45 лет, он пришел на место 54-летнего адмирала В. А. Канина. На этой вершине служебной лестницы, когда перед молодыми адмиралами открывалась возможность проявить себя в борьбе с врагом на море, их застал Февраль 1917 г. В одночасье рухнула монархия, затрещала по швам империя, зашатались привычные устои жизни и представления о воинской службе и дисциплине.

А. В. Колчак и А. И. Непенин приняли свои флоты в крайне сложной внутривластной обстановке. Война шла уже третий год, и конца ей не было видно. Военные неудачи на фронте поколебали веру широких масс в скорую победу. Экономический, политический и моральный потенциал страны оказался подорванным. Выход из сложившегося положения либеральная оппозиция видела в передаче власти правительству, которое будет пользоваться доверием народа. Не найдя общего языка с Николаем II, она начала готовиться к «штурму власти». Однако без привлечения армии на свою сторону осуществить задуманное не представлялось

возможным. Чтобы реализовать намеченное, следовало заручиться поддержкой высших военных начальников. Для этого с ними стали налаживать контакты. Не остались без внимания Колчак и Непенин, но, судя по всему, у них хватило здравого смысла и воли, чтобы не ввязываться в различного рода авантюры.

В условиях первых дней революции А. И. Непенину и А. В. Колчаку приходилось действовать, не дожидаясь приказаний сверху, поскольку высшие эшелоны царской власти, не приученные к принятию самостоятельных решений, сами находились в полной растерянности. В связи с этим личная инициатива, быстрая и реалистичная оценка обстановки давали возможность удержать на время массовые выступления во флоте в определенных рамках, ориентируя матросские массы на борьбу с немцами. В новых, совершенно неожиданных обстоятельствах оба командующих повели себя по-разному, хотя и условия, в которых действовали их флоты, имели свои особенности. Черноморский флот находился в постоянных боевых походах и учениях, в то время как Балтийский стоял в портах, скованный льдами. К тому же Севастополь находился в отдалении от крупных промышленных центров, в то время как Гельсингфорс, Кронштадт и Ревель — рядом с узлом революционных потрясений — Петроградом.

Немаловажную роль в сохранении управляемости флотом сыграл и субъективный фактор, а именно личность командующего, его умение выделить главное, не акцентируя внимания на малозначительном. Наличие или отсутствие этих качеств формировали о нем позитивное или негативное мнение. В источниках можно найти выражение «наш Колчак» для первых месяцев революции,¹ но найти словосочетание «наш Непенин» мне не удалось. Очевидно, здесь сыграло свою роль то, что Непенин являлся строевым офицером и вращался в достаточно замкнутой корпоративной среде, что наложило отпечаток на его стиль обращения с подчиненными. В то же время Колчак сочетал строевую службу с научной работой, полярными экспедициями и изучением Северного морского пути, участвовал в создании Морского Генерального штаба и в выработ-

¹ *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года // А. В. Колчак — ученый, адмирал, Верховный правитель России: исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А. В. Колчака. Омск, 4 ноября 2004 г. Омск, 2005. С. 51.

ке планов по возрождению и военной подготовке флота, выступал в качестве эксперта в Военной комиссии Государственной думы по судостроительной программе.² Все это расширяло круг общения и выводило его из чисто корпоративной офицерской среды. Несмотря на определенные поведенческие различия, оба они до конца исполнили свой долг, как они его понимали. Непенин погиб 4 марта 1917 г. А. В. Колчак пережил его почти на три года.

В задачу автора книги входило показать действия двух неординарных личностей в обстановке надвигавшейся революции, в первые дни после февральского переворота и деятельности (для А. В. Колчака) при новой власти. Прежде всего, я стремился показать адмиралов людьми своего времени и своей среды с присущими им достоинствами и недостатками. Насколько это удалось, должен судить читатель.

Неоценимую помощь в подготовке рукописи к печати оказала Е. Б. Маховенко (компьютерный набор, оригинал-макет и указатель имен). Автор выражает также глубокую признательность Б. М. Витенбергу, С. В. Куликову, профессору университета Нотр-Дам (США) С. М. Ляндресу за взятый на себя труд по внимательному прочтению рукописи книги и высказанные соображения. Со словами искренней благодарности автор обращается и к сотрудникам РГА ВМФ В. Н. Гудкину-Васильеву и Л. И. Спиридоновой за компетентные консультации, доброе отношение и помощь.

² Подлинные протоколы допросов А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 91–93.

ГЛАВА 1

АДМИРАЛ А. И. НЕПЕНИН И «МОРСКОЙ ЗАГОВОР»

§ 1. История изучения

К еще недостаточно разработанным сюжетам, связанным с Февралем 1917 г., относится история «морского заговора». В ряде исследований без достаточных на то оснований командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина относят к лицам, участвовавшим в заговоре с целью свержения Николая II. Одним из первых эту тему поднял историк-эмигрант С. П. Мельгунов. В 1931 г. в Париже он издал книгу «На путях к дворцовому перевороту...».¹ Четвертый параграф второй главы «Военный переворот» назывался «Морской план». В самом начале повествования С. П. Мельгунов безапелляционно заявлял, что «наличность организации в морской среде в целях совершить „дворцовый переворот“ или ему содействовать не подлежит сомнению».² Сведения о наличии «заговора» в морской среде он заимствовал из мемуаров В. В. Шульгина «Дни», опубликованных в журнале «Мысль» в 1922 г., а затем переизданных в 1927 г. в СССР. В. В. Шульгин, в частности, писал: «Впрочем, слышал я о так называемом „морском“ плане. План этот состоял в том, чтобы пригласить государыню на броненосец под каким-нибудь предлогом и увезти ее в Англию как будто по ее собственному желанию. По другой версии — уехать должен был и государь, а наследник дол-

¹ В Российской Федерации книга издавалась дважды: *Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г.* / Предисл. В. Г. Джанибекяна; Вступ. ст., сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2003; то же / Предисл. Ю. Н. Емельянова. М., 2007. Издание снабжено списком использованной литературы и указателем имен.

² *Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г.* М., 2003. С. 157.

жен был быть объявлен императором. Я считал все эти разговоры болтовней».³ Как видно из воспоминаний, Шульгин передавал ходившие в обществе слухи, но не более того. Тем не менее этот рассказ В. В. Шульгина стал отправной точкой в построениях историка.

С. П. Мельгунов считал, что во флоте существовало несколько кружков, возможно не связанных друг с другом, нити от которых шли к различным общественным кругам (думским, земским, великокняжеским). К числу организаторов «заговора» он относил помощника начальника Морского Генерального штаба (МГШ), офицера для поручений при начальнике Морского штаба Верховного главнокомандующего, капитана 1-го ранга А. П. Капниста.⁴ Намакал С. П. Мельгунов и на безымянных моряков в Ставке, у которых вызвало неудовольствие несостоявшееся назначение морского министра И. К. Григоровича на должность премьер-министра. К организаторам заговора он также причислял и редактора «Морского сборника», капитана 2-го ранга К. Г. Житкова.⁵

К числу лиц, имевших принадлежность к намечавшемуся перевороту, С. П. Мельгунов относил и командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина, а также офицеров штаба флота: капитана 2-го ранга И. И. Ренгартена, капитана 1-го ранга князя М. Б. Черкасского и капитана 3-го ранга Ф. Ю. Довконта. Вывод о принадлежности командующего к «заговору» он делал на основе дневниковой записи И. И. Ренгартена от 30 января 1917 г. В ней сообщалось о разговоре, состоявшемся между автором дневника и А. И. Непениным. Его содержание, по мнению С. П. Мельгунова, говорило о том, что командующий флотом по собственной инициативе предпринимал какие-то шаги для связи с различными оппозиционными силами.⁶

Последующие действия «заговорщиков» С. П. Мельгунов излагал по протоколам бесед кружка И. И. Ренгартена от 27 и 28 февраля 1917 г. без каких-либо комментариев.⁷ Основным источником

³ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки / Сост. и автор вступ. ст. Д. А. Жуков; Коммент. Ю. В. Мухачева. М., 1989. С. 158.

⁴ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту... С. 157.

⁵ Там же. С. 157–158.

⁶ Там же. С. 158–159.

⁷ Там же. С. 159–160.

сведений С. П. Мельгунова стал опубликованный в 1929 г. в журнале «Красный архив» дневник И. И. Ренгартена.⁸

В 1936 г. к теме «морского заговора» обратился капитан 2-го ранга А. П. Лукин. В парижской газете «Последние новости» появилась его статья «Бой над Ангерном».⁹ По утверждению автора, «морское оппозиционное гнездо» в Балтийском флоте находилось в редакции «Морского сборника», во главе которого стоял капитан 2-го ранга К. Г. Житков. Помимо размножения и распространения стенограмм запрещенных к печати речей депутатов Государственной думы, редакция налаживала связи среди морских офицеров, с общественными группировками и отдельными политическими деятелями. Автор также полагал, что редакция дала толчок к образованию «балтийского кружка» (И. И. Ренгартен, князь М. Б. Черкасский, Ф. Ю. Довконт). Она же связала его с единомышленниками из морского штаба Ставки и МГШ в лице помощника начальника МГШ графа А. П. Капниста, а также с А. И. Гучковым. В шутку, как писал А. П. Лукин, членов кружка называли «декабристами». Он также предполагал, что назначение прогрессивно настроенного адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом произошло по инициативе «декабристов». Свое требование они обосновывали необходимостью активизации действий флота. В действительности, как подчеркивал А. П. Лукин, кружок руководствовался не профессиональными, а политическими соображениями и считал «желательным, чтобы в решительную минуту подготовлявшегося политического выступления во главе морских вооруженных сил стояли лица, сочувствующие ему».¹⁰ Однако каких-либо фактов, подтверждавших это заявление, он не привел.

⁸ Частично дневник был опубликован А. Дрезеном: Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 34–95 (с 13 октября по 18 декабря 1917 г.); Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 1 (32). С. 88–124 (со 2 января по 14 марта 1917 г.). В приложении А. Дрезен поместил протоколы шести бесед кружка И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского (с. 115–120). Их подлинники пока не найдены; Балтийский флот накануне Октября (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 4 (35). С. 34–95 (с 6 августа по 24 сентября 1917 г.).

⁹ Лукин А. П. Бой над Ангерном. Эпизод // Последние новости. Париж. 1936. 8 сент.

¹⁰ Там же.

Эпизоды, связанные с привлечением А. И. Непенина на сторону «декабристов», их программа и действия после начала восстания 27 февраля 1917 г. в Петрограде рассказаны А. П. Лукиным по дневникам И. И. Ренгартена.¹¹ Таким образом, он поддержал первоначальную версию С. П. Мельгунова о заговоре в Балтийском флоте. Вместе с тем в изданной двумя годами ранее книге «Русские моряки во время Великой войны и революции» сведения о «морском заговоре» отсутствовали.¹²

В 1961 г. вышло в свет посмертное издание книги С. П. Мельгунова «Мартовские дни 1917 года». Написанная в годы Второй мировой войны, она частично печаталась в эмигрантском журнале «Возрождение» в 1950–1954 гг.¹³ Никаких новых фактических данных по истории «морского заговора» в ней не содержалось, однако трактовка описываемых событий претерпела определенные изменения. Так, исчезло само понятие «морской заговор». Группу И. И. Ренгартена–М. Б. Черкасского автор стал называть кружком «прогрессивных моряков, сгруппировавшихся около Непенина».¹⁴ По мнению Мельгунова, они «искренне мечтали «о конституции» для России и деятельно готовились к ней».¹⁵ Автор называл их также молодыми энтузиастами, которые сгруппировались вокруг адмирала Непенина и мечтали «о новой жизни великой свободной России».¹⁶ В новой трактовке командующий становился центром притяжения демократических сил флота, а сам кружок превращался в собрание прекраснодушных мечтателей. Интересно, что такой знаток литературы и источников, каким являлся С. П. Мельгунов, умолчал о статье А. П. Лукина «Бой над Ангерном», скорее всего потому, что она не соответствовала изменившимся взглядам автора.¹⁷

¹¹ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 119.

¹² Лукин А. П. Русские моряки во время Великой войны и революции. Париж, 1935. Переиздание. М., 1995.

¹³ В Российской Федерации книга издавалась дважды: Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года / Предисл. С. Н. Дмитриева. М., 2006; то же / Предисл. Ю. Н. Емельянова. М., 2008. Издание снабжено списком использованной литературы и указателем имен.

¹⁴ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 220.

¹⁶ Там же. С. 328.

¹⁷ Лукин А. П. Бой над Ангерном.

В 1956–1962 гг. журнал «Морские записки», издававшийся в США, опубликовал книгу бывшего начальника воздушной дивизии Балтийского моря контр-адмирала Б. П. Дудорова «Адмирал Непенин», переизданную в 1993 г. в Российской Федерации.¹⁸ Приступая к ее написанию, автор провел значительную работу по сбору материалов. Живя в Америке, в отрыве от российских архивов, Дудоров рассылал бывшим сослуживцам А. И. Непенина письма-вопросники, собирая таким способом сведения об адмирале. Писал он и жене Непенина, Ольге Васильевне Романовой. Часть из этих писем сохранилась.¹⁹ Благодаря этим источникам, а также собственным воспоминаниям и опубликованным к тому времени материалам, автору удалось создать первую, насколько это было возможно в условиях эмиграции, достаточно полную, однако не лишенную апологетики, биографию адмирала.

Один из разделов книги посвящался «морскому заговору» и участию в нем А. И. Непенина. При этом Б. П. Дудоров выступал оппонентом С. П. Мельгунова. О статье А. П. Лукина он не упоминал. Для опровержения версии Мельгунова Дудоров также использовал дневник И. И. Ренгартена и воспоминания Ф. Ю. Довконта.

Б. П. Дудоров достаточно подробно изложил сюжет, связанный с назначением А. И. Непенина командующим Балтийским флотом, поскольку он являлся одним из центральных для понимания «морского заговора». Автор вполне обоснованно считал, что продвижению А. И. Непенина в командующие флотом способствовала группа офицеров оперативной части штаба Балтийского флота (И. И. Ренгартен, князь М. Б. Черкасский и Ф. Ю. Довконт). Однако, по мнению Дудорова, она руководствовалась не политическими, а чисто профессиональными интересами. Офицеры хотели заменить малоинициативного адмирала В. А. Канина более энергичным А. И. Непениным, создателем и начальником Службы связи Балтийского моря и командующим морской обороной приморского фронта морской крепости императора Петра Великого, чтобы активно бороться с Германией на Балтике.²⁰

¹⁸ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин / Предисл. и биограф. справочник А. Е. Иоффе, В. И. Фотуньянц. СПб., 1993.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77.

²⁰ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 189–192.

Б. П. Дудоров также рассмотрел вопрос об участии А. И. Непенина, группы офицеров штаба флота и помощника, начальника МГШ графа А. П. Капниста в «морском заговоре» или в «планах государственного переворота». По его данным, Непенин и кружок И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского получали от различных лиц предложения примкнуть к дворцовому перевороту, но все они отклонялись.²¹ Б. П. Дудоров отвергал все обвинения по адресу А. П. Капниста, и в целом МГШ, в участии в «планах государственного переворота» или в разработке собственного «морского заговора».²² Он считал, что нельзя ставить в вину Капнисту посещение частных собраний общественных деятелей, на которых обсуждались различные варианты по выводу страны из политического кризиса.

Со второй половины февраля 1917 г., по мнению Б. П. Дудорова, командующий Балтийским флотом занял пассивно-выжидательную позицию.²³ Причину этого он видел в том, что Николай II не пошел на назначение морского министра И. К. Григоровича на должность премьер-министра. Такое решение царя подорвало у А. И. Непенина «последние надежды на спасение положения свыше». Его отказ от участия в подготовке дворцового переворота Б. П. Дудоров объяснял невозможностью нарушения присяги и недопустимостью государственных потрясений во время войны.²⁴

Итак, Б. П. Дудоров подтверждал существование кружка офицеров в оперативной части штаба Балтийского флота, но не политической, а профессиональной направленности. Сама мысль о заговоре в штабе флота считалась им абсурдной, хотя давление на Непенина с целью вовлечь его в заговор он не отрицал.

В 1986 г. в Нью-Йорке вышла книга Н. Берберовой о русских масонах «Люди и ложи». В ней она мимоходом остановилась на «морском» плане со ссылкой на С. П. Мельгунова и В. В. Шульгина.²⁵ В списке масонов Н. Берберовой есть имена Ф. Ю. Дов-

²¹ Там же. С. 215.

²² Там же. С. 211–212.

²³ Там же. С. 217.

²⁴ Там же. С. 215.

²⁵ *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 72–73.

конта, К. Г. Житкова, графа А. П. Капниста, И. И. Ренгартена, князя М. Б. Черкасского, т. е. всех тех, кого она относил к заговорщикам.²⁶

Из советских историков о «морском заговоре» с той или иной степенью подробности писали А. К. Дрезен, В. В. Петраш, В. С. Дякин, В. И. Старцев, Е. Ю. Дубровская, А. В. Смолин, С. В. Куликов.²⁷

В 1929 и 1932 г. в журнале ленинградского истпарта «Красная летопись» были опубликованы две статьи А. К. Дрезена. В них, в частности, рассматривалась деятельность группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского. В качестве источников автор использовал

²⁶ Там же. С. 154, 156, 161, 193, 210. В списках русских масонов, опубликованных В. И. Старцевым и А. И. Серковым, упомянутые Н. Н. Берберовой лица не значатся. *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. 3-е изд., доп. СПб., 2004. С. 141–148; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. // Энциклопедический словарь. М., 2001.

²⁷ *Дрезен А. К.* 1) Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 3 (30). С. 43–104; 2) Армия и флот в Февральской революции // Красная летопись. 1932. № 1–2 (46–47). С. 22–68; *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 33, 48–49; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 303–304; *Старцев В. И.* 1) Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 248–249; 2) Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 44–45; 3) «Заговор буржуазии» перед февралем 1917 г. в новейшей советской исторической литературе // Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.): Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1987. С. 144; *Дубровская Е. Ю.* Дневник И. И. Ренгартена как источник о деятельности Гельсингфорского Совета в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 210; *Смолин А. В.* Морской «заговор» — факты и вымысел // Проблемы новейшей истории России: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 99–127; *Куликов С. В.* 1) Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронусаменто» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 158; 2) «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб.: Изд-во «Нестор-история», 2007. С. 165.

дневники И. И. Ренгартена, командира миноносца «Пограничник» капитана 2-го ранга Н. А. Типольта, письма М. Б. Черкасского своим единомышленникам о необходимости замены командующего флотом адмирала В. А. Канина адмиралом А. И. Непениным. При этом Дрезен не сообщил выходных данных этих писем.²⁸

На основании проработки имевшихся в его распоряжении источников А. К. Дрезен вполне убедительно доказал причастность группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского к назначению А. И. Непенина командующим флотом. Однако напрямую о политической подоплеке этих действий автор ничего не говорил. Одновременно, без достаточных на то оснований, он заявлял, что Балтийским флотом в 1916 г. руководил кружок И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского, связанный с прогрессивной буржуазией и А. И. Гучковым.²⁹ Тем самым Дрезен давал понять, что кроме профессионального мотива имелся еще и политический.

Давая оценку позиции А. И. Непенина в февральских событиях 1917 г., А. К. Дрезен на фактическом материале показал, что командующий флотом оставался верен старому режиму, а признание Временного комитета Государственной думы (ВКГД) с его стороны произошло только тогда, когда стало ясно, что открытая борьба с революцией невозможна.³⁰ Однако тут же автор указывал на связь командующего с оппозицией на основании наличия у того «определенного печатного материала».³¹ Но, по свидетельству И. И. Ренгартена, Непенин получил его от жандармов, которые как раз и осведомляли его о деятельности оппозиции.³² Дрезен также отмечал, что перед Февральской революцией определенная часть

²⁸ Дрезен А. К. Армия и флот... С. 26–27. Эти письма впоследствии были опубликованы: К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом (по письмам и дневникам) / Публ., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Емелина и К. Л. Козюренка // Кортик. Флот. История. Люди. СПб., 2003. Вып. 1. С. 40–53.

²⁹ Дрезен А. К. 1) Центральные матросские и офицерские организации... С. 50, 51; 2) Армия и флот... С. 26.

³⁰ Дрезен А. К. Центральные матросские и офицерские организации... С. 42, 46; 2) Армия и флот... С. 56, 57.

³¹ Дрезен А. К. Центральные матросские и офицерские организации... С. 50.

³² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 94–95.

офицеров флота выражала недовольство правительственной политикой.³³ Он считал, что поводом к «измене» являлось их стремление довести войну до победы.³⁴

Итак, Дрезен признавал наличие во флоте оппозиционной группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского и отмечал, что часть офицеров была недовольна тем, как ведется война. Однако ее связь с А. И. Гучковым, а А. И. Непенина с буржуазной оппозицией ему доказать не удалось.

После длительного перерыва, в 60-х гг. тема «морского заговора» получила освещение в монографии В. В. Петраша. Автор рассказал о возникновении в штабе Балтийского флота оппозиционной офицерской организации, которая оформилась еще в 1912 г. По мнению Петраша, значительную роль она сыграла в конце 1916—начале 1917 г., поддерживая связи с буржуазной оппозицией через А. И. Гучкова.³⁵ Правда, никаких конкретных данных в пользу последнего утверждения он не привел. В ее состав, по сведениям Петраша, входили: князь М. Б. Черкасский, И. И. Ренгартен, Ф. Ю. Довконт, К. Г. Житков, Л. В. Сахаров, А. М. Щастный, Н. И. Игнатьев; также сообщалось, что в ней состояли и некоторые другие лица, без упоминания конкретных имен.³⁶ Из перечисленных офицеров о первых четырех в литературе как отечественной, так и эмигрантской говорилось неоднократно, но трех остальных Петраш назвал впервые, не указав на источник сведений.

По данным В. В. Петраша, члены группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского «приняли непосредственное участие в подготовке дворцового переворота в начале 1917 г.»³⁷ Однако в чем это конкретно выражалось, автор не показал, как и не назвал источник информации. К числу реальных дел этого кружка он отнес продвижение контр-адмирала А. И. Непенина на должность командующего Балтийским флотом. Во время Февральской революции деятельность группы, по его мнению, сводилась к удержанию матросских масс от активного участия в событиях, установлению бо-

³³ Дрезен А. К. Центральные матросские и офицерские организации... С. 49, 50.

³⁴ Дрезен А. К. Армия и флот... С. 21.

³⁵ Петраш В. В. Моряки Балтийского флота... С. 33.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

лее тесных связей с буржуазной оппозицией и оказания давления на командующего флотом с целью вынудить его отказаться от поддержки царя.³⁸

В. С. Дякин, исследовавший проблему подготовки дворцового переворота перед Февралем 1917 г., писал о наличии в Балтийском флоте двух заговоров. По его мнению, один был связан с именем командующего флотом адмирала А. И. Непенина, другой — с помощником начальника МГШ капитаном 1-го ранга А. П. Капнистом. Однако, по утверждению автора, дальше общей оппозиционности дело не пошло и не вышло «из стадии болтовни».³⁹ В качестве источников он использовал сведения из посмертных воспоминаний А. И. Гучкова, опубликованных в газете «Последние новости», и дневника И. И. Ренгартена.

В монографии В. И. Старцева «Русская буржуазия и самодержавие...» сюжет, связанный с оппозиционными настроениями высших офицеров штаба Балтийского флота, написан с привлечением статьи А. П. Лукина «Бой над Ангерном» и дневника И. И. Ренгартена. Старцев полагал, что назначение А. И. Непенина командующим Балтийским флотом произошло в результате ряда интриг. При этом не последнюю роль, по мнению историка, здесь сыграла его репутация — либерала и оппозиционера.⁴⁰ В происхождении этой легенды нет ясности, тем более что никаких ссылок на источники Старцев не дал. До него похожая характеристика Непенина встречается у С. П. Мельгунова.⁴¹ С политическими планами оппозиционно настроенных военных связывал назначение Непенина также и Лукин. Таким образом, можно говорить о том, что Старцев только воспроизвел информацию Мельгунова и Лукина в этом вопросе. Для своего времени это являлось заслугой, так как историк знакомил советских читателей с эмигрантскими источниками и литературой.

Следует также отметить, что при назначении новых командующих флотами и морской министр И. К. Григорович, и Николай Пруков руководствовались, прежде всего, их профессиональными и волевыми качествами, а не наличием у них демократических убеждений.

³⁸ Там же. С. 48—49.

³⁹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм... С. 303—304.

⁴⁰ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие... С. 248.

⁴¹ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. С. 44, 328.

Рассказывая о существовавшем в Балтийском флоте кружке морских офицеров К. Г. Житкова—И. И. Ренгартена, В. И. Старцев весьма осторожно оценивал реальные возможности этой группы. «Оппозиционность высшего командного состава, — писал он, — сыграла свою роль в момент Февральской революции. Пока же революция не началась, о неповиновении или измене царю со стороны тех же командующих не могло быть и речи. Привычка к дисциплине, боязнь волнений и солдатских бунтов сковывали пробуждавшиеся оппозиционные настроения и не давали им развиваться».⁴²

В книге «Внутренняя политика Временного правительства...» В. И. Старцев уже более определенно писал о резко настроенном к царю А. И. Непенине. Основанием для такой оценки стало наличие в штабе командующего Балтийским флотом «декабристской» организации. По его мнению, «видимо, нажим этого кружка» на Непенина привел к тому, что командующий первым среди высших воинских начальников признал Временный комитет Государственной думы. Анализируя программу флота, составленную «декабристами», Старцев справедливо считал, что они не ставили вопрос о свержении монархии и Николая II. Их гнев был направлен против влияния «придворной камарильи» на государственные дела. По мнению автора, оппозиционность офицеров выразилась в том, что они не проявили рвения для защиты самодержавия и тайно или явно радовались революции.⁴³ Источники информации были те же, что и в предыдущей монографии, однако выводы стали более определенными.

Однако вскоре во взглядах Старцева наметились изменения. В статье, посвященной «заговору буржуазии» перед Февралем 1917 г., он уже говорил только о близости генерала Н. Н. Янушкевича и адмиралов А. И. Непенина, А. В. Колчака к буржуазной оппозиции, искавшей союзников в лице высшего командования армии и флота.⁴⁴ В своих оценках автор снова стал более осторожен.

Не углубляясь в тему, упомянула о наличии заговора в Балтийском флоте и Е. Ю. Дубровская. Исследовательница писала, что

⁴² *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие... С. 249.

⁴³ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 44–45.

⁴⁴ *Старцев В. И.* «Заговор буржуазии» перед Февралем 1917 г. ... С. 144.

группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского предложила свой план дворцового переворота А. И. Непенину. На мой взгляд, дневник Ренгартена для таких смелых заявлений повода не дает.⁴⁵

В статьях А. В. Смолина на широком историографическом и источниковом материале доказывается, что группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского являлась не более чем фрондой и реальной угрозой для самодержавия и Николая II не представляла. Сам же командующий флотом А. И. Непенин оставался монархистом и не помышлял о свержении династии.⁴⁶

Из последних работ, затрагивающих тему «морского заговора», следует назвать статьи С. В. Куликова о подготовке дворцового переворота и вовлеченности в него высшего офицерского состава армии и флота. В них автор только повторил расхожее мнение о признании 1 марта 1917 г. командующим Балтийским флотом адмиралом А. И. Непениным ВКГД под влиянием «декабристов», которые находились в контакте с группой А. И. Гучкова.⁴⁷

О «морском заговоре» писал и американский историк Ц. Хасегава в монографии «Февральская революция: Петроград, 1917».⁴⁸ Используя книгу С. П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту» и публикацию дневника И. И. Ренгартена, он пришел к выводу о том, что командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин обдумывал саму идею дворцового переворота.⁴⁹ Относительно «заговорщицкой» деятельности кружка И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского Хасегава справедливо замечает, что она не выходила за рамки разговоров. Вместе с тем он предполагает, что накануне революции среди военных имели место симпатии к идее дворцового переворота.⁵⁰

Подводя некоторые итоги имеющейся историографии, можно сказать, что большинство из писавших на эту тему с большей или меньшей степенью определенности поддерживали версию о суще-

⁴⁵ Дубровская Е. Ю. Дневник И. И. Ренгартена... С. 210.

⁴⁶ Смолин А. В. Морской «заговор» — факты и вымысел. С. 99–127.

⁴⁷ Куликов С. В. 1) Февральская «революция сверху»... С. 158; 2) «Революции неизменно идут сверху...». С. 165.

⁴⁸ Hasegawa Tsayoshi. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London, 1981.

⁴⁹ Ibid. P. 191.

⁵⁰ Ibid. P. 192.

ствовании «морского заговора». К ним следует отнести С. П. Мельгунова, А. П. Лукина, Н. Берберову, А. К. Дрезена, В. В. Петраша, В. И. Старцева, Е. Ю. Дубровскую, С. В. Куликова. В свою очередь, Б. П. Дудоров, В. С. Дякин, А. В. Смолин и Ц. Хасегава не находили достаточных оснований для такой оценки.

Поскольку концепция «морского заговора» строилась в основном на дневнике И. И. Ренгартена, то стоит дать хотя бы краткую его характеристику. Ряд ценных наблюдений, связанных с оценкой этого источника, содержится в статье Е. Ю. Дубровской, посвященной деятельности Ренгартена в Гельсингфорсском Совете.⁵¹

В РГА ВМФ хранится несколько авторизованных копий дневника, которые были сняты в Морской академии (по-видимому, в 1918–1919 гг., так как сам автор скончался 14 января 1920 г.) и предназначались в качестве материала для Морской исторической комиссии по исследованию опыта войны на море 1914–1918 гг. (Мориском).⁵² Судьба подлинника неизвестна. Копия дневника, представленная в РГА ВМФ, читалась автором, о чем свидетельствуют как подпись И. И. Ренгартена после каждого года за период с 1914 до 1916 г. и в заключительной части, так и пометы на страницах дневника его рукой. Они касались опечаток, вписывания отдельных слов, очевидно не разобранных машинисткой, и предложений, где упоминались телефонные разговоры с женой. В копии дневника выпущены отдельные сюжеты, о чем свидетельствуют вырезки текста на отдельных страницах с их последующей склейкой. Так, в записи от 27 февраля 1917 г. есть отсылка к протоколу 4-й беседы между И. И. Ренгартеном, князем М. Б. Черкасским и Ф. Ю. Довконтом, в ходе которой была сформулирована программа флота, но в тексте дневника она не приведена.⁵³ Упоминается в дневнике И. И. Ренгартена и о беседе, состоявшейся 19 августа 1917 г., первой после 28 февраля, но

⁵¹ Дубровская Е. Ю. Дневник И. И. Ренгартена... С. 209–221.

⁵² Наиболее полными копиями являются: *И. И. Ренгартен*. Дневник мировой войны на Балтийском морском театре с 12 июля 1914 по декабрь 1916. РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. 394 л.; Дневник мировой войны на Балтийском морском театре с 2 января 1917 по 5/18 февраля 1918 г. Д. 201. Имеются и менее полные версии этой части дневника: Д. 200; Оп. 2. Д. 125. 128 л.; а также конспект дневника И. И. Ренгартена. Д. 126. 54 л.

⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 201. Л. 15.

ее запись также отсутствует.⁵⁴ Вполне вероятно, что были и другие беседы. Есть глухое сообщение об одном разговоре с К. Г. Житковым⁵⁵ и встрече группы офицеров с А. И. Непениным, на которой шла речь о положении в стране.⁵⁶ В дневнике также нет информации о переговорах между И. И. Ренгартеном, М. Б. Черкасским и А. И. Непениным в Ревеле в 1916 г., на которых адмиралу было предложено занять должность командующего Балтийским флотом.⁵⁷ Следовательно, имеющаяся неполная копия, с которой делалась публикация в «Красном архиве», не что иное, как авторская редакция дневника, не дающая пока возможности раскрыть все тайны, связанные с «морским заговором».

Что же заставило И. И. Ренгартена пойти на редактирование дневника? После заключения Брестского мира 3 марта 1918 г. по приглашению начальника Морской академии профессора Н. Л. Кладо он стал преподавателем на кафедре «Истории морских войн», а затем на кафедре «Служба Генерального штаба». После создания Морискома Ренгартена назначили редактором ее оперативного отдела.⁵⁸ Таким образом он перешел на советскую службу. В связи с этим возникла потребность, вызванная жизненными обстоятельствами, подправить историческую действительность. Однако, как отмечает Е. Ю. Дубровская, после победы Февраля Ренгартен постоянно подчеркивал приверженность революции, хотя его отношение к ней она характеризует как «сложное и неоднозначное».⁵⁹ Следовательно, позиционировать свою революционность он начал еще до прихода большевиков к власти.

По-видимому, определенную роль при редактировании дневника сыграла и отнюдь не безупречная с точки зрения Советской власти последующая репутация окружения Ренгартена. Командующий Балтийским флотом адмирал А. И. Непенин, убитый в 1917 г., слыл контрреволюционером и монархистом, князь М. Б. Черкас-

⁵⁴ Балтийский флот накануне Октября. С. 10.

⁵⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 119.

⁵⁶ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 215.

⁵⁷ Там же. С. 191.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 35. Л. 3, 4. Карпов Д. Некролог И. И. Ренгартена, умершего в ночь с 13 на 14 января 1920 г. Машинописная копия.

⁵⁹ Дубровская Е. Ю. Дневник И. И. Ренгартена... С. 211.

ский после Октября 1917 г. уехал на Украину. Там он сражался на стороне гетмана П. П. Скоропадского и был убит в бою петлюровцами. Ф. Ю. Довконт эмигрировал в Литву. А. М. Щастного расстреляли по приговору военно-революционного трибунала, такая же участь постигла А. П. Капниста в Пятигорске. В 1919 г. скончались профессор Н. Л. Кладо и командующий Морскими силами РСФСР В. М. Альтфатер, имевший в свое время тесную связь с кружком И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского. Таким образом, автор дневника лишился еще и своих покровителей. К тому же, передавая дневник в Морском, Ренгартен делал его общедоступным. Все это, на мой взгляд, и заставило автора привести рукопись в соответствие с духом времени и тем самым обезопасить себя от возможных нападков в будущем.

Так, например, в телеграммах, приходивших в штаб Балтийского флота и исходящих из него во время Февральской революции, события в Петрограде назывались «мятежом», «бунтом» и «беспорядками», а в дневнике они именуются революцией. На мой взгляд, это говорит о том, что Ренгартен либо делал записи после завершения событий, либо внес изменения при редактировании. Таким образом, при работе с дневником Ренгартена следует помнить, что публикация в журнале «Красный архив» не является идентичной архивной копии, а сама копия представляет собой отредактированный автором подлинник. В связи с этим сноски на дневник даются по его публикации в «Красном архиве», а пропущенные места — по архивной копии.

К числу весьма важных источников следует отнести рукопись книги М. Е. Зингер.⁶⁰ По сути, это не столько исследование, сколько систематически подобранные и процитированные источники по истории революционных событий в Балтийском флоте в 1917 г. по материалам Военно-морского архива. Я бы даже назвал ее своеобразной хроникой событий. Конечно, жаль, что книга не увидела свет и не оказала влияния на последующую историографию. Несмотря на то что ссылки на нее встречаются в исследовательской литературе, значение ее как собрания документов по революционной эпохе еще до конца не оценено.

⁶⁰ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте (Опыт систематического исследования революционных событий). Машинопись. Ч. 1. 1 окт. 1924 // РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. 540 л.

В последнее время появились публикации документов, связанных с назначением А. И. Непенина командующим Балтийским флотом.⁶¹ Среди них письма князя М. Б. Черкасского начальнику Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта В. М. Альтфатеру и начальнику МГШ и Морского штаба Верховного главнокомандующего адмиралу А. И. Русину. Письмо помощника начальника МГШ графа А. П. Капниста В. М. Альтфатеру и очерк К. Г. Житкова о посещении штаба Балтийского флота 22–24 сентября 1916 г. Эти материалы дают возможность пролить свет на механизм проведения А. И. Непенина в командующие флотом.

§ 2. Назначение контр-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом

Исследователи, изучавшие «морской заговор», основное внимание уделяли группе офицеров И. И. Ренгартена–М. Б. Черкасского, служивших в штабе флота. На основании имеющихся данных можно с полной уверенностью говорить о существовании этого кружка. Его ядро составляли флаг-капитан по Оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря капитан 1-го ранга М. Б. Черкасский, помощник флаг-капитана по Оперативной части, начальник Разведывательного отделения капитан 2-го ранга И. И. Ренгартен, флагманский историограф штаба командующего флотом Балтийского моря капитан 3-го ранга Ф. Ю. Довконт. Эта тройка офицеров по своему положению находилась в постоянном общении, обсуждая как военные, так и политические проблемы. С ними поддерживали контакты: начальник Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта, капитан 1-го ранга В. М. Альтфатер, а также помощник начальника МГШ и офицер для поручений при начальнике Морского штаба Верховного главнокомандующего капитан 1-го ранга граф А. П. Капнист. В группу входил также редактор «Морского

⁶¹ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 40–53.

сборника» капитан 2-го ранга К. Г. Житков.⁶² В исследовании В. В. Петраша, без ссылки на источник, в кружок И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского включены также капитан 1-го ранга, флагманский артиллерийский офицер штаба командующего флотом И. И. Игнатьев 2-й, капитан 2-го ранга, помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Л. В. Сахаров, капитан 2-го ранга, офицер для поручений при штабе командующего флотом А. М. Щастный.⁶³ Однако каких-либо достоверных данных, свидетельствующих об их принадлежности к этой группе, найти пока не удалось.

Данные о возникновении кружка И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского весьма скудны. Историкам они известны из протоколов «Бесед Ф. Ю. Д[овконта] с И. И. Р[енгартеном]». В них его создание относится к 28 ноября 1912 г., когда состоялась первая беседа. На ней обсуждались вопросы, связанные с будущей европейской войной и присоединением черноморских проливов к России.⁶⁴ Всего таких собраний состоялось шесть. Остальные пять относятся к 22 января, 4, 20, 27 и 28 февраля 1917 г.⁶⁵ Возможно, их было и больше, но документальные свидетельства на этот счет не обнаружены.

Первым сколько-нибудь заметным шагом в деятельности группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского, который нашел отражение в источниках, стало продвижение начальника службы связи Балтийского моря контр-адмирала А. И. Непенина в командующие флотом. После смерти 7 мая 1915 г. командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. Эссена эту должность занял вице-адмирал В. А. Канин, командовавший до этого Отрядом заградителей и Минной обороной. По характеристике служивших с ним офицеров, он был прекрасным семьянином, гостеприимным хозяином, отменным игроком в винт и бридж. Вместе с тем адмирал обладал хорошими техническими знаниями, служебным опытом, хозяйственными способностями. Канин быстро схватывал суть излагаемого и обстановку. Однако он был недостаточно решитель-

⁶² Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 157–158; Луккин А. П. Бой над Ангерном.

⁶³ Петраш В. В. Моряки Балтийского флота... С. 33.

⁶⁴ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 115.

⁶⁵ Там же. С. 115–120.

ным и требовательным начальником. Человек здравомыслящий и умный, он действовал в тех рамках, в которые был поставлен императором. В то же время молодые флотские офицеры, для которых война давала возможность проявить себя в боевой обстановке, требовали энергии и твердости в борьбе за инициативу на море. Их недовольство вызывало и то, что при выдвижении на новые должности и при представлении к наградам Канин придерживался выслуги и очередности, а не боевых заслуг кандидата.⁶⁶

Пассивность в действиях В. А. Канина объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Став командующим Балтийским флотом, он уже в августе 1915 г. столкнулся с попытками немцев овладеть Рижским заливом. Сопоставимой группировки кораблей у России не было, а в этих условиях только создание глубоко эшелонированной обороны могло сдержать наступательный порыв германского флота открытого моря. К тому же английский флот не проявлял заинтересованности в помощи русскому союзнику.⁶⁷ Ставка Верховного главнокомандующего также не ставила перед флотом задач по борьбе с противником в открытом море.⁶⁸ Все это заставляло Канина проявлять определенную осторожность.

В 1916 г. в управлении морскими силами произошли серьезные изменения. 24 января 1916 г. был создан Морской штаб Ставки Верховного главнокомандующего во главе с адмиралом А. И. Русиним. Теперь командующий Балтийским флотом подчинялся непосредственно Ставке и мог по своему усмотрению использовать линейные корабли для активных действий.⁶⁹ Однако директива на-

⁶⁶ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 43, 44, 46, 51; *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Е. Иоффе. СПб., 1998. С. 40–41; *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 189; РГА ВМФ Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 142. Письмо А. Н. Павлова — Б. П. Дудорову 14 мая 1956 г.; Письмо Д. Федорова-Уайта — Б. П. Дудорову 19 июля 1949 г. Л. 73–73 об.

⁶⁷ *Козлов Д. Ю.* Стратегическое затишье. Некоторые подробности кампании 1916 г. на Балтийском море // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 3–4.

⁶⁸ *Петров М.* Кризис морского командования в 1916 году // Морской сборник. 1926. № 8–9, август–сентябрь. С. 8.

⁶⁹ Там же.

чальника Морского штаба Ставки не выходила за рамки оборонительных задач и требовала недопущения противника в Финский залив. Что касается активных действий, то их формулировка имела расплывчатый характер. Это свидетельствовало о том, что в Ставке отсутствовали идеи по использованию флота в открытом море и там надеялись на инициативу со стороны командующего Балтийским флотом.⁷⁰ Очевидно, В. А. Канин понял эту уловку А. И. Русина и решил не брать на себя ответственность в этом вопросе, став действовать в русле полученной директивы. Вместе с тем в штабе флота в плане операций на 1916 г. поставили задачу по нарушению морских коммуникаций противника, но сделано это было в общих малоконкретных выражениях. В директиве командования флота на 1916 г. говорилось: «...стремиться к уничтожению открытой силой всякой более слабой части неприятельского флота и всех коммерческих его судов каждый раз по выходе в море».⁷¹ Издавая это распоряжение, В. А. Канин, очевидно, учитывал настроения в Ставке, а там с большой заинтересованностью относились к шведскому нейтралитету. Так, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в одной из резолюций писал: «Нужно оставить шведов в покое. Нам важен их нейтралитет».⁷²

Однако нейтралитет был нужен не только военным. За годы войны Швеция стала важным торгово-экономическим партнером России.⁷³ И когда осенью 1915 г. англичане и французы предложили России организовать блокаду Балтийского побережья Германии русскими и английскими подводными лодками, то получили отказ.⁷⁴ Все же за кампанию 1916 г. русские надводные и подводные суда уничтожили и захватили 12 грузовых кораблей противника. В связи с этим Германии пришлось выделять военные суда для конвоев. Однако это не повлияло на перевозки шведской руды в Германию, которые в сравнении с 1915 г. увеличились на 100 тыс. тонн.⁷⁵

⁷⁰ Там же; *Козлов Д. Ю.* Стратегическое затишье... С. 3.

⁷¹ *Козлов Д. Ю.* Стратегическое затишье... С. 6.

⁷² *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальной»: Швеция в германороссийском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / Под ред. Ю. Г. Акимова. СПб., 2006. С. 165.

⁷³ Там же. С. 187–222.

⁷⁴ Там же. С. 165.

⁷⁵ *Козлов Д. Ю.* Стратегическое затишье... С. 7.

Следует отметить, что уже в августе 1915 г., т. е. через три месяца после вступления В. А. Канина в должность, офицеры штаба флота обсуждали вопрос о необходимости его замены.⁷⁶ Однако в тот период времени недовольство пассивностью командующего в планировании и проведении боевых операций выражалось только в форме разговоров. Но вскоре они начали приобретать и вполне конкретные формы. Так, по сообщению С. Н. Тимирева, в 1915—1916 гг. исполнявшего должность флаг-капитана по распорядительной части штаба командующего флотом Балтийского моря, в феврале 1916 г. он находился в служебной командировке в Пскове, в Ставке командующего Северным фронтом. Здесь Тимирев беседовал с начальником Военно-морского управления штаба фронта капитаном 1-го ранга В. М. Альтфатером, который уже тогда предлагал контр-адмирала А. И. Непенина в качестве командующего Балтийским флотом.⁷⁷

Толчком для активизации действий группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского в продвижении А. И. Непенина в командующие флотом послужило назначение контр-адмирала А. В. Колчака командующим Черноморским флотом. 28 июня 1916 г. из Ставки в штаб Балтийского флота поступило распоряжение о перестановках в его командном составе. Помимо А. В. Колчака новое назначение получил капитан 1-го ранга М. А. Кедров. Его произвели в Свиты Его Величества контр-адмиралы и поставили начальником минной дивизии.⁷⁸ Последнее решение больно ударило по самолюбию командующего флотом вице-адмирала В. А. Канина, поскольку состоялось без согласования с ним. В связи с этим он направил в Ставку прошение об отставке. Возможно, назначение Кедрова без консультации с командующим флотом не было случайностью, а являлось продуманным шагом, рассчитанным на эмоциональную реакцию. Однако в этот момент отставку не приняли, и начальник Морского штаба Ставки Верховного главнокомандующего А. И. Русин приезжал к В. А. Канину с извинениями.⁷⁹

⁷⁶ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 42.

⁷⁷ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. С. 44, 49.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 340.

⁷⁹ Там же. Л. 342; К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 49. Первый раз прошение об отставке

О том, как развивались события в дальнейшем, сведения источников расходятся. В дневнике И. И. Ренгартена в записи от 28 июня сообщается, что кружок принял решение в случае отставки В. А. Канина проводить в командующие адмирала Л. И. Непенина.⁸⁰ В мемуарах Ф. Ю. Довконта говорится, что после назначения А. В. Колчака командующим Черноморским флотом в Гельсингфорс из Ревеля приехал старший лейтенант Л. А. Сакович. Он резко критиковал Ренгартена, Черкасского и Довконта за пассивность и ставил в пример капитана 1-го ранга Л. Д. Бубнова, отвечавшего в Ставке за Черное море, благодаря стараниям которого Колчак стал командующим Черноморским флотом. Критика Саковича дала результат, и после тщательного обсуждения ситуации группа приняла решение перейти к активным действиям. В этом эпизоде вызывает некоторое удивление тот факт, что старший лейтенант устраивает проработку высшим офицерам штаба флота за их инертность, после чего они начинают действовать. Из этого может следовать только одно: Сакович, а также И. И. Ренгартен и М. Б. Черкасский находились между собой в каких-то неформальных отношениях. Хотя нельзя исключить и того, что старший лейтенант мог действовать по поручению третьих лиц. Пока же установить характер этих связей не удалось.

После разговора с А. А. Саковичем И. И. Ренгартен и М. Б. Черкасский отправились в Ревель. Там они «уговорили» Непенина «согласиться принять флот». Довконт в это время оставался в Гельсингфорсе и подробностей беседы не знал.⁸¹ В дневнике Ренгартена запись об этой поездке отсутствует. Вместе с тем в письме Черкасского В. М. Альтфатеру говорилось о том, что Непенин «согласился на принятие должности начальника штаба».⁸² Здесь следует отметить некоторую странность самого факта уговаривания, поскольку для военного человека полученный приказ подлежит безусловному выполнению.

В. А. Канин подавал в феврале 1916 г. *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. С. 41–44.

⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 342.

⁸¹ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 191.

⁸² К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 45.

Возвратившись в Гельсингфорс, И. И. Ренгартен и М. Б. Черкасский совместно с Ф. Ю. Довконтом составили оперативный доклад Ставке Верховного главнокомандующего, где изложили причины, по которым требовалось заменить командующего Балтийским флотом В. А. Канина А. И. Непениным, и отправили его с флаг-офицером в Могилев. Копию Черкасский хотел передать Канину и после этого уйти в отставку.⁸³ В дневнике Ренгартена за 14 августа 1916 г. этот эпизод изложен иначе: «Рубикон перейден. Сегодня Черкасский после завтрака позвал меня к себе и советовался относительно отдельных пунктов своего письма В. М. Альтфатеру, затем написал его в трех экземплярах, из коих 1 — послал».⁸⁴ В действительности Черкасский отослал две копии. Первую — начальнику статистического отделения МГШ В. Е. Егорьеву, что свидетельствует об их достаточно тесных связях, а вторую — Альтфатеру, оставив подлинник у себя.⁸⁵ Судя по всему, В. А. Канину текст доклада так и не вручили, поскольку Черкасский в отставку не ушел.

16 августа с предложением назначить А. И. Непенина начальником штаба флота вместо адмирала Н. М. Григорова к В. М. Альтфатеру обратился и. д. помощника начальника МГШ граф А. П. Капнист.⁸⁶ Очевидно, что вопрос об изменениях в командном составе флота стал принимать предметный характер. После получения письма из штаба флота 17 августа Альтфатер разговаривал с М. Б. Черкасским по аппарату Юза. По предположению И. И. Ренгартена, речь шла о содержании отправленного письма.⁸⁷ Если эта тема и затрагивалась, то, скорее всего, в иносказательной форме, поскольку в тексте письма имелась помета Черкасского «совершенно секретно».⁸⁸ Разглашение приводимых сведений могло иметь для офицеров штаба флота крайне негативные последствия.

⁸³ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 191.

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 367.

⁸⁵ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 43.

⁸⁶ Там же. С. 46–47.

⁸⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 368.

⁸⁸ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 43.

Судя по всему, нервом всей интриги являлся В. М. Альтфатер. Как она проводилась в Ставке, нам неизвестно. Вполне вероятно, что он и до этого подогревал недоверие к В. А. Канину у начальника Морского штаба Ставки адмирала А. И. Русина, на которого оказывал большое влияние.⁸⁹ Уже много позже, в эмиграции, Русин при встрече с вдовой А. И. Непенина О. В. Романовой в Париже говорил, что когда в Ставке зашел разговор о смене Канина, то именно Альтфатер предложил кандидатуру Непенина. Правда, он не указал, когда эта беседа состоялась.⁹⁰ Русин знал о письме М. Б. Черкасского, о чем позже писал и сам князь: «Моя прикосновенность к уходу адмирала Канина с поста командующего флотом Вам известна».⁹¹ Однако и у самого Русина имелись претензии к В. А. Канину. В частности, это касалось действий российских подводных лодок в отношении шведских торговых кораблей, которые перевозили различные грузы в Германию. В то время как МИД и Ставка делали все возможное, чтобы Швеция сохраняла свой нейтралитет, отдельные командиры подводных лодок захватывали шведские торговые суда как в нейтральных, так и в территориальных водах Швеции.⁹² Все приказы командующего флотом, направленные на недопущение подобных действий, последствий не имели. Это свидетельствовало о неспособности Канина провести свои приказы в жизнь. Естественно, что подобная ситуация не могла быть терпима.⁹³ О беспомощности штаба флота при подготовке крупной, но неосуществленной десантной операции в Риж-

⁸⁹ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 192.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 17–18. Письмо О. В. Романовой Б. П. Дудорову 21 октября 1955 г.; Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 190. На В. М. Альтфатера как на организатора интриги указывал и помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом капитан 2-го ранга Н. А. Типольт. — К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 48.

⁹¹ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 50.

⁹² Новикова И. Н. «Между молотом и наковальной»... С. 165–166; К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 46, 53.

⁹³ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 46, 49, 53.

ском заливе докладывал и и. д. начальника МГШ граф А. П. Капнист.⁹⁴ Бесспорно, назначение А. И. Непенина не могло состояться без согласия морского министра И. К. Григоровича. Однако механизм влияния на него до конца не ясен. Рассказ И. И. Ренгартена о подоплеке назначения А. И. Непенина, зафиксированный К. Г. Житковым 23 сентября 1916 г. в Гельсингфорсе на отдельном листе, в записке Житкова о посещении Гельсингфорса отсутствует.⁹⁵ В мемуарах И. К. Григоровича говорилось о том, что командующий Балтийским флотом адмирал В. А. Канин оказался не на высоте, и на флоте почувствовался упадок. Вследствие этого он обратился к императору с просьбой о замене Канина более энергичным адмиралом А. И. Непениным.⁹⁶

О том, как происходило назначение А. И. Непенина в Ставке, есть свидетельство и Николая II. В письме Александре Федоровне он рассказывал: «Приехал Григорович с Русиным. По его мнению, в высшем командовании Балтийского флота не все обстоит благополучно. Канин ослаб вследствие недомогания и всех распустил. Поэтому необходимо кем-нибудь заменить его. Наиболее подходящим человеком на эту должность был бы молодой адмирал Непенин, начальник службы связи Балтийского флота; я согласился и подписал назначение».⁹⁷ По правилам того времени морской министр предлагал трех кандидатов, а император выбирал одного из них, имена отвергнутых не разглашались.⁹⁸

Сопоставление имеющихся источников рисует следующую картину этого события. 6 сентября 1916 г. Николай II принял морского министра адмирала И. К. Григоровича и начальника Морского штаба Ставки адмирала А. И. Русина.⁹⁹ Доклад императору делал Русин.

⁹⁴ Там же. С. 46, 52.

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1764. Л. 4. Посещение Гельсингфорса 23 и 24 сентября 1916 г. Впечатления К. Г. Житкова. Об отношении моряков к назначению А. И. Непенина командующим Балтийским флотом.

⁹⁶ *Григорович И. К.* Воспоминания бывшего морского министра / Сост. И. Ф. Цветков. СПб., 1993. С. 189.

⁹⁷ Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1917 г. / Публ. А. А. Сергеева. М., 1927. Т. 5. С. 10.

⁹⁸ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 191–192.

⁹⁹ Дневники императора Николая II / Общая ред. и предисл. К. Ф. Шацко; Сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокращений В. П. Козлов, Т. Ф. Павлова, З. И. Перегудова. М., 1991. С. 602.

В его основу легли письма кн. М. Б. Черкасского и графа А. П. Капниста В. М. Альфатеру, а также собственные претензии к В. А. Канину.¹⁰⁰ Внимание царя обращалось на отсутствие у Канина воли и решительности, неспособность добиваться исполнения собственных приказов подчиненными. По мнению Русина, Канин не проявил инициативы в постановке стратегических задач флоту, не использовал благоприятную обстановку в Балтийском море, сложившуюся летом 1916 г.¹⁰¹ По-видимому, решающим для царя стало суждение морского министра, потому что в письме Александре Федоровне в основу своего решения он положил мнение Григоровича.¹⁰²

Процесс назначения А. И. Непенина демонстрировал то огромное доверие, которое Николай II испытывал к профессиональным качествам морского министра, его умению разбираться в людях и при назначении на высокие должности руководствоваться исключительно деловыми качествами кандидата. По словам И. К. Григоровича, Непенин ему «дерзил» в свое время, но и, несмотря на это, министр отдал предпочтение строптивому адмиралу.¹⁰³ Будучи начальником службы связи флота Балтийского моря, Непенин проявил незаурядную энергию, трудоспособность, восприимчивость ко всему новому, твердость и прямоту сильного характера, требовательность к подчиненным, административные способности.¹⁰⁴ Отсутствие у Непенина опыта командования не только крупными оперативно-тактическими соединениями, но и большим кораблем не стало препятствием в его назначении, хотя и шло вразрез со сложившимся порядком цензового прохождения службы. Однако это восполнялось тем, что порученное дело всегда стояло у него на первом месте.

¹⁰⁰ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 43–47, 49, 53.

¹⁰¹ *Петров М.* Кризис морского командования в 1916 году. С. 9, 10; К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 49, 53.

¹⁰² Переписка Николая и Александры Романовых... С. 10.

¹⁰³ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 142.

¹⁰⁴ Там же. С. 186, 187; РГА ВМФ Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 74. Письмо Д. Федорова-Уайта — Б. П. Дудорову. 19 июля 1949 г.; Письмо А. Н. Павлова — Б. П. Дудорову 14 мая 1956 г. Л. 144--144 об.

§ 3. Новое поприще. Первые шаги

После того как 7 сентября 1916 г. А. И. Непенин вступил в должность, И. И. Ренгартен, М. Б. Черкасский и Ф. Ю. Довконт обратились к нему с просьбой отпустить их в строй. Свой поступок они мотивировали тем, что не хотели ставить командующего в неловкое положение, поскольку были причастны к его выдвижению. Однако адмирал ответил отказом, заявив, что без них он не сможет быстро разобраться в новом для него деле и эффективно руководить флотом. При этом он сказал, что никаких поблажек с его стороны им не будет.¹⁰⁵ Но на этом история не закончилась. Вскоре в выдержках письма Черкасского В. М. Альтфатеру стало известно во флоте. Начались пересуды. Тогда Черкасский вновь обратился к Непенину, чтобы ему предоставили отпуск, а затем длительную командировку. Однако командующий в просьбе отказал. Взамен Непенин предложил ему стать командиром крейсера «Богатырь». После этого Черкасский обратился к адмиралу А. И. Русину в Ставку, но и там его ходатайство не нашло понимания, и он продолжал исполнять свои обязанности в прежней должности.¹⁰⁶

Какова же была реакция офицеров флота на назначение А. И. Непенина? По словам Б. П. Дудорова, оно вызвало всеобщее изумление.¹⁰⁷ Это наблюдение подтверждала и корреспондентка А. В. Колчака А. В. Тимирева. 10 сентября 1916 г. она писала: «Можете себе представить, Александр Васильевич, какое у нас смятение и волнение умов по поводу назначения Адриана Ивановича командующим? <...> вероятно, кончится унылая спячка, в которую наше море окончательно погрузилось после Вашего отъезда. Если уж мне она надоела до смерти, то каково же офицерам? Ждут больших перемещений. <...> Все-таки странно — его (В. А. Канина. — А. С.) как-то сразу все забыли и только ждут, что дальше будет».¹⁰⁸

¹⁰⁵ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 192–193.

¹⁰⁶ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 50–51.

¹⁰⁷ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 185.

¹⁰⁸ Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку (18 июля 1916 г. — 17–18 мая 1917 г.) / Изд. подгот. А. В. Смолен и Л. И. Спиридонова. СПб., 2002. С. 43.

Со стороны И. И. Ренгартена это назначение вызвало настоящее ликование. 6 сентября он записал в дневнике: «Свершилось. Только что узнал, что Непенин произведен в вице-адмиралы и сделан командующим флотом».¹⁰⁹ В свою очередь вице-адмирал В. А. Канин, которого сменил Непенин, на это назначение отзывался так: «Нашли кого назначить командующим флотом — старшего дворника».¹¹⁰ Побывавший в штабе Балтийского флота в Гельсингфорсе 22–24 сентября К. Г. Житков интересовался отзывами офицеров штаба о новом командующем. Обращение А. И. Непенина с офицерами его собеседники характеризовали как «хамское». «И действительно, новый командующий, как и раньше, не смущается в выражениях, „мат“ висит в воздухе», — писал Житков.¹¹¹ Тот же И. И. Ренгартен в разговоре с Житковым, хотя и не без некоторой горечи, называл «обращение с подчиненными у Непенина „tres hate“» и говорил: «...что лучше бы этого не было, но что к этому можно привыкнуть и не обращать внимания».¹¹² Такая несдержанность коробила даже выдавших виды морских офицеров. Несмотря на это, даже те сослуживцы, которые подвергались не всегда справедливым разносам со стороны адмирала, признавали, что «в общем, работать с ним можно, и смириться с его характером придется, и дело, наверно, пойдет, т[ак] к[ак] это человек здравого смысла и колоссальной воли».¹¹³

По наблюдению биографа А. И. Непенина Б. П. Дудорова, особенно положительные эмоции в связи с этим назначением высказывали молодые представители командного состава, ожидавшие активизации боевых действий на Балтике.¹¹⁴ Так, Ф. Ю. Довконт очень лестно отзывался о работе командующего со штабом флота,

¹⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 381.

¹¹⁰ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 187. По воспоминаниям О. В. Романовой, это высказывание больно ударило по самолюбию адмирала. РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.

¹¹¹ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 47–49.

¹¹² Там же. С. 48.

¹¹³ Там же. С. 47.

¹¹⁴ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 186, 198–199; Белли В. А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб., 2005. С. 309–310; Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. С. 57.

подчеркивая его исключительные организаторские способности и не находя в его действиях никаких изъянов. Описывая стиль работы Непенина со штабом флота, Довконт подчеркивал, что командующий акцентировал свое внимание на оперативных делах. Его интересовали каждодневные действия судов Балтийского флота и неприятеля до мельчайших подробностей. Чтобы экономить время при докладах, Непенин сам с дежурным офицером приходил на рабочее место офицера, отвечавшего за то или иное направление работы. Если возникала потребность в каких-либо распоряжениях, то они тут же записывались и после доклада оформлялись в соответствующие документы.¹¹⁵

Под руководством Непенина штаб разработал три возможных варианта действий на кампанию 1917 г.¹¹⁶ Однако планы Непенина не выходили за рамки решения тактических задач, поскольку Ставка не поставила перед флотом четкой стратегической цели.¹¹⁷

Флаг-офицер штаба командующего флота А. И. Бенклевский, характеризуя А. И. Непенина, писал: «Это русский самородок с широким ясным умом, военным талантом, необычайной энергией и трудоспособностью. Непревзойденный авторитет в знании намерений неприятеля и наилучшего использования наших сил. <...> Резкий и даже грубоватый, на самом деле он был добр, подчас ласков. Редкий человек ума и сердца, и решимости».¹¹⁸

¹¹⁵ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 195–196.

¹¹⁶ Там же. С. 195.

¹¹⁷ Петров М. 1) Кризис морского командования в 1916 г. С. 4–8, 14–19; 2) Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. М., 1927. С. 515; Козлов Д. Ю. Стратегическое затишье... С. 8. После вступления в должность, выступая на собрании флагманов и капитанов, А. И. Непенин заявил: «Что касается планов, то их я вам не скажу, во-первых, что они зависят от обстановки, во-вторых, от меня. Большими кораблями я рисковать не буду, т[ак] к[ак] это будет, минимум глупо, а действия будут вестись по-прежнему; но если я уже вышлю суда, то потребую исполнения дела не от одних новых судов, но и от старых». К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 48.

¹¹⁸ Бенклевский А. И. Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе // Возрождение. 1930. 26 марта. № 1758.

На удивительные организаторские способности, неутомимую энергию, твердую волю и ум командующего обращал внимание и старший офицер миноносца «Новик» Г. К. Граф, называя А. И. Непенина «яркой и выдающейся личностью».¹¹⁹

В ряду оценок, данных А. И. Непенину офицерами, крайне любопытно свидетельство матроса-большевика с линкора «Император Павел I» Н. Ховрина. В воспоминаниях, опубликованных в 1926 г., он писал: «Не говоря о личности Непенина как частного человека, нельзя не сказать о его качествах как хорошего моряка и организатора, каких в Балтийском флоте было очень немного».¹²⁰ Однако эта характеристика со стороны рядового матроса, из известных мне, является единичной. Она интересна тем, что автор отделил поведенческую несдержанность командующего от его деловых качеств.

Приступая к исполнению обязанностей командующего флотом, А. И. Непенин уже имел определенные представления о функциях флотоводца в современной войне. По его мнению, «командующий флотом в наше время не тот флотоводец, который только ведет его в бой, а тот, который готовит ему победу, ее организует. И потому он, прежде всего, должен быть организатором».¹²¹ Однако в то время далеко не все офицеры усвоили эту мысль, а потому назначение Непенина на высшую должность во флоте вызывало сомнение в его тактической подготовке.¹²² Подобные недоумения имеют место и в современной историографии.¹²³

В новой должности А. И. Непенин предпринял ряд шагов, направленных на поднятие дисциплины, поскольку считал, что принятые законы следует исполнять, а если не исполнять, то и писать их незачем.¹²⁴ 28 ноября 1916 г. он издал приказ о правильном, отчетливом отдавании чести. Перед этим командующий лично прошел

¹¹⁹ *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е изд. СПб., 1997. С. 206.

¹²⁰ *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (Воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 59.

¹²¹ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 188.

¹²² Там же. С. 186–187.

¹²³ *Козлов Д. Ю.* Стратегическое затишье... С. 8.

¹²⁴ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 199; К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 47.

пешком и объехал на автомобиле Гельсингфорс и задержал 9 офицеров и 39 нижних чинов. Им ставилось в вину неотдание чести военнослужащим, находящимся на другой стороне улицы, а также нижними чинами друг другу, плохая обученность при постановке во фронт, неопрятный внешний вид и т. д. Для исправления замеченных недостатков адмирал приказал два раза в неделю по часу обучать матросов отданию чести и знанию начальствующих лиц. Для наблюдения за исполнением этого распоряжения в Гельсингфорсе устанавливались дежурства штаб-офицеров. На провинившихся налагались взыскания: две недели домашнего ареста для офицеров и две недели неувольнения для нижних чинов. Санкции распространялись и на начальников частей, в которых служили нарушители дисциплины.¹²⁵ Приказ вызвал недовольство во флоте и настолько запал в память рядовых матросов, что они поставили его в вину Непенину через три месяца, во время восстания.¹²⁶

По наблюдениям командира крейсера «Баян» С. Н. Тимирева: «Подобный педантизм в вопросах, которым во время войны не придавалось особого значения, произвел с самого начала невыгодное впечатление на личный состав и создал Непенину немало врагов среди офицерской молодежи и особенно среди матросов».¹²⁷ По словам старшего офицера миноносца «Гайдамак» А. П. Белоброва, на поднятие дисциплины приказ командующего влияния не оказал.¹²⁸ Не преминул съязвить по поводу нового командующего и командир 1-й бригады крейсеров контр-адмирал В. К. Пилкин, рассказав, как на совете флагманов Непенин «громил личный состав флота и „сволочь команду“, не отдающую ему честь».¹²⁹

¹²⁵ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте... Л. 141–144; *Бажанов Д. А.* Убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина 4 марта 1917 г. // *Революция 1917 г. в России. Новые подходы и взгляды.* СПб., 2010. С. 32, 33.

¹²⁶ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Р. Н. Мордвинова; Сост. И. Д. Болдырев, Т. С. Дмитриенко и А. А. Муравьев. М.; Л., 1957. С. 33.

¹²⁷ *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. С. 57, 58.

¹²⁸ *Белобров А. П.* Воспоминания военного моряка 1894–1979 / Изд. подгот. О. А. Белоброва, В. А. Ромодановская. М.; СПб., 2008. С. 242.

¹²⁹ *Пилкин В. К.*, адмирал. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 128.

В апреле 1917 г. один из матросов «Павла I» писал в газете «Волна»: «С назначением Непенина на пост командующего флотом застонал весь флот. В буквальном смысле этого слова, нас лишили всего. Пошли аресты за каждый пустяк, ввели такую дисциплину, перед которой тает хваленая германская. Офицерам приверженцам старого порядка предоставили широкое поле деятельности, и они воспользовались».¹³⁰ Карцеры на «Павле I» были переполнены, очередь на отсидку составляла 40–50 человек. Развилось доношительство, поощряемое офицерами. Особенно раздражало матросов то, что на берег специально посылались офицеры, чтобы следить за ними и докладывать начальству кто курит, не отдает честь, ездит в трамвае, появляется в неразрешенных местах.¹³¹ Командующий больше всего любил «сажать на оклад», т. е. лишать денежного довольствия на 6 месяцев, что, в свою очередь, вело к воровству. Недовольство матросов вызвал запрет на продажу книг нижним чинам и введенные Непениным обязательные занятия гимнастикой два раза в неделю.¹³²

Подтягивать дисциплину стали и рядовые офицеры. Как вспоминал матрос «Павла I» Н. Ховрин: «Не проходило ни одного дня, чтобы не было кому-либо дано в морду».¹³³ Очевидно, что «кулачное право», не исчезавшее из армейского и флотского быта, укрепилось после вновь введенных в 1915 г. по распоряжению Николая II телесных наказаний, отмененных в 1904 г.¹³⁴ Масла в огонь недовольства действиями командующего добавил эпизод, произошедший за несколько дней до Февральской революции. На «Павле I» команда отказалась есть суп из гнилой рыбы. На линкор прибыл Непенин. По свидетельству одного из матросов, он «выпустил на нас (матросов. — А. С.) такой поток самых грязных, нецензурных

¹³⁰ *Матрос с «Павла I»*. В дни революции // Волна. 1917. 4 апр.

¹³¹ *Бажанов Д. А.* Щит Петрограда: Службные будни балтийских дрейноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 71.

¹³² *Матрос с «Павла I»*. В дни революции; РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 7; *Шпилевский И. Ф.* Братва (Балтийские матросы в гражданской войне). Воспоминания. Л., 1929. С. 37. Отдельные эпизоды мемуаров Шпилевского дословно совпадают с рассказом матроса с «Павла I», а поскольку тот и другой служили на одном корабле, то возможно, что это одно и то же лицо.

¹³³ *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте. С. 56.

¹³⁴ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота... С. 26.

ругательств, которых бы не услышали от ломового извозчика в старое время».¹³⁵ При этом 53 старшины адмирал посадил на оклад.¹³⁶

За две недели до Февральской революции, во время смотра на крейсере «Диана», адмиральскому разносу подверглась команда корабля за незнание одним из членов экипажа имени наследника престола.¹³⁷ По словам моряка с этого же судна П. Малькова, они «люто ненавидели Непенина за бесчеловечное отношение к матросам».¹³⁸

Однако все выглядело не так однозначно, как может показаться из приведенных рассказов. Так, жена А. И. Непенина Ольга Васильевна Романова рассказывала о том, что когда в 1918 г. в Петрограде она с маленькой дочкой буквально умирала от голода, то на помощь ей пришел бывший вестовой ее мужа Беликов, служивший в МГШ. При его содействии она поступила на службу с пайком. И в то же время сослуживцы Непенина капитаны 1-го ранга А. М. Пышнов и А. В. Стеценко, неоднократно бывавшие у адмирала дома, а впоследствии состоявшие на советской службе в морском ведомстве, из трусости отказали ей в устройстве на работу.¹³⁹ После переезда в Ростов-на-Дону она работала в порту, и там матросы, служившие ранее на Балтийском флоте, оказывали ей различные услуги из уважения к памяти ее мужа.¹⁴⁰ При этом один из них, судя по рассказу Ольги Васильевны, служил на «Павле I».

К мерам, содействовавшим укреплению дисциплины, А. И. Непенин относил развитие во флоте массового спорта. Командующий считал, что занятия спортом отвлекут личный состав от разлагающих революционных идей и будут способствовать поднятию духа команд стоящих в бездействии кораблей. По его инициативе планировалось открыть в Гельсингфорсе «Морской дом» — своеобразный культурно-спортивный центр для команд кораблей. На рас-

¹³⁵ *Матрос с «Павла I»*. В дни революции.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 81.

¹³⁸ *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. 2-е перераб. изд. М., 1962. С. 13.

¹³⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 27–28.

¹⁴⁰ Там же. Л. 22–26.

ходы для организации спорта Непенин выделял и необходимые денежные средства.¹⁴¹

С не меньшей, если не с большей придирчивостью относился А. И. Непенин к нарушению дисциплины и со стороны офицеров, при этом в отдельных случаях он признавал свою неправоту.¹⁴² По мнению командующего, в дисциплинарных проступках и плохом знании службы нижними чинами виноваты их начальники, не занимающиеся воспитанием подчиненных.¹⁴³

Вместе с тем методы командования, практиковавшиеся А. И. Непениным, вызывали возражения ряда сослуживцев. Так, флагманский артиллерийский офицер штаба командующего флотом капитан 1-го ранга Н. И. Игнатьев говорил К. Г. Житкову: «Ну, батенька, и командующий — начальник почтовой конторы — все хочет до мелочей знать и требует себе докладов».¹⁴⁴

Судя по всему, мало что изменилось в штабе флота и через три месяца. В дневнике И. И. Ренгартена за 20 декабря 1916 г. есть такая запись: «Адриан Иванович навел внешний порядок, вселил к себе большой страх, но, как слышно, „любви“ (м[ожет] б[ыть] — пока) — не заслужил.

В управлении его флотом чувствуется излишняя централизация, нетерпимость к чужому мнению и интерес к мелочам.

Кроме того — непозволительная грубость, хамейшее обращение с людьми самыми почтенными.

На этой почве уже имели место маленькие столкновения, нап[ри- мер] с Кедровым; говорят, что он значительно успокоился, но тем не менее атмосфера в штабе тяжелая, инициатива подавлена, необходимость носить мелочи адмиралу нервирует, отнимает время, раздражает обе стороны.

¹⁴¹ *Волхонский И. А.* Линейный корабль «Полтава» (Биографический этюд) // Военная быль. Париж, 1959. № 37. С. 5–7; № 38. С. 1–4; *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 207–208.

¹⁴² *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 200–203; *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. С. 59–61; РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 81; Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 7 об.

¹⁴³ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 201.

¹⁴⁴ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 47.

Надо надеяться, что он сам поймет, что пересолил.

В течение последних 3-х дней у нас с ним были оперативные „заседания“; заключаю это слово в скобки, ибо все сводилось к диктовке, под которую писал Развозов, а мы с Типольтом слушали.

Это бы еще ничего, но сама диктовка сумбурна, слишком длинна, утомительна, а главное, почти не вносит ничего нового по сравнению с намеченным уже планом.

Но Непенин не может иначе: он привык вещать и изливаться». ¹⁴⁵

Сходную характеристику методам А. И. Непенина в командовании флотом давал и офицер службы траления Киреев: «По-видимому, Непенин, доведя до идеального состояния службу связи, полагал, что в качестве командующего флотом он сможет быть непосредственным руководителем во всех частях флота и повсюду внести ту стройность и порядок, которые царили в службе связи. Обширность задачи, по сравнению с деятельностью его в службе связи, носившей к тому же характер берегового учреждения, не смущала этого человека, отличавшегося решительным и властным характером, граничившим с упрямством и часто проявлявшимся в резкой форме. Он не терпел возражений и не допускал мысли, чтобы кто-нибудь лучше его мог организовать ту или иную отрасль во флоте, который был ему поручен». ¹⁴⁶ Непенин стремился «всех и все подчинить своему личному мнению и направить дело по тому руслу, по которому оно, как ему казалось, должно было идти с наибольшим успехом». ¹⁴⁷ Так, внесенные им изменения в систему работ по тралению на практике оказались неэффективными. ¹⁴⁸

В то время как А. И. Непенин занимался подтягиванием дисциплины во вверенном ему флоте и разработкой планов кампании на 1917 г., политическое положение в стране продолжало ухудшаться, что не могло не отразиться на личном составе флота. Недовольство складывавшейся ситуацией распространилось и на офицерскую среду. Так, в дневнике И. И. Ренгартена за январь 1917 г. резко воз-

¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 391.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 42. *Киреев*. Очерк тральных работ в Балтийском море за время войны 1914–1918 гг. Кампания 1916–1917 гг. Части IV–V. Общий обзор. Л. 13.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. Л. 14, 16.

растает количество записей, в сравнении с 1916 г., о положении в стране, негативной оценке правительства и царской власти.¹⁴⁹ Так, 10 января 1917 г. он отметил: «Могу только сказать, что наша офицерская флотская среда открыто возмущается всем происходящим и что все это мракобесие революционизирует страну повально».¹⁵⁰ Ренгартен также отмечал недовольство в придворных кругах.¹⁵¹ Так, посетивший Ставку адмирал Свиты М. А. Кедров передавал, что «там никто не уверен в завтрашнем дне».¹⁵² Обобщая происходившее в стране, И. И. Ренгартен пришел к выводу, что «престиж царской власти никогда не падал еще так низко».¹⁵³ Следует отметить, что подобная оценка настроений офицеров Балтийского флота встречается и у других современников. Так, один из доверенных лиц А. В. Колчака, начальник Статистического отдела МГШ, капитан 2-го ранга В. В. Романов в письмах к нему от 10 и 17 ноября 1916 г. с нескрываемым раздражением говорил о деятельности «темных сил» при дворе.¹⁵⁴ Недовольство порядками в стране выражал в своем дневнике и командир миноносца «Пограничник», капитан 2-го ранга Н. А. Типольт, который писал, что офицеры понимали, «как плохи были наши дела».¹⁵⁵

Неудовлетворенность положением в стране, понимание необходимости перемен, поскольку «старый режим ведет ко второй Цусиме»,¹⁵⁶ привели ряд офицеров к мысли о необходимости что-то делать, но когда вставал вопрос — что, наступала растерянность. В сложившейся ситуации группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского решила выявить политические симпатии А. И. Непенина. Этот шаг еще раз показывает, что, способствуя его продвижению в командуящие флотом, она преследовала только чисто профессиональные, военные цели.

¹⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 393; Д. 201. Л. 4—8.

¹⁵⁰ Там же. Д. 201. Л. 4.

¹⁵¹ Там же. Л. 5.

¹⁵² Там же. Д. 199. Л. 393.

¹⁵³ Там же. Д. 201. Л. 6.

¹⁵⁴ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 173а, 178а.

¹⁵⁵ Дрезен А. К. 1) Центральные матросские и офицерские организации. С. 49; 2) Армия и флот... С. 58.

¹⁵⁶ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом. С. 50.

После того как А. И. Непенин вступил в должность, прошло четыре с половиной месяца, прежде чем состоялся первый серьезный и откровенный разговор по внутривластным темам между И. И. Ренгартеном и А. И. Непениным. Он произошел приблизительно 18 января 1917 г. в каюте адмирала, а воспроизведен в дневнике только 30 января. Причиной тому была «страшная занятость и усталость» автора.¹⁵⁷ Итак, запись Ренгартен сделал примерно через 12 дней после состоявшейся беседы. Следовательно, перед нами не столько дневниковая фиксация события, сколько воспоминания, передающие ход и направление разговора.

Судя по всему, подготовку к аудиенции «декабристы» начали заблаговременно. В качестве формального предлога они решили использовать записку барона Н. А. Типольта о плане кампании на 1917 г. В свое время ее не показали командующему, поскольку она расходилась с его взглядами на оперативную обстановку. Теперь документ стал поводом для приема у А. И. Непенина. Как писал И. И. Ренгартен: «Я охотно взялся за это дело не ради него самого: надобность в этом отпала — план кампании принят, к работам приступлено, подавать еще советы — значит, ломиться в открытую дверь».¹⁵⁸ Однако помимо указанной причины имелась и другая, о которой Ренгартен предпочел умолчать. 23 января должна была состояться встреча А. И. Непенина и И. К. Григоровича с Николаем II в Царском Селе.¹⁵⁹ И вполне вероятно, что группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского рассчитывала подтолкнуть адмирала на разговор с царем о проведении некоторых реформ в управлении страной в либерально-демократическом духе.

В ходе предстоящей беседы И. И. Ренгартену следовало выявить политические взгляды командующего и выяснить, как далеко тот может пойти в той или иной ситуации. На встречу Ренгартен шел не с пустыми руками. Он намеревался показать А. И. Непенину копию письма А. И. Гучкова начальнику штаба Верховного

¹⁵⁷ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 94.

¹⁵⁸ Там же. В письме флаг-капитана А. В. Колчака Н. Г. Фомина барону Н. А. Типольту от 8 января 1917 г. давалась восторженная оценка этой записки. — РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 261. Л. 216—219.

¹⁵⁹ Николай II накануне отречения. Камер-фурьерские журналы (декабрь 1916—февраль 1917 гг.) / Ред.-сост. Б. Д. Гальперина, В. И. Старцев. СПб., 2001. С. 54—55; Дневники императора Николая II. С. 620.

главнокомандующего генералу М. В. Алексею и стенографическую запись совещания членов Прогрессивного блока Государственной думы с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым у М. В. Родзянко 19 октября 1916 г. Эти документы, которые достаточно широко ходили по рукам, «декабристам» передал К. Г. Житков.¹⁶⁰ Приготовления к намеченной беседе прежде всего свидетельствовали о том, что до этого никаких серьезных политических разговоров с командующим не велось, и он не был посвящен в дела кружка.

Во время встречи с командующим И. И. Ренгартен передал имевшиеся у него бумаги: «Адмирал прочитал эти документы и, в свою очередь, достал из своего письменного стола стенограмму речи Чхеидзе в Г[осударственной] думе, где он называет императрицу шпионкой, шведскую статью о Распутине и ряд памфлетов; все это получено им от наших жандармов.

Когда состоялся этот обмен, разговор оживился, Непенин стал говорить о своих планах и намерениях, о перспективах войны, о том, что надо победить!..

Тут я показал ему пачку полученных от него документов и сказал: „...но как же вот с этим победить?..“.

На это адмирал возразил, что хотя все это и ужасно гадко, но он полагает, все же обойдется, ибо терпеливы очень... это „общество у нас с... с...; пока его подогревали, оно волновалось, а когда прихлопнули, скисло и молчит...“.

Я выступил в защиту „общества“, ссылаясь на влияние ответственных руководителей общественных организаций и народного представительства, которые самым решительным образом настаивали на сохранении спокойствия: революция теперь же была бы слишком на руку немцам.

Далее адмирал перешел на личный состав флота и заявил, что с этой стороны спокоен, ему кажется, что все поуехали, поуспокоились и становятся почти равнодушны...

¹⁶⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 94. Упомянутые в дневнике И. И. Ренгартена материалы опубликованы: Письма Гучкова к генералу Алексею // Пути революции. Харьков, 1926. Кн. II—III (5—6). С. 211—222; Письмо Гучкова генералу Алексею от 15 августа 1916 г. // Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 350—354; *Блок А. А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 144—157.

Я подивился его словам и горячо возражал, сказал, что сейчас только и разговоров, что о внутренней политике, что офицерство проникнуто негодованием и волнением, что, конечно, оно в целом на эксцессы теперь не пойдет и их не допустит, но настроение личного состава в общем самое оппозиционное и, случись что, нетрудно предсказать, на чьей стороне окажется флот.

Я указал адмиралу на заключительные слова письма А. И. Гучкова — что „если кто-нибудь что-нибудь и может сейчас сделать, то это Вы (генер[ал] Алексеев)...“, что может быть именно старшие начальники вооружен[ной] силы сейчас могут указать Монарху на истинное настроение страны и соотношение сил... что среди таких начальников я почитаю неизбежным указать на него, Непенина...

Адмирал ходил по каюте взад и вперед, видимо, задетый последними моими словами. Подумав, он отвечал, что прямой, открытый путь — невозможен, чтобы действовать успешно у царя, нужен путь придворных интриг: отрицательная черта характера, по-видимому, присущая всем Романовым царской крови — подозрительность и завистливость... эти свойства часто мешали хорошим начинаниям... — „...и понять трудно... ведь известно же точно, что не было случая, чтобы монарх, проигравший большую национальную войну, — оставался на троне...“.

На это я возразил, что есть третий путь — путь устранения: „...будем говорить прямо: те крупницы гражданской свободы, которыми мы пользуемся, получены не доброй волей... красивые милостивые слова — в манифестах, а на деле — санкция их продиктована страхом...“. А теперь страх должен быть еще более, еще внушительнее, все пошло кувырком, с глаз упала пелена, нет более правых и левых — есть мракобесы и идиоты и есть патриоты...

В заключение адмирал сказал мне: „Думато об этом, много думато, много ночей...“ («думато» — это одно из многочисленных словечек Непенина).

Далее он сказал что-то непонятное и отрывочно, что набирает к себе людей, которым верит, что-то о кораблях, на которые можно рассчитывать...

Я ничего не понял; это были отрывки мыслей, произнесенных вслух...».¹⁶¹

¹⁶¹ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 94–95.

Как видно из приведенного текста беседы, И. И. Ренгартен постоянно провоцировал А. И. Непенина, а тот все время уходил от прямых ответов. Когда командующий говорил, что главное — это победа в войне, то собеседник указывал на информацию, полученную от жандармов, которая ставила под сомнение слова Непенина. Адмирал, в свою очередь, уповал на терпение и к тому же был низкого мнения об общественных деятелях. Ренгартен, наоборот, ссыался на влияние «ответственных руководителей общественных организаций и народного представительства». Если командующий характеризовал отношение личного состава к политике как почти равнодушное, то его собеседник рассчитывал на флот как на оппозиционную и даже антиправительственную силу. Ренгартен пробовал подтолкнуть Непенина на разговор с царем, чтобы указать ему на истинное положение в стране, но командующий отверг эту инициативу. Тогда Ренгартен предложил «путь устранения» и вместо ясного ответа получил отрывочные и невнятные высказывания о привлечении к себе сторонников. Из этих последних, весьма путаных слов С. П. Мельгунов сделал предположение о том, что командующий Балтийским флотом предпринимал собственные организационные шаги или налаживал связи с уже существовавшими кружками и имел какое-то отношение к намечавшемуся перевороту.¹⁶²

Помимо разговора с И. И. Ренгартеном известно также о беседе А. И. Непенина с начальником Статистического отдела МГШ капитаном 2-го ранга В. В. Романовым. Их встреча произошла в каюте адмирала, по его просьбе, после вступления Непенина в должность командующего. Скорее всего, она могла состояться в сентябре—первой половине декабря 1916 г., так как 25 декабря Романов уже отбыл в служебную командировку в Англию. По словам Романова, «он (Непенин. — А. С.) расспрашивал меня о том, что делается в СПб. (Санкт-Петербурге. — А. С.), о настроениях и отношении к происходящему, как у нас в Генморе (Генеральный морской штаб. — А. С.), так и вообще в городе и свете, и о прогнозах, в частности и моих. Я был абсолютно откровенен. И увы, прогнозы мои (я не надеялся на то, что на верхах образумятся, и мне была ясна картина развивающегося процесса самоубийства монархии) оправ-

¹⁶² Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 158, 159.

дались. Он с грустью слушал меня. (Помню его странный оборот речи — Да, много у меня обо всем этом думато.)».¹⁶³ Этот разговор, как и беседа с И. И. Ренгартеном, свидетельствовал о переживаниях адмирала за судьбу страны, а не о каких-то планах по изменению существовавшего положения вещей.

По свидетельству другого сослуживца: «Непенин страдал от бездействия властей. Он осуждал и парламент с его комиссиями и пу-стоговорением, „которые крючат ногти на ногах”, и обладал подлинно гуманным сердцем, отнюдь не примыкая к мягкотелым либералам, не понимающим ни долга, ни ответственности, когда надо решать, а не рассуждать».¹⁶⁴ Однако по свойствам характера (отсутствие выдержки, неуравновешенность, разносы подчиненных в грубой форме) Непенин не мог стать центром притяжения оппозиционных сил и взять на себя роль неформального лидера.

Помимо выполнения чисто служебных обязанностей А. И. Непенин интересовался и политическим положением в стране. Так, будучи начальником Службы связи, эту информацию он получал от своего ближайшего помощника, капитана 1-го ранга М. П. Давыдова, по образованию военного юриста, имевшего личные связи в думских кругах, человека умеренно либеральных взглядов.¹⁶⁵

После вступления в должность командующего флотом сведения о ситуации в стране к нему приходили от заместителя начальника МГШ капитана 1-го ранга А. П. Капниста, брата которого (родной — Д. П. Капнист и двоюродный — И. И. Капнист) являлись членами Государственной думы. Оба они принадлежали к партии октябристов, представляя земско-помещичий элемент, и входили в Прогрессивный блок. Деятели этого направления надеялись на «спасение положения в стране путем мероприятий свыше».¹⁶⁶ Вполне вероятно, что стенограмма заседания членов Прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым попала к морякам через Д. П. Капниста, участвовавшего в этой встрече.¹⁶⁷ И то, что в штаб флота ее привез К. Г. Житков, лишний раз свидетельствует о тесной связи

¹⁶³ РГА ВМФ Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 82–83. Письмо В. В. Романова — Б. П. Дудорову 12 мая 1961 г.

¹⁶⁴ Там же. Л. 142. Письмо А. Н. Павлова — Б. П. Дудорову 14 мая 1956 г.

¹⁶⁵ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 211.

¹⁶⁶ Там же. С. 211–212.

¹⁶⁷ *Блок А. А.* Последние дни императорской власти. С. 144.

последнего с думскими октябристами. На собраниях этой группы бывал и А. П. Капнист. Известно также, что 4 января 1917 г. он присутствовал на обеде у промышленника И. О. Богданова, где обсуждался вопрос о смене императора, что дало повод С. П. Мельгунову говорить о созревании заговора в МГШ.¹⁶⁸

На том, как проходил обед у И. О. Богданова, следует остановиться особо, чтобы понять органическую неспособность светского общества к какому-либо действию. На нем присутствовали: великий князь Гавриил Константинович, несколько офицеров, адъютант военного министра, член Государственного совета, профессор Московского и Петроградского университетов, экономист И. Х. Озеров, а также представители крупного финансового капитала, в том числе и А. И. Путилов.¹⁶⁹ Рассказ об этой встрече зафиксирован в дневнике французского посла в России М. Палеолога в записи от 5 января 1917 г. Судя по изложению, среди собравшихся находился и сам посол. «За обедом, который был очень оживлен, — писал М. Палеолог, — только и было разговоров, что о внутреннем положении. Под влиянием шампанского его изображали в самых мрачных красках с любезным русскому воображению чрезмерным пессимизмом.

Обращаясь к князю Гавриилу, Озеров и Путилов говорили, что, по их мнению, единственное средство спасти царствующую династию и монархический режим — это собрать всех членов императорской фамилии, лидеров партий Государственного совета и Думы, а также представителей дворянства и армии и торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дальше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей.

Нисколько не протестуя, князь Гавриил ограничился тем, что сформулировал несколько возражений практического характера; тем не менее он обещал передать своим дядюшкам и двоюродным братьям то, что ему сказали.

Вечер закончился тостом „за царя умного, сознающего свой долг и достойного своего народа“».¹⁷⁰

¹⁶⁸ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 667–668; Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 138, 157.

¹⁶⁹ Палеолог М. Дневник посла. С. 667–668.

¹⁷⁰ Там же. С. 668.

Через несколько дней, 8 января, Гавриил Константинович давал ужин в честь своей любовницы.¹⁷¹ На нем присутствовали великие князья Борис Владимирович и Игорь Константинович, полковник Щекубатов, несколько офицеров и «небольшая группа эlegantных куртизанок». О том, что происходило за ужином, М. Палеолог оставил следующую запись: «В течение всего вечера единственным предметом разговора был заговор — гвардейские полки, на которые можно рассчитывать, обстоятельства, которые могли быть наиболее благоприятными для мятежа, и так далее. И все это обсуждалось в присутствии ходивших из угла в угол слуг, внимательно все обзревавших и слушавших девиц, поющих цыган, в винных парах „Мойе“, „Шандона“ и „царского сухого“, лившихся рекой.

Вечер увенчался тостом за спасение святой Руси».¹⁷²

Информация, сообщаемая Палеологом, подтверждалась и другими современниками. Так, жандармский генерал П. Г. Курлов свидетельствовал, что «потерявшее голову великосветское общество, в особенности после убийства Распутина и связанных с ним последующих высылков великих князей Дмитрия Павловича и Николая Михайловича, громко говорило о необходимости дворцового переворота».¹⁷³

Не менее показателен и рассказ жандармского генерала А. В. Герасимова, в то время находившегося в отставке. Один из его знакомых, занимавший видный пост в армии, рассказал ему о существовании двух заговоров: военного и дворцового с одинаковой программой: отречение Николая II, провозглашение царем наследника при регентстве Михаила Александровича.¹⁷⁴

Атмосфера «заговора» захватила великосветский Петроград. По словам председателя Думы М. В. Родзянко: «Все негодовали, все жаловались, все возмущались и в светских гостиных, и в политических собраниях, и даже при беглых встречах в магазинах, в театрах и трамваях, но дальше разговоров никто не шел».¹⁷⁵

Переход либеральной оппозиции в конце 1916 г. к «штурму власти» не мог не затронуть армию и флот. Уроки революции 1905 г.

¹⁷¹ Там же. С. 680.

¹⁷² Там же. С. 681.

¹⁷³ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 237.

¹⁷⁴ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 187.

¹⁷⁵ Родзянко М. В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Первое полное издание записок председателя

показывали: для того чтобы добиться успеха, следовало повести за собой вооруженные силы, и в этом направлении прилагались определенные усилия. Одним из связующих звеньев между думской оппозицией и штабом Балтийского флота являлся редактор «Морского сборника» капитан 2-го ранга К. Г. Житков, хорошо знавший офицеров флота еще по Русско-японской войне. Его служебное положение позволяло ему беспрепятственно посещать штаб флота в Гельсингфорсе, не вызывая подозрений. Капитан 2-го ранга А. П. Лукин называл его душой «заговора» и писал, что в редакции журнала размножались запрещенные речи думских ораторов.¹⁷⁶ По свидетельству Ф. Ю. Довконт, участвовавшего в переговорах с К. Г. Житковым в Гельсингфорсе, когда речь зашла о дворцовом перевороте, как «самим Непениным, так и всеми офицерами оперативной части флота какое-либо участие флота в подобном деле было категорическим образом признано абсолютно неприемлемым».¹⁷⁷ Однако предложить что-либо взамен насильственным действиям они не смогли, по-видимому, из-за отсутствия реальных планов на данный момент.¹⁷⁸ По воспоминаниям Довконт, на путь дворцового переворота в конце 1916 г. офицеров флота подталкивал и английский посол Дж. Бьюкенен, и кто-то из думской оппозиции, предлагая арестовать Николая II во время смотра флота. Однако эти проекты не нашли понимания ни у Непенина, ни у группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского.¹⁷⁹

В обстановке конца 1916—начала 1917 г., под аккомпанемент небывалой кампании по дискредитации царя и царицы и той государственной власти, которую они олицетворяли, когда во всех неудачах на фронте и в тылу видели происки «темных сил» и «безответственных влияний», разговоры о подготовке дворцового переворота в гостиных и штабах достигли апогея. Казалось, что устоять перед этим валом «правды» невозможно. Однако А. И. Непенин

Государственной Думы. С дополнениями Е. Ф. Родзянко. Нью-Йорк, 1986. С. 211. Подробнее об общественных настроениях в конце 1916—начале 1917 г. см.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 134—162; Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 318—331, 358—372.

¹⁷⁶ Лукин А. П. Бой над Ангерном.

¹⁷⁷ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 215.

¹⁷⁸ Там же. С. 214.

¹⁷⁹ Там же. С. 215.

был человеком здравомыслящим и не склонным к авантюрам.¹⁸⁰ Он понимал, что вся деятельность «конspirаторов» являлась не более чем игрой в революцию великовозрастных шалунов. Самой же народной революции, да еще во время войны, адмирал не хотел и боялся.

В связи с началом работы Государственной думы после перерыва в Петрограде ожидалась беспорядки, поэтому морской министр направил командующим флотами распоряжение о принятии мер в случае волнений.¹⁸¹ В связи с этим 12 февраля 1917 г. командующий Балтийским флотом вице-адмирал Непенин в оперативной телеграмме по флоту писал: «14-го февраля возможна забастовка в Петрограде на политической почве. Имею сведения о возможности железнодорожных, телеграфных и др[угих] забастовок и в пределах подчиненного мне района. Не придавая особого значения этим слухам, однако приказываю: 1) в случае уличных беспорядков таковые прекращать силой, для чего иметь наряд; 2) в случае забастовки железных дорог, телеграфа, телефона и почты таковые учреждения занять войсками для охраны и предупреждения возможных повреждений; 3) иметь наряд людей для обслуживания телеграфов и телефонов для удовлетворения военных нужд; 4) иметь наряд людей, способных провести железнодорожный поезд, в случае надобности. Это мое распоряжение держать в секрете, дабы не возбуждать нежелательных и вздорных слухов. В тревожных случаях способ сношений радиотелеграфом — морским ключом».¹⁸² Поддержание порядка в стране было необходимым условием для доведения войны до победы, а другого исхода А. И. Непенин и не представлял.

Определенные надежды на изменения в государственном управлении морские офицеры связывали с назначением морского министра адмирала И. К. Григоровича премьер-министром. Эта идея родилась в Морском штабе Верховного главнокомандующего, и через приближенных Николая II ее довели до царя. Поначалу он отнесся к ней благосклонно, что породило определенные надежды. Однако в конце концов Николай II остановился на канди-

¹⁸⁰ Там же. С. 215, 216; *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. С. 159.

¹⁸¹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 24; Ф. 941. Оп. 1. Д. 43. Л. 1—1об., 4.

¹⁸² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 90.

латуре А. Ф. Трепова.¹⁸³ Такое решение царя произвело на А. И. Непенина тяжелое впечатление и сделало его пассивным наблюдателем за происходящими событиями.

* * *

Проследив историю назначения контр-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом, можно определенно сказать, что оно имело чисто военное значение и какая-либо политическая подоплека в нем не просматривается. Нет на сегодняшний день и доказательств того, что группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского, а также В. М. Альтфатер и А. П. Капнист, продвигая Непенина, преследовали политические цели в будущем. В должности командующего флотом, как показывают имеющиеся источники, адмирал ни в каких заговорщицких авантюрах не участвовал. Хотя сведения о подобной деятельности к нему поступали, и давление на него оказывалось. Вполне возможно, что Непенин разделял недовольство политикой правительства, однако прямых доказательств этому пока не найдено, как и его критики по адресу Николая II. В должности командующего Непенин сосредоточил усилия на поднятии дисциплины и подготовке флота к новой военной кампании 1917 г. Вопросы, связанные с жизнью нижних чинов, судя по всему, не стали для него определяющими. В качестве исключения можно назвать поощрение к занятию спортом личного состава флота.

Значительно радикальнее был настроен кружок И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского, но и он дальше осуждения действий правительства и разработки весьма туманного плана действий не шел.

¹⁸³ Бубнов А. Д. В царской ставке / Предисл. А. Е. Иоффе. СПб., 1995. С. 87–88; Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. С. 191; Дневники императора Николая II. С. 611.

А. И. НЕПЕНИН И «ДЕКАБРИСТЫ» В ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ

§ 1. Начало восстания в Петрограде: позиция А. И. Непенина и «декабристов»

В историографии прочно утвердилось мнение о том, что командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин первым признал Временное правительство, да еще под давлением кружка И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского.¹ Насколько это суждение справедливо или ложно, можно выяснить, только последовательно рассмотрев действия перечисленных лиц в февральские дни 1917 г.

Возможно, что беседа И. И. Ренгартена с А. И. Непениным 18 января дала определенный импульс деятельности триумvirата. 22 января состоялось первое заседание кружка в 1917 г. Свою работу он начал с обсуждения национального вопроса. Обращение к этой теме было вызвано публикацией книги профессора Петербургского политехнического института, члена кадетской партии Н. А. Гредескула «Россия и ее народы. „Великая Россия“ как программа в решении национального вопроса в России», которая увидела свет в 1916 г.² В развитие идей, заложенных в указанном труде, каждый член группы брался за освещение какого-либо частного аспекта проблемы. Так, например, И. И. Ренгартену предстояло выступить с сообщением о великороссах, финнах, населении Сибири и по балтийскому вопросу. М. Б. Черкасскому предлагалось рассказать о малороссах, тюрко-татарах, румынах, народах Средней Азии и поднять проблему черноморских проливов. Ф. Ю. Довконту следовало

¹ См.: *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 45.

² Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 1 (32). С. 116.

осветить польский вопрос и дать информацию о белорусах, литовцах и национальностях, населявших Кавказ.

Каждому выступающему следовало сделать доклад по прочитанной литературе, а затем предусматривалась дискуссия. Кроме того, на обсуждение ставились злободневные военные и текущие вопросы. Собрания решили проводить раз в неделю. Если исходить из содержания протокола, то выходило, что офицеры создали кружок для политического самообразования. Но в этом документе имелась одна любопытная фраза: «Чтение по разрабатываемой постепенно программе».³ Если мы возьмем протокол четвертой беседы, то в нем обнаружится раздел «Наша программа действий», содержащий план по переустройству политической системы в стране.⁴ Следовательно, можно допустить, что цель по изменению государственного устройства маскировалась идеей политического самообразования.

Во время второй беседы 4 февраля предполагалось рассмотреть проблему черноморских проливов, но поскольку она требовала длительной подготовки, этот доклад решили перенести. А вместо него обсуждалась записка директора дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Базили о проливах.⁵ Кроме этого, рассматривалось

³ Там же.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ В связи с обсуждением записки Н. А. Базили встает вопрос о том, как секретный документ, разработанный в Ставке, оказался в руках людей, к этой операции прямого отношения не имевших. Скорее всего, группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского получила его через А. П. Капниста, тесно связанного как со Ставкой, так и с «декабристами». Представление о том, как в то время охранялась государственная тайна, дает одно из писем А. В. Тимиревой А. В. Колчаку. В нем речь шла о разгроме русских войск под командованием генерала А. М. Зайончковского в Добрудже осенью 1916 г. Вот что об этом писала корреспондентка Колчака: «О событиях в Добрудже я имею много сведений из источника довольно курьезного свойства: кн[ягиня] Голицына, у которой я живу сейчас, на днях встречалась со старшим адъютантом Зайончковского, другом своей очень ранней молодости, и он, по старой дружбе, привез прочесть ей черновик доклада Зайончковского Государю — вот Вам военная тайна? Я иногда думаю, как легко должны немецкие агенты узнавать все, что им надо». — Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку (18 июля 1916 г. — 17–18 мая 1917 г.) / Изд. подгот. А. В. Смолин и Л. И. Спиридонова. СПб., 2002. С. 83.

положение на фронтах, планы союзников на 1917 г., возможность участия Японии в будущей мирной конференции, а также вопросы, связанные с живучестью корпуса в современном бою и длительностью наступательной операции.⁶

В третьей беседе 20 февраля речь шла о разоружении Аландских островов после войны, о наступлении англичан в Месопотамии. В конце заседания сообщалось о дате следующей встречи, назначенной на 24 февраля.⁷ Однако стремительное развитие событий в Петрограде внесло свои изменения в размеренную жизнь кружка.

Информацию о беспорядках в столице в штабе Балтийского флота получили еще ранним утром 26 февраля. В 4 ч. 50 м. Главный Морской штаб направил в Гельсингфорс телеграмму, в которой говорилось о волнениях в Петрограде и давалось распоряжение не увольнять нижних чинов в Петроград.⁸

27 февраля в штаб флота пришел приказ начальника Главного морского штаба о переводе частей на осадное положение. В связи с этим всем военнослужащим запрещалось отлучаться из своих частей и ночевать вне их расположения. Офицерам предлагалось чаще бывать в ротах и «осторожно объяснять нижним чинам сущность момента», делая акцент на том, что беспорядки идут на пользу врагу.⁹ Таким образом, вводя запрет на увольнения, командование пыталось изолировать личный состав от берега, а следовательно, и от получения нежелательной информации.

Беспокойство высшего морского начальства имело под собой основания. В Финляндии находилась главная морская база Балтийского флота. Личный состав флота и сухопутных войск насчитывал 125 тыс. человек, и от того, как поведет себя эта сила в надвигающихся событиях, зависело очень многое.¹⁰

⁶ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 116—118.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте (Опыт систематического исследования революционных событий). Машинопись. Ч. 1. 1 окт. 1924 // РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 39; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 39.

⁹ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 40; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. С. 39.

¹⁰ *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март—октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 20, 21.

Сообщение о «бунте» в Петрограде ряда запасных батальонов гарнизона командующий Балтийским флотом получил 27 февраля от помощника начальника МГШ графа А. П. Капниста¹¹ и помощника начальника Кронштадтского жандармского управления подполковника В. В. Владимирова.¹² Капнист передал также и распоряжение морского министра о принятии мер «для поддержания спокойствия».¹³ Владимиров, в свою очередь, проинформировал штаб флота о событиях в Петрограде с 23 по 27 февраля.¹⁴ Имеющиеся документы показывают, что каких-либо самостоятельных действий командующий флотом 27 февраля не предпринимал.

Теперь рассмотрим реакцию на происходившее в столице кружка И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского. Восстание в Петрограде вызвало настоящую панику у «заговорщиков». 27 февраля в 18 ч. группа собралась, чтобы обсудить план действий, который наметил М. Б. Черкасский. В первую очередь они послали официальную телеграмму К. Г. Житкову с просьбой срочно прибыть в Гельсингфорс, якобы по делу проектируемой газеты для нижних чинов.¹⁵ Поскольку ее текст являлся иносказательным, то можно предположить, что его согласовали заранее, на случай непредвиденной ситуации, а отправитель и адресат этот условный язык знали. Эта телеграмма прямо указывает на наличие конспиративных связей между Ренгартеном—Черкасским и Житковым.

Затем, через некоторое время, состоялось заседание кружка по выработке проекта необходимых мер. В протоколе четвертой беседы записано: «Момент уже пропущен. <...> Теперь мы опоздали».¹⁶ Тем не менее «декабристы» составили программу действий, которая сводилась к следующему: «...должен быть восстановлен Го-

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 2; Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹² Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 7.

¹³ *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Военная работа большевистской партии в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Л., 1972. С. 139.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 7.

¹⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 118; РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 201. Л. 14. В дневнике Ренгартена сказано, что от него была еще «записка» с просьбой приехать «немедленно». В тексте телеграммы Черкасского она отсутствует. — Там же. Д. 153. Л. 26.

¹⁶ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 119.

сударственный Совет текущей сессии, который заседал до рождественского перерыва, так как вновь назначенные среди сессии члены незаконны. <...> Государственный Совет и Государственная дума должны составить законодательный корпус и избрать представителей ответственной перед ними исполнительной власти. При этом все министры, кроме военного, морского и двора (как стоящих ныне вне ведения премьера), должны быть сменены.

Происшедшее должно быть доведено до сведения полковника (Николая П. — А. С.). Вся камарилья должна быть игнорирована и отстранена от власти».¹⁷

Итак, в программе действий, сформулированной участниками кружка, речь шла об ответственном министерстве, но не перед Думой, а перед законодательным корпусом, который должен был состоять из членов Государственного совета и Думы. Здесь следует пояснить, что в Думе и в Государственном совете существовали независимые друг от друга два Прогрессивных блока, оппозиционные правительству. Стремясь ослабить доминирующие позиции Прогрессивного блока в Государственном совете, 1 января 1917 г. Николай II произвел «чистку» верхней палаты. Император перевел в разряд неприсутствующих ряд сановников и на их место назначил новых.¹⁸ Следовательно, план М. Б. Черкасского был ориентирован на состав Государственного совета до его реорганизации. Вместе с тем Прогрессивные блоки Думы и Государственного совета не были едины. В них имелись свои правые, левые и центр.¹⁹ Руководящую роль в думском Прогрессивном блоке играли кадеты, тогда как в Государственном совете — более правые партии. Скорее всего, группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского ориентировалась на октябристские круги, с которыми имела связи через графа А. П. Капниста. Не следует сбрасывать со счетов и то, что среди октябристов было немало бывших военных, в то время как партия кадетов состояла из штафинок. На мой взгляд, имела место и определенная корпоративная солидарность на фоне презрительного отношения к штатским. В связи с этим становится понятной и фраза из дневника И. И. Ренгартена о том, что «Дума и все

¹⁷ Там же.

¹⁸ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 353—355.

¹⁹ Там же. С. 353.

общественные деятели вялы и мягкотелы».²⁰ Следовательно, упор делался на энергичных и жестких, а ими были военные или служившие ранее в армии и на флоте. Таким образом, можно предположить, что Законодательный корпус проектировался как сильная, достаточно компактная и управляемая организация. При этом власть монарха не оспаривалась, и ему принадлежало право назначать министров: военного, морского и двора. С такой постановкой вопроса была согласна и либеральная оппозиция.²¹ Упор в программе делался на смену министров и отстранение от власти «придворной камарильи». Очень похоже, что Черкасский планировал создание военного кабинета для доведения войны до победного конца, поскольку существовавшее правительство с этой задачей, по мнению военных, не справлялось.

Сравнивая программу «декабристов» с пожеланиями генералитета штаба Северного фронта, который предлагал выбрать 30 доверенных лиц, а те, в свою очередь, наметили бы кандидата, которому и следовало вручить судьбу России, т. е. диктатора, В. И. Старцев отмечал более радикальный характер предложений «декабристов».²² Думается, что для такого вывода нет особых оснований, поскольку мы не знаем механизма формирования Законодательного корпуса.

Реализацию программы «декабристы» возложили на К. Г. Житкова. Ему предлагалось созвать совещание общественных деятелей, на котором предстояло выбрать авторитетных представителей для посещения высших начальников на фронте, чтобы заручиться их поддержкой на время перемены власти в тылу. Однако стремительно развивавшиеся события перечеркнули их замыслы, а сам Житков, вместо того чтобы ехать в Гельсингфорс и выполнять громоздкий и малореалистичный план, отправился в Таврический дворец.²³

В 19 ч. 27 февраля в заседании кружка был объявлен перерыв. В 20 ч. 30 м. оно возобновилось. К этому времени в штабе флота расшифровали юзограмму из Петрограда о «беспорядках в войсках». И только тогда «декабристы» приняли решение искать союзников во флоте. Предстояло выяснить отношение офицеров, ко-

²⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 119.

²¹ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 220.

²² Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства... С. 43, 45.

²³ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Т. 2. Д. 1765. Л. 4. Документы К. Г. Житкова, относящиеся к первым дням Февральской революции.

мандующего и начальника штаба к происходящему. Предполагалось также «обезвредить» тех лиц, которые могут помешать их планам. При этом члены группы исходили из того, что флагманы подчинятся приказам командующего.²⁴ Итак, вечером 27 февраля «декабристы» еще только собирались искать единомышленников во флоте. Не имели они и ясности в отношении позиции командующего и начальника штаба флота. Все это говорит об иллюзорности их влияния на флот и его командующего.

Пока кружок И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского обсуждал свои дальнейшие шаги, в штабе флота получили сообщение генерал-губернатора Финляндии Ф. А. Зейна о занятии мятежниками железнодорожных вокзалов в Петрограде и его распоряжение о поддержании порядка на Финляндской железной дороге. Зейн предлагал пресекать беспорядки в самом начале, действуя «энергично и решительно», обращаясь за содействием к войскам.²⁵ Он также распорядился пропускать поезда только до Белоострова, где проходила тогдашняя граница с Финляндией.²⁶ Не менее решительно действовал и Временный комитет Государственной Думы (ВКГД), который прекратил движение поездов из Петрограда в Гельсингфорс,²⁷ из чего можно заключить, что думские «революционеры» настороженно относились к «прогрессивно настроенному» командующему Балтийским флотом, опасаясь присылки войск из Финляндии.

В связи с тем, что Финляндия оказалась в изоляции от столицы, А. И. Непенин направил морскому министру И. К. Григоровичу телеграмму с просьбой информировать его о сути беспорядков для принятия мер на месте.²⁸ В 21 ч. 27 февраля от помощника начальника МГШ А. П. Капниста поступила ответная телеграмма, в которой сообщалось, что «морской министр считает необходимым принять меры для поддержания спокойствия».²⁹ Неопределенность распоряжения можно объяснить тем, что Григорович в это

²⁴ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 119.

²⁵ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 42, 43; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 121.

²⁶ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 120.

²⁷ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 43.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 6.

²⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

время болел инфлюэнцей и лежал с температурой 38°, хотя нельзя исключить и ее «дипломатический» характер.³⁰ Болезнь дала министру возможность на время отстраниться от развернувшихся событий. Отсутствие четких указаний от вышестоящего начальства поставило А. И. Непенина перед необходимостью действовать по собственному усмотрению.

В 3 ч. ночи 28 февраля в штабе флота расшифровали телеграмму помощника начальника Кронштадтского жандармского управления подполковника В. В. Владимирова об образовании Временного правительства во главе с председателем Государственной думы М. В. Родзянко, так современники называли ВКГД.³¹ После этого А. И. Непенин совещался с князем М. Б. Черкасским, а затем принял решение объявить приказом по флоту о событиях в Петрограде.³² Тем более что в Ревеле о беспорядках в Петрограде узнали еще 27 февраля и широко обсуждали столичные новости.³³ Поэтому замалчивать сведения, поступавшие из столицы, Непенин считал нецелесообразным. Информировав флот о волнениях в Петрограде через свои приказы, командующий получал возможность трактовать события исходя из собственного видения ситуации. Восстание в Петрограде Непенин назвал беспорядками «на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене». Если в телеграммах А. П. Капниста и В. В. Владимирова говорилось о «бунте», то Непенин исключил это слово из текста и не упомянул об участии в восстании воинских частей. В приказе говорилось и о переменах в «составе Совета министров».³⁴ Как свидетельствовал И. И. Ренгартен, в первоначальном варианте эта фраза имела другой вид — «перемены в составе правительства»,³⁵ что

³⁰ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 7.

³¹ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 46.

³² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 99.

³³ *Смолин А. В.* Ревель и Петроград в 1917–1918 гг. в дневнике барона Н. А. Типольта // Проблемы исторического регионоведения: Сб. науч. трудов. Вып. 2: К 70-летию профессора В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2009. С. 317.

³⁴ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Р. Н. Мордвинова; Сост. Н. Д. Болдырев, Т. С. Дмитриенко и А. А. Муравьев. М.; Л., 1957. С. 17.

³⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 99.

должно было означать создание нового правительства, а не изменения в составе старого. Причину этого он связывал с тем, что в 15 ч. поступила телеграмма (не указано от кого), из которой не было ясно, образовано правительство или нет.³⁶ Однако это сообщение противоречило действительности. Приказ Непенина был разослан в 8 ч. 15 м. утра 28 февраля.³⁷ Следовательно, если что-то и получили в штабе флота, то до этого времени. По мнению Ренгартена, это распоряжение Непенина показывало, что «Бал[тийский] флот поддерживает Временное правительство».³⁸ Руководствуясь этой оценкой Ренгартена, последующая историография выдвинула тезис о признании ВКГД командующим Балтийским флотом.³⁹ Однако такая оценка выдавала желаемое за действительное.

В 9 ч. утра 28 февраля в адрес командования основных баз флота ушла телеграмма А. И. Непенина с информацией об образовании Временного правительства во главе с М. В. Родзянко и о переходе на сторону правительства пяти гвардейских полков. Он также распорядился увольнять личный состав до 19 ч., а офицерам находиться в своих частях до особой команды, что соответствовало предписанию начальника Главного Морского штаба. В конце телеграммы командующий подтвердил свою директиву от 12 февраля.⁴⁰

Утром 28 февраля командующий посетил линкор «Петропавловск», на котором собрались командиры судов 1-й бригады. Здесь он обратился к офицерам и команде корабля с речью, в которой рассказал о событиях в Петрограде. В основном она повторяла его приказы по флоту. Принимаемые меры Непенин мотивировал тем, что немцы могли произвести нападение, воспользовавшись ситуацией. Отдельную беседу он провел с начальником бригады и командирами судов. После этого последовало соответствующее распоряжение по бригаде. В нем, в частности, предписывалось иметь на кораблях взвод в 24 человека при двух унтер-офицерах и офицере, а также пулемет. Предлагалось также усилить надзор за мас-

³⁶ Там же.

³⁷ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 46–47.

³⁸ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 99–100.

³⁹ *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 44–45; *Куликов С. В.* Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронусаменто» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 158.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 20.

теровыми и посторонними лицами, бригада переводилась на 8-часовую готовность.⁴¹ Меры, принимаемые командующим флотом, говорили о том, что он собирался бороться с возможными беспорядками, а не с немецким вторжением.

В то же время записи И. И. Ренгартена за утро 28 февраля дают несколько иную картину происходившего. В 9 ч. утра он отметил в дневнике: «Ура! Только что узнал потрясающую новость: вчера в Гос[ударственной] думе образовано Временное правительство во главе с Родзянко»,⁴² хотя телеграмма с этой информацией поступила в 3 ч. ночи.

Утром 28 февраля на собрании флагманов командующий флотом заявил, что «ни из Ставки, ни от министра определенных указаний не получено, поэтому он сделает то, что сам найдет нужным, а все подчиненные ему лица и места сделают то, что он прикажет». Далее он разъяснил свою точку зрения «невмешательства» в революцию. По наблюдению Ренгартена: «Наши н[ачальни]ки и командиры, в общем, настроены празднично и сочувствуют революции во спасение родины».⁴³ В этом пассаже нашли отражение настроения скорее автора дневника, чем присутствовавших на совещании.

В 10 ч. А. И. Непенин получил телеграмму А. П. Капниста, в которой сообщалось о том, что Петроград находится в руках мятежников. Все надежды по восстановлению порядка он возлагал на ВКГД. Командующему предлагалось удерживать в повиновении вверенные ему части.⁴⁴

В 11 ч. 29 м. в штабе флота приняли новую телеграмму подполковника В. В. Владимирова с информацией о событиях в Петрограде, восстании в Ораниенбауме, а также о попытках из Петрограда установить контакты с сухопутными частями в Кронштадте. В связи с этим комендант крепости запретил переговоры по телефону всем, кроме коменданта, главного командира и подполков-

⁴¹ Балтийские моряки... С. 17–18; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. С. 39; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 139, 140; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 108.

⁴² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 99.

⁴³ Там же. С. 100.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 14.

ника Владимиров. В телеграмме также сообщалось о приезде 1 марта в столицу Николая II.⁴⁵ За сведения, своевременно представляемые в штаб флота, А. И. Непенин счел нужным поблагодарить Владимиров.⁴⁶

Приезд императора мог изменить ситуацию, поэтому А. И. Непенину приходилось действовать крайне осмотрительно, тем более что указания вышестоящего начальства носили расплывчатый характер. Так, в телеграмме начальника морского штаба Ставки адмирала А. И. Русина содержались общие слова о принятии мер «к поддержанию спокойствия во флоте».⁴⁷ В связи с этим командующий ввел осадное положение в Свеаборге, на Моонзундской и Абосской позициях.⁴⁸ Он также приказал военным властям Кронштадта и Ревеля докладывать о положении на этих базах через каждые шесть часов.⁴⁹

Поздним вечером, в 23 ч. 38 м., 28 февраля в штабе флота приняли телеграмму командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. В связи с прекращением железнодорожного сообщения Финляндии с Петроградом Рузский подчинил все войска, находившиеся на ее территории, командиру 42-го армейского корпуса генералу А. А. Гулевичу, кроме войск, находящихся в распоряжении командующего Балтийским флотом. Рузский предоставил также право А. И. Непенину «давать указания Финляндскому генерал-губернатору в отношении гражданского управления впредь до распоряжения и принять меры по охране железных дорог».⁵⁰ Согласно этому приказу власть на территории княжества перешла в руки военных.

Вместе с тем общая ситуация во флоте начала ухудшаться. В 23 ч. 30 м. 28 февраля по сообщению Главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора г. Кронштадта Р. Н. Ви-

⁴⁵ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 42; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 11⁶–12.

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

⁴⁸ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 30.

⁴⁹ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 52.

⁵⁰ Там же. Л. 54; Февральская революция 1917 года. С. 41.

рена в городе начались беспорядки. В 0 ч. 50 м. 1 марта комендант Кронштадтской крепости А. П. Курош донес о том, что меры «по усмирению» принять не может, поскольку части приказов не исполняют.⁵¹ В связи с этим в 3 ч. 35 м. командующий флотом решил, в зависимости от обстановки, использовать телеграмму А. П. Капниста о том, что в Петрограде, благодаря усилиям Государственной думы, солдаты возвращаются в казармы и ВКГД требует от войск подчинения своим офицерам.⁵² Однако было уже поздно. В 4 ч. утра связь с Кронштадтом прервалась.⁵³ Положение в Кронштадте усугубилось тем, что военные власти крепости пытались скрыть правду о событиях в Петрограде, ужесточив меры по изоляции от мятежной столицы, вместо того чтобы информировать гарнизон и жителей о происходящем.

28 февраля кто-то из чинов штаба флота, возможно М. Б. Черкасский, по поручению А. И. Непенина имел разговор по прямому проводу с кем-то из руководителей МГШ, предположительно А. П. Капнистом. Командующий, несмотря на имеющуюся информацию, запрашивал МГШ о событиях в Петрограде. Из МГШ ответили, что Дума делает попытки по возвращению солдат в казармы и командующим Петроградским военным округом назначен генерал Н. И. Иванов, который прибудет 1 марта. Далее сообщалось, что «главное желание — правительство с лицом, заслуживающим доверия, во главе, которому было бы поручено составить кабинет».⁵⁴ При этом подчеркивалось, что «если верховная власть решится быстро произвести требуемые действия, порядок, бог даст, восстановится».⁵⁵ Следовательно, в думских кругах и у части военных, их поддерживающих, 28 февраля еще сохранялись надежды на создание правительства доверия. Представитель МГШ отметил также, что Генмор являлся единственным военным учреждением в Петрограде, сохранившим организованную телеграфную связь.⁵⁶

Примечательно, что МГШ организовал в Таврическом дворце службу связи, хотя пока точно неизвестно, когда это произошло,

⁵¹ Балтийские моряки... С. 18, 19.

⁵² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Балтийские моряки... С. 18.

⁵³ Балтийские моряки... С. 22.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

и дежурившим там офицерам вменялось в обязанность составлять «листки для осведомления флота».⁵⁷ Это уже был акт прямой поддержки ВКГД со стороны высших офицеров МГШ, и он не мог произойти без ведома А. П. Капниста. Обращает на себя внимание тот факт, что дежурными офицерами в Думе являлись профессиональные морские контрразведчики: начальник Морской регистрационной службы капитан 2-го ранга В. А. Виноградов, начальник Особого делопроизводства МГШ капитан 1-го ранга М. И. Дунин-Барковский. Полученная информация передавалась начальнику статистического (иностранного) отделения МГШ капитану 1-го ранга В. Е. Егорьеву.⁵⁸ Таким образом, офицеры морской контрразведки вместо охраны царизма перешли на сторону его противников.

В Таврическом дворце появился и К. Г. Житков. Это подтверждает удостоверение, выданное на его имя ВКГД 1 марта 1917 г. и подписанное членом партии прогрессистов Н. Н. Львовым, на право свободного выхода из Государственной думы и проживания в столице и ее окрестностях.⁵⁹ Пока трудно сказать, в чем заключались его функции в эти дни, но само пребывание в Таврическом дворце во время восстания явно указывает на его предшествующие тесные связи с думской оппозицией.

Позицию А. И. Непенина 27 и 28 февраля можно характеризовать как пассивно-выжидательную. По всей вероятности, это почувствовали и «декабристы». В связи с этим между М. Б. Черкасским и И. И. Ренгартеном произошел «большой разговор».⁶⁰ К сожалению, Ренгартен не указал его время. В дневнике он отнесен к 1 марта и расположен между записью, отмеченной 0 ч. 35 м. и 2 ч. 15 м. Его содержание отражено в протоколе кружка от 28 февраля.⁶¹ Следует отметить, что предыдущий протокол четвертой беседы, запись которой заканчивается в 21 ч. 15 м. 27 февраля, по содержанию настолько тесно связан с пятой, что возникает впечатление об их искусственной расчлененности. В последнем

⁵⁷ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля—3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 81.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Т. 2. Д. 1765. Л. 4.

⁶⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 100—101.

⁶¹ Там же. С. 120.

предложении четвертого заседания говорится: «Поставлен вопрос: если вспыхнут беспорядки на судах и в Гельсингфорсе, то как на это мы реагируем?», а пятая беседа начиналась со слов: «Князь Черкасский. — Что ты будешь делать, Федя (Ф. Ю. Довконт. — А. С.), если начнется на судах?».⁶² После небольшой дискуссии члены кружка пришли к общему мнению. Они исходили из того, что может возникнуть ситуация, когда Ставка или царь могут приказать флоту поддержать старый режим. В этом случае свою задачу «декабристы» видели в том, чтобы убедить адмирала действовать «во спасение России, хотя и наперекор приказаний сверху».⁶³ В случае же возникновения в Ревеле и Гельсингфорсе манифестаций сочувствия «революции во спасение» они планировали сделать все, чтобы командующий не препятствовал их проведению.

В то время как «декабристы» вечером 28 февраля обсуждали план давления на А. И. Непенина и привлечения к себе сторонников, на другом берегу Финского залива в Ревеле происходили весьма любопытные события. В этот же день вечером начальник 1-го дивизиона миноносцев и старший по минной дивизии капитан 1-го ранга П. В. Вилькен обошел всех командиров эсминцев по отдельности и выяснил мнение каждого о возможном вмешательстве офицеров флота в события в том случае, если новая власть и монарх не договорятся. Это делалось для того, чтобы избежать участия матросских масс в происходящем. Командиры кораблей предложение одобрили. Расплывчатость формулировки по привлечению морских офицеров к разрешению конфликта царя и новой власти свидетельствует скорее о намерении, чем о продуманном плане действий. В этом противостоянии морские офицеры выступали в поддерж-

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 100. Эти слова по смыслу напоминают высказывание, приписываемое А. А. Брусилову: «Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией». — *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Первое полное издание записок председателя Государственной Думы. С дополнениями Е. Ф. Родзянко. Нью-Йорк, 1986. С. 208. Смысловое совпадение этих высказываний наводит на мысль о том, что группа И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского имела информацию о неофициальном собрании в начале января 1917 г. на квартире М. В. Родзянко. Там цитировались эти слова генерала и обсуждался вопрос об устранении Николая II, в той или иной форме, от власти.

ку новой власти.⁶⁴ Из сопоставления действий Вилькена и группы И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского напрашивается вывод о существовании между ними определенной связи.

Чтобы довести до А. И. Непенина принятые решения, «декабристы» постановили идти к нему по очереди в таком порядке: Ф. Ю. Довконт, И. И. Ренгартен, М. Б. Черкасский. При отказе Непенина в действие вступал запасной вариант. В этом случае Ренгартену предстояло привлечь на сторону кружковцев офицера для поручений при командующем Балтийским флотом капитана 2-го ранга А. М. Щастного, а Черкасскому — командующего минной дивизией флигель-адъютанта контр-адмирала М. А. Кедрова.⁶⁵

В протоколах четвертой и пятой бесед обращает на себя внимание упоминание фамилии флигель-адъютанта контр-адмирала М. А. Кедрова, поддержкой которого хотели заручиться «заговорщики». Вряд ли это была случайность. Дело в том, что Кедров и А. И. Гучков, готовивший военный заговор, состояли в родстве (были женаты на сестрах Зилоти). Возможно, что через Кедрова он налаживал контакты в морской среде. Однако сам А. И. Гучков связь с моряками отрицал.⁶⁶ Да и судя по всему, отношение к нему как человеку штатскому в морской среде было скептическим.⁶⁷

В 2 ч. 15 м. 1 марта в штабе флота расшифровали телеграмму В. М. Альтфатера князю М. Б. Черкасскому о происходящем в Петрограде и Кронштадте. Об установившейся власти в ней говорилось следующее: «Ныне — правительство — это президиум Думы с Родзянко во главе. Больше никто не распоряжается».⁶⁸

В 4 ч. утра Непенин совместно с Ренгартеном и Черкасским составили приказ по флоту с информацией о событиях прошедшего дня, который разослали по частям в 8 ч. 31 м.⁶⁹ В 6 ч., а затем в 6 ч. 11 м. А. И. Непенин получил две телеграммы от председателя Думы

⁶⁴ *Смолин А. В.* Ревель и Петроград в 1917–1918 гг. в дневнике барона Н. А. Типольта. С. 318.

⁶⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 101, 120.

⁶⁶ *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. / Предисл. В. Г. Джанибекия; Вступ. ст., сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2003. С. 146, 157.

⁶⁷ Милая химера в адмиральской форме... С. 165, 169.

⁶⁸ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 101.

⁶⁹ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 57.

М. В. Родзянко, в которых говорилось об устранении от управления бывшего Совета министров и переходе правительственной власти в руки ВКГД, давались обязательства комитета водворить спокойствие в тылу и «восстановить правильную деятельность правительственных установлений». ⁷⁰ Вопрос о смене формы правления или об отречении Николая II не поднимался. В ситуации, когда император еще правил, а фактическая власть в столице уже перешла в руки ВКГД, командующему приходилось обдумывать каждый шаг.

После ознакомления с телеграммами М. В. Родзянко А. И. Непенин намеревался переговорить с МГШ, но не смог получить прямого прохода без разрешения ВКГД. И только когда санкция была получена, командующий связался с МГШ. ⁷¹ Этот эпизод еще раз подчеркивает, что «думские революционеры» крайне настороженно относились к командующему Балтийским флотом и, судя по всему, никакой связи между ними ранее не существовало.

В штабе флота крайне внимательно продолжали следить за быстро меняющейся обстановкой в Петрограде. В 7 ч. 11 м. 1 марта состоялся разговор И. И. Ренгартена с В. М. Альтфатером. Ренгартен интересовался прибытием экспедиции генерала Иванова и получил неопределенный ответ — «говорят, приезжает». ⁷² В этой далеко не ясной обстановке Непенин дал ответ Родзянко, выдержанный в крайне обтекаемых выражениях. Предварительно он ознакомил с ним И. И. Ренгартена и М. Б. Черкасского. В нем говорилось: «Указанные в телеграммах ваши намерения считаю достойными, правильными. Полагаю, что лучшим их доказательством будет срочная доставка на заводы по указанию Морского министра листовая стали для мин заграждения, в коих ощущается острая нужда, доставка в Ревель на первое время сто тысяч пудов хлеба, непрерывный подвоз угля в количестве 30 000 тонн в месяц для действия заводов и восстановления железнодорожного сообщения из Петрограда и Кронштадта для срочной доставки в Гельсингфорс новобранцев флота». ⁷³ Телеграмма М. В. Родзянко была отправлена в 9 ч. 30 м. ⁷⁴ Надо отметить, что в ней адмирал одоб-

⁷⁰ Там же. Л. 58; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 102.

⁷¹ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 58–59.

⁷² Там же. Л. 59.

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 4–5.

⁷⁴ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

рял только намерения возглавляемого председателем Думы ВКГД. Причем подтверждением правильности выбранного курса, по мнению Непенина, должно было стать своевременное обеспечение флота всем необходимым. Слова о политической поддержке в ответе командующего отсутствовали. В то же время И. И. Ренгартен, оценивая заявление А. И. Непенина, писал: «...мы присоединились к временному пр[авительству]». ⁷⁵ Думается, что в данном случае автор несколько опережал события.

В 9 ч. 10 м. состоялось собрание флагманов и капитанов, на котором с информацией выступил А. И. Непенин. Он ознакомил собравшихся с поступившими телеграммами, в частности с телеграммами М. В. Родзянко, и своим ответом и объявил, что о своих поступках донес императору, не зачитывая текста документа. ⁷⁶ В 10 ч. А. И. Непенин послал телеграмму Николаю II, в которой писал: «Считаю себя обязанным доложить Его Величеству мое искреннее убеждение в необходимости пойти навстречу Государственной думе, без чего немислимо сохранить в данный момент не только боевую готовность, но и повиновение частей». ⁷⁷ В этой телеграмме вызывают интерес слова о необходимости пойти навстречу Государственной думе. Если исходить из второй телеграммы Родзянко Непенину, то председатель ВКГД говорил только о создании «новой сильной правительственной власти», ⁷⁸ о форме власти — «министерстве доверия» или «ответственном министерстве» — речи в ней не шло. Посылая царю эти телеграммы вместе со своей, Непенин как верноподданный говорил только о своем искреннем убеждении, что и должен был сделать, но не более того. Ни о признании ВКГД, ни о давлении на императора в ней не было и речи. Здесь следует отметить, что о телеграмме М. В. Родзянко от 26 февраля Николаю II, начальнику штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующим фронтами с призывом даровать ответственное министерство Непенин ничего не знал и получил о ней сведения из бюллетеней Исполнительного комитета Государственной думы. ⁷⁹

⁷⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 102.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.

⁷⁸ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 5.

⁷⁹ Там же. Л. 10.

В этот же день, согласно ранее намеченному плану, который претерпел некоторые изменения, с командующим говорил только князь М. Б. Черкасский. Ему «удалось выяснить, что А. И. Непенин твердо решил остаться на взятой позиции, и если бы вдруг государь пошел на такое безумие как протест и, напр[имер], смещение А. И. Непенина, — такое приказание исполнено не будет».⁸⁰ В свою очередь, И. И. Ренгартен рассказал А. М. Щастному о плане давления на А. И. Непенина, но о его реакции в дневнике ничего не сообщается.⁸¹ Если Ренгартен точен в передаче сказанного Непениным Черкасскому, то из этого следует, что уже днем 1 марта адмирал был готов нарушить присягу и не подчиниться Верховному главнокомандующему. Однако это расходится с его действиями.

В 13 ч. 20 м. 1 марта А. И. Непенин запросил Кронштадт и потребовал доложить обстановку.⁸² Наконец в 14 ч. в штабе флота получили телеграмму за подписью прапорщика Краузе с кратким описанием хода событий.⁸³ Поскольку сам командующий не имел возможности воздействовать на сложившуюся ситуацию, то в 14 ч. 30 м. он обратился к председателю Государственной думы М. В. Родзянко с вопросом: «Прошу ответа, на какие поступки с вашей стороны могу рассчитывать в этом направлении».⁸⁴ Обращение к председателю Государственной думы свидетельствовало не о признании ВКГД, а о невозможности самому пресечь беспорядки. Такой ход мысли А. И. Непенина подтверждает и его ответ на телеграмму командующего 42-м армейским корпусом генерала А. А. Гулевича, данный в 16 ч. 30 м. 1 марта о подчинении Николаевского форта Кронштадтской крепости коменданту Выборгской крепости: «На подчинение Николаевского форта до восстановления порядка согласен, ибо из-за льда с флотом прийти туда не могу».⁸⁵ Аналогичная ситуация наблюдалась с Кронштадтом. Ко-

⁸⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 102.

⁸¹ Там же.

⁸² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

⁸³ Там же; *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 72; Балтийские моряки... С. 22; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 142.

⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

⁸⁵ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 121.

рабли, скованные льдом в Гельсингфорсе, не могли оказать влияния на события в крепости. О бунте в Кронштадте А. И. Непенин доложил в Ставку адмиралу Русину.⁸⁶

Для ликвидации «анархии» в Кронштадте Военная комиссия Государственной думы, по распоряжению М. В. Родзянко, решила послать карательный отряд в 800 человек из солдат Семеновского и Егерского полков. Однако солдаты отказались участвовать в подавлении восстания.⁸⁷ Тогда в Кронштадт были направлены депутаты Государственной думы В. Н. Пепеляев и С. А. Таскин.⁸⁸ По сообщению А. И. Гучкова, делегаты выехали уговаривать войска после телеграммы Непенина. Он также просил командующего назвать лицо, которое тот хотел бы видеть во главе Кронштадта, чтобы поддержать этого офицера авторитетом ВКГД.⁸⁹ В телеграмме председателю Военной комиссии ВКГД Гучкову, отправленной в 22 ч. 30 м., Непенин предложил кандидатуру вице-адмирала А. П. Куроша, назначенного комендантом еще императором, или следующего по старшинству вице-адмирала А. Д. Сапсаея.⁹⁰ Очевидно, он не знал об аресте Куроша.⁹¹ Не имел об этом сведений и Гучков, направляя в Кронштадт постановление ВКГД о назначении Куроша главным командиром Кронштадтского порта с оставлением в должности коменданта крепости.⁹² Просьба командующего и распоряжение ВКГД показывали, что они отнюдь не спешили менять представителя царской администрации на назначенца новой власти, так как говорить о полной победе было еще рано.⁹³ В 23 ч. 1 марта Непенин уже телеграфировал в Ставку адмиралу А. И. Русину о постепенном восстановлении порядка в Кронштадте при

⁸⁶ Балтийские моряки... С. 22.

⁸⁷ *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 143.

⁸⁸ *Николаев А. Б.* Революция и власть... С. 384.

⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

⁹⁰ Там же. Л. 96.

⁹¹ Там же. Л. 89–90.

⁹² *Николаев А. Б.* Революция и власть... С. 385. А. И. Непенин также просил А. И. Гучкова остановить дальнейшее движение повстанцев, занявших Белоостров. — РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

⁹³ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 112.

содействии ВКГД,⁹⁴ а в 9 ч. 2 марта командующий доложил о восстановлении порядка в крепости.⁹⁵

§ 2. Признание новой власти

В ночь с 1 на 2 марта произошло событие, которое можно рассматривать как поворот высшего морского командования в сторону новой власти. В 1 ч. 25 м. А. П. Капнист сообщил в Ставку А. И. Русину о том, что по поручению морского министра адмирала И. К. Григоровича ездил к М. В. Родзянко, поскольку министр считал, что следует действовать в согласии с Думой. В свою очередь, Родзянко заявил Капнисту, что ВКГД со Ставкой не связывался, но желал бы вступить в контакт с М. В. Алексеевым и Русиным, чтобы избежать несогласованных действий.⁹⁶ В связи с этим Капнист просил сообщить позицию Ставки по этому вопросу. И далее он писал: «Здесь приходится действовать по обстоятельствам, чтобы установить порядок и не нарушить интересов войны».⁹⁷ Таким образом, на случай победы старой власти было заготовлено объяснение своих поступков. В телеграмме также сообщалось о переходе великого князя Кирилла Владимировича на сторону Государственной думы и опасности, которая грозила со стороны социалистов.⁹⁸ Знал ли об этой телеграмме Непенин, сейчас сказать трудно. Однако она показывает, что, несмотря на казалось бы уже одержанную победу, Капнист вел себя предельно осторожно.

Оценивая действия командующего Балтийским флотом в эти дни, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в телеграмме, посланной 1 марта 1917 г. в 17 ч. 15 м. для передачи Николаю II, писал: «Адмирал Непенин доносит, что не признал возможным протестовать против призыва временного комитета, и, таким образом, Балтийский флот признал временный

⁹⁴ Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 60.

⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 14.

⁹⁶ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 73.

⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 19.

⁹⁸ Там же.

комитет Государственной думы».⁹⁹ Истолковывая таким образом действия А. И. Непенина, М. В. Алексеев стремился оказать психологическое давление на императора и подтолкнуть его на дарование ответственного министерства во главе с председателем Государственной думы М. В. Родзянко. Здесь можно согласиться с выводом С. С. Хесина о том, что и морской министр И. К. Григорович, и командующий Балтийским флотом Непенин 27 февраля—1 марта сохраняли верность царю.¹⁰⁰ При этом они видели в уступках Думе только возможность для победного завершения войны.

2 марта, в условиях казалось бы уже победившей революции, А. И. Непенин продолжал вести себя весьма осмотрительно. Получив в 9 ч. 52 м. 2 марта телеграмму из Ревеля от коменданта морской крепости императора Петра Великого адмирала А. М. Герасимова: «Положение грозит чрезвычайно осложниться, если не будет мною объявлено категорически, на какой стороне я стою с гарнизоном. Прошу решений»,¹⁰¹ в 10 ч. 30 м. Непенин ответил: «Если положение потребует во что бы то ни стало категорического ответа, то объявите, что я присоединяюсь к Временному правительству и приказываю вам и старшему на рейде сделать то же».¹⁰² Итак, еще утром 2 марта ввиду неясности в сложившейся обстановке колебания у командующего еще продолжались, и на признание новой власти он шел только в случае безвыходного положения.

Утром 2 марта на собрании флагманов А. И. Непенин впервые публично обнародовал свою позицию по отношению к происшедшим событиям: «Мы не должны вмешиваться во внутренние дела, однако надо признать, что действия Госуд[арственной] думы патриотичны. Если обстоятельства того потребуют, я открыто заявляю, что признаю Исполн[ительный] комитет Г[осударственной] думы и прикажу всем то же. Буду отвечать один, отвечаю головой, но решил твердо... Обсуждение этого вопроса не допускаю, выслушать мнение Ваше готов по отдельности, для чего пожалуй-

⁹⁹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П. Е. Щеголев; Вступ. ст. Л. Китаева и М. Е. Кольцова. 2-е изд. доп. Л., 1927. Репринтное издание. М., 1990. С. 230.

¹⁰⁰ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 40.

¹⁰¹ Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 13.

¹⁰² Там же.

те ко мне в каюту». ¹⁰³ В этом эпизоде как нельзя лучше проявилась такая черта характера адмирала, как умение брать ответственность за принятые решения на себя. Недаром одной из любимых страниц романа Л. Н. Толстого «Война и мир» у него была сцена совета в Филях, такой, какой изобразил ее писатель. ¹⁰⁴

По воспоминаниям старшего офицера миноносца «Новик» Г. К. Графа, не являвшегося свидетелем описанной сцены, из присутствующих только адмирал М. К. Бахирев прошел в каюту командующего и заявил, что остается верным его величеству и поэтому оставляет службу. В ответ он услышал следующее: «Слушай, Михаил Коронатович, неужели ты хоть на миг усомнился в том, что я не так же верен государю, как и ты... Я еще не представляю себе, как все это могло случиться, каким образом и как государь поставлен в такое положение... Теперь война, которую необходимо довести до конца. Я верю, что после окончания ее государь, если ему только будет благоугодно, снова примет власть в свои руки. Мы же теперь должны не уходить, а оставаться и бороться как с внешними, так и с внутренними врагами путем умелого руководства вверенных нам масс. Иначе, если мы уйдем, то этим только сыграем им в руку...». ¹⁰⁵

Если не брать в расчет монологовую форму рассказа, а следовать за его сутью, то, прежде всего, мы видим ход мыслей убежденного монархиста-верноподданного. О том, что Непенин не помышлял о смене формы правления, говорит и следующий эпизод, произошедший на этом же совещании. На вопрос флигель-адъютанта адмирала М. А. Кедрова: «...не заключается ли в действиях Комитета (ВКГД. — А. С.) указания на его отношение к образцу правления, на это отвечено, что нет». ¹⁰⁶

Осторожность, которую проявил А. И. Непенин 27 февраля—2 марта, можно объяснить еще и его плохой информированностью

¹⁰³ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 122.

¹⁰⁴ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин / Предисл. и биогр. справочник А. Е. Иоффе, В. Н. Фотуньянц. СПб., 1993. С. 204.

¹⁰⁵ Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е изд. СПб., 1997. С. 252. В воспоминаниях А. Н. Павлова этот эпизод звучал так: «Царя нет, но есть Россия. Ты думаешь мне легко? А когда тебе будет невмоготу, приходи ко мне водку пить»: РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 144—144 об.

¹⁰⁶ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 104.

о происходящих событиях со стороны Ставки. В этом плане характерны две его телеграммы, направленные в Ставку адмиралу А. И. Русину 1 марта в 23 ч. 30 м. и 2 марта в 9 ч. 30 м.¹⁰⁷ В них командующий сетовал на то, что в течение недели он не имел никаких указаний из Ставки. В связи с этим Непенин просил сообщить о местонахождении императора и возможности с ним связаться. В заключении телеграммы от 2 марта он писал: «Тем временем обстановка не терпит какого-либо промедления, и потому, если Ставка не может дать мне определенных указаний, то ожидаю директивы „действовать по усмотрению“». ¹⁰⁸ Наконец, в 12 ч. 30 м. 2 марта пришел ответ от Русина. Начальник морского штаба Ставки разрешил Непенину в отношении поддержания порядка во флоте и вверенных ему сухопутных частях действовать по усмотрению. Русин также сообщил, что Николай II в Пскове и сношение с ним должно идти через Ставку. Таким образом, Ставка брала на себя роль цензора по отбору информации для императора. Более подробные указания он обещал дать не позднее 3 марта.¹⁰⁹ Это было связано с тем, что генерал М. В. Алексеев уже начал консультации с командующими фронтами на предмет отречения императора, но Непенина об этом не проинформировали.¹¹⁰ В черновике телеграммы Русина имелась фраза: «Сегодня утром подписан Манифест о сформировании Родзянкой ответственного перед Думой министерства». ¹¹¹ Однако адмирал вычеркнул это предложение. Можно предположить, что вопрос об отречении в Ставке уже решили, еще до получения ответов командующих фронтами.¹¹²

Еще до ответа А. И. Русина в 12 ч. 2 марта Непенин обратился с телеграммой к личному составу флота и подчиненным ему войсковым частям. В ней, в частности, говорилось: «...я действую в полном согласии с Исполнительным комитетом Государственной думы, который занят строительством тыла и призывает войска к полному повиновению своим начальникам, а рабочих к усиленной

¹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 10, 13.

¹⁰⁸ Там же. Л. 13.

¹⁰⁹ Там же. Л. 11 об.

¹¹⁰ Отречение Николая II. С. 237.

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 11а.

¹¹² Отречение Николая II. С. 236.

работе».¹¹³ Данный документ был составлен так, чтобы продемонстрировать лояльность к ВКГД, в то же время не делая заявлений о его политическом признании.

Окончательный поворот к признанию ВКГД произошел у командующего флотом после получения в 14 ч. 30 м. телеграммы из Петрограда, из которой следовало, что среди восставших распространяются лозунги о прекращении войны, раздаче земель, установлении демократической республики и часть войск откликнулась на эти призывы.¹¹⁴ Политический раскол в Петрограде потребовал от А. И. Непенина поддержать ту или иную сторону, и он выбрал тех, кто обещал довести войну до победного конца. В 17 ч. командующий флотом отдал приказ о поддержке ВКГД.¹¹⁵ Одновременно Непенин обратился с просьбой к М. В. Родзянко прислать членов Думы в Ревель и Гельсингфорс.¹¹⁶ Итак, колебания кончились, и командующий Балтийским флотом сделал окончательный выбор.

В 18 ч. 30 м. А. И. Непенин получил информационную телеграмму от М. В. Алексеева, в которой содержались просьбы командующих фронтами к Николаю II об отречении.¹¹⁷ В 20 ч. это сообщение подтвердил и адмирал А. И. Русин. Он также предупредил Непенина о том, что ответ царя еще не получен.¹¹⁸ Несмотря на это, командующий стал действовать решительно и в 20 ч. 40 м. послал Николаю II телеграмму. В ней, не употребляя слово «отречение», он писал, что присоединяется «к ходатайствам великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного председателем Гос[ударственной] думы».¹¹⁹ Таким образом, инициатором отречения становился М. В. Родзянко, а военные только хотели предотвратить надвигающуюся катастрофу. Здесь следует отметить, что ини-

¹¹³ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 23–24.

¹¹⁴ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 78.

¹¹⁵ Там же; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 149, 151.

¹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–148.

¹¹⁷ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 47–51; Отречение Николая II. С. 238–239.

¹¹⁸ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 78–80.

¹¹⁹ Отречение Николая II. С. 242.

циатива с отправкой телеграммы исходила от самого командующего и вызвалась складывающейся обстановкой. «С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать», — писал Непенин.¹²⁰ И это было действительно так. 2 марта матросы объединились с рабочими Ревеля и приняли участие в разгроме тюрем, полицейских околотков, мирового и крепостного судов.¹²¹ В связи с этим командующий принял все зависящие от него меры по успокоению.¹²²

Час спустя, в 21 ч. 25 м., по прямому проводу состоялся разговор А. П. Капниста с А. И. Непениным.¹²³ Капнист проинформировал командующего о создании Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым, которое приступит к работе 3 марта.¹²⁴ И далее следовала весьма примечательная фраза: «Если получишь телеграмму от нового председателя Совета министров князя Львова, имей в виду, что династию предложено сохранить, но Государя императора или низложить, или его уговорить отречься».¹²⁵ Следовательно, насильственный вариант отстранения Николая II от престола высшими военными не исключался, но форма правления мыслилась прежняя. Командующий, в свою очередь, проинформировал собеседника о своей телеграмме Николаю II и о том, что она доложена императору.¹²⁶ Капнист также известил Непенина о назначении Ф. И. Родичева комиссаром в Финляндию.

По мнению ряда думцев и Ф. И. Родичева, население Финляндии было сильно возбуждено против генерал-губернатора княжества Ф. А. Зейна и вице-председателя Финляндского Сената М. М. Боровитинова, а железнодорожники даже угрожали забас-

¹²⁰ Там же.

¹²¹ *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 146—148; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 118—120.

¹²² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 185, 186; Д. 2. Л. 19.

¹²³ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 166—169.

¹²⁴ В 21 ч. 45 м. МГШ уведомил штаб флота о соглашении Петроградского Совета с ВКГД о создании Временного правительства и его составе. — РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 181.

¹²⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 1. Л. 166.

¹²⁶ Там же. Л. 169.

товкой, если эти представители царской администрации не уйдут. По мнению Родичева, арест этих лиц следовало возложить на Непенина. При этом А. П. Капнист добавлял, что взятие под стражу Зейна и Боровитинова зависит от доброй воли адмирала и в случае его согласия последует соответствующий приказ от князя Г. Е. Львова.¹²⁷ В связи с этим интересен ответ Непенина. Командующий считал, что положение в Финляндии спокойное, особенно после введения осадного положения. Он предложил Родичеву приехать в Гельсингфорс и переговорить, и после этого он исполнит приказ. По его словам, Зейна и Боровитинова «черт связал веревочкой» и убирать надо обоих сразу. Однако, по мнению Непенина, в Сенате все, кроме Боровитинова, «люди безличные и неспособные к самостоятельной деятельности». Заменить же Сенат он считал делом непростым. При этом командующий не рекомендовал резко менять порядок в управлении Финляндией, так как это могло привести к волнениям при весьма сильных германофильских настроениях в княжестве.¹²⁸ В конце разговора он заявил, что в отношении Финляндии поступит так, как решит Родичев, хотя это и противоречило его первоначальному высказыванию.¹²⁹ Этот разговор показал очень приблизительное знакомство думцев с ситуацией в Финляндии и в то же время весьма обоснованные суждения Непенина о положении в крае.

Стараясь удержать флот в повиновении, в 23 ч. 30 м. командующий отдал приказ командиру бригады крейсеров В. К. Пилкину и начальнику дивизии подводных лодок Д. Н. Вердеревскому, базировавшихся в Ревеле, об объявлении утром 3 марта состава Временного правительства. В нем особо подчеркивалось то обстоятельство, что образование правительства произошло по соглашению с Петроградским Советом, что должно было свидетельствовать о единении всех партий с целью доведения войны до победы. А. И. Непенин потребовал также не спускать команды на берег, чтобы предотвратить их соприкосновение со «смутьянами».¹³⁰ Однако адмирал В. К. Пилкин, учитывая складывающуюся ситуа-

¹²⁷ Там же. Л. 166, 167.

¹²⁸ Там же. Л. 168.

¹²⁹ Там же. Л. 169.

¹³⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллин, 1958. С. 25.

цию, 3 марта разрешил командам кораблей принять участие в манифестации, тем самым показывая единение флота и офицерского состава с народом.¹³¹

§ 3. Губительное промедление

Ночь на 3 марта в штабе Балтийского флота была, пожалуй, одной из самых напряженных начиная с 27 февраля. О нервозности обстановки говорит и телеграмма А. И. Непенина, поданная им в 0 ч. 35 м. А. И. Русину, Н. В. Рузскому и в Ставку, до того как командующий узнал об отречении. В ней говорилось: «Меры, находящиеся в моем распоряжении, все приняты, но на них мало надежды, нужны коренные и срочные уступки сверху».¹³² И наконец они последовали.

В 1 ч. ночи из штаба Северного фронта пришла телеграмма начальника штаба генерала Ю. Н. Данилова о безотлагательном обнародовании манифеста.¹³³ В 1 ч. 10 м. в штабе Балтийского флота приняли телеграмму из Ставки, в которой сообщалось о подписании манифеста об отречении. Однако с его передачей произошла задержка в связи со снятием дубликата.¹³⁴ А в 1 ч. 30 м. в штабе флота получили телеграмму А. И. Русина, в которой сообщалось об указах Николая II о назначении князя Г. Е. Львова председателем Совета министров, а великого князя Николая Николаевича главнокомандующим, и содержалась информация об отречении.¹³⁵

По-видимому, вскоре после этих сообщений А. И. Непенин отправил телеграмму в Ревель (время подачи не указано). В ней командующий отдал распоряжение командиру крепости П. Н. Лескову, начальнику бригады крейсеров В. К. Пилкину и начальнику дивизии подводных лодок Д. Н. Вердеревскому об их действиях при неполучении текста манифеста. В этом случае им следовало объявить телеграмму начальника штаба Северного флота Ю. Н. Дани-

¹³¹ Там же. С. 499–500.

¹³² РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 28.

¹³³ Там же. Л. 52–53.

¹³⁴ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 91; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 104; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

¹³⁵ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 91.

лова о назначении князя Г. Е. Львова премьер-министром, великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим и об отречении Николая II в пользу брата Михаила.¹³⁶ Таким образом, чтобы сбить накал страстей в Ревеле, командующий разрешал сделать объявление об отречении без наличия официального текста документа.

В 3 ч. ночи в штабе Балтийского флота приняли текст манифеста и указание генерала М. В. Алексеева: «...по получении по телеграфу манифеста таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и, кроме того, напечатан и разослан в части войск».¹³⁷ В 3 ч. 30 м. состоялся разговор по прямому проводу между И. И. Ренгартенем и В. М. Альтфатером. Ренгартен сообщил о получении манифеста. Через пять минут с Альтфатером говорил А. И. Непенин. Альтфатер просил командующего передать текст отречения М. В. Родзянко, так как, по его данным, тот его еще не имел.¹³⁸

Выполняя распоряжения Ставки, А. И. Непенин приказал распространить манифест самым широким образом, напечатав его в газетах и расклеив по городу афиши с его содержанием для оповещения населения. Сам командующий издал два приказа по флоту: № 265 о назначениях князя Г. Е. Львова и великого князя Николая Николаевича и № 267 с манифестом об отречении.¹³⁹ В Ставке были настолько уверены в воцарении великого князя Михаила Александровича, что в 4 ч. 10 м. адмирал Русин сообщил в штаб Балтийского флота, что запросил князя Г. Е. Львова о времени принятия присяги и манифесте о вступлении Михаила на престол.¹⁴⁰ Однако вскоре в политической ситуации произошли коренные изменения, потребовавшие пересмотреть принятые решения.

В Петрограде никак не ожидали, что Николай II отречется в пользу брата, и это вызвало панику в ВКГД и Временном правительстве, поскольку нарушало планы либеральной оппозиции, связанные с регентством. В связи с этим было решено приостановить

¹³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

¹³⁷ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 91; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 118–120.

¹³⁸ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 91, 92.

¹³⁹ Там же. Л. 93.

¹⁴⁰ Там же.

публикацию манифеста.¹⁴¹ В 5 ч. утра М. В. Родзянко, в присутствии князя Г. Е. Львова, из здания Военного министерства по прямому проводу разговаривал с командующим Северным фронтом генералом Н. В. Рузским. После этого состоялась беседа с начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего М. В. Алексеевым. Родзянко потребовал от военных приостановить распространение манифеста. По словам председателя ВКГД, в Петрограде вспыхнул солдатский бунт под антидинастическими и антиофицерскими лозунгами. Добиться его прекращения удалось только обещанием созыва Учредительного собрания для определения формы правления. В связи с этим возводить Михаила на царский трон Родзянко считал недопустимым, так как это могло привести к потере «всякой власти».¹⁴² Не исключено, что он пытался создать такую конфигурацию власти, в которой Временное правительство было бы подотчетно ВКГД во главе с самим М. В. Родзянко. При молчаливом согласии князя Г. Е. Львова он пошел на заведомый обман военных, дав искаженную оценку событий.¹⁴³ Появилась уникальная возможность покончить с монархией, которая успешно завершилась отречением Михаила. Однако честолюбивым замыслам председателя Государственной думы осуществиться не удалось, его обошли конкуренты, но за игры политиков своими жизнями расплатились офицеры армии и флота.

Исполняя просьбу М. В. Родзянко и одновременно осознавая все негативные последствия, Ставка тем не менее направила командующим фронтами телеграммы о необходимости задержать обнародование манифеста. Ознакомить с документом разрешалось только старших начальников.¹⁴⁴ В 6 ч. 45 м. адмирал А. И. Русин передал командующему Балтийским флотом распоряжение гене-

¹⁴¹ Подробнее о причинах приостановки распространения манифеста см.: Отречение Николая II. С. 242–245; *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. С. 330–337; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 102–105.

¹⁴² Отречение Николая II. С. 242–244; Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов / Сост. О. А. Шашкова; Отв. ред. А. Д. Степанский, В. И. Миллер. М., 1996. С. 230–232.

¹⁴³ Отречение Николая II. С. 242–244; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. С. 94–95; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 104–105.

¹⁴⁴ Отречение Николая II. С. 244.

рала М. В. Алексеева задержать объявление манифеста.¹⁴⁵ Однако время уже ушло. Еще не зная об этом, А. И. Непенин в 7 ч. 20 м. на собрании флагманов объявил манифест. Присутствующие «кричали ура! новому государю».¹⁴⁶ Следовательно, старшие офицеры флота приветствовали монархическую форму правления. Не успели флагманы прибыть на свои корабли, как в 7 ч. 40 м. поступил сигнал, приглашавший их снова в штаб флота.¹⁴⁷ К этому времени директиву М. В. Алексеева расшифровали и доложили командующему. Указание об отсрочке с распространением манифеста вызвало настоящую истерику у И. И. Ренгартена: «Что это значит? От Родзянко — приказано задержать объявление манифеста... Но он уже разослан. Что это опять начинается! Что это такое! Господи! Спаси Россию! <...> Боже мой! А Россия — ведь мы близки к анархии, прощай тогда Великая Россия! Да — что же это такое, наконец?!».¹⁴⁸ В отличие от Ренгартена, реакция А. И. Непенина, если судить по его телеграмме М. В. Родзянко, не имела такого эмоционального отпечатка, однако трагизм этого решения осознавался им в полной мере. «Всякое промедление будет губительным», — писал командующий и не ошибся.¹⁴⁹ Понимая все безумие полученного приказа, тем не менее А. И. Непенин попытался его исполнить. В Гельсингфорсе он приостановил объявление манифеста, но все же 50 нижних чинов о нем узнали. В Свеаборге документ довели до сведения небольшой части команд. В Ревеле манифест объявили во всеобщее сведение, и на время это сбило накал борьбы. На Або-Аландской и Моонзундской позициях распространение манифеста удалось задержать.¹⁵⁰

Штаб флота делал все возможные попытки, чтобы получить информацию о причинах отсрочки с публикацией манифеста. Так, А. И. Непенин послал запрос М. В. Родзянко, но ответа не полу-

¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 57.

¹⁴⁶ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 105; *Бенклевский А. И.* Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе // *Возрождение.* 1930. 26 марта.

¹⁴⁷ *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 94.

¹⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 201. Л. 22.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 83.

¹⁵⁰ Февральская революция 1917 года // *Красный архив.* 1927. Т. 3 (22). С. 30, 31; РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 59–62.

чил.¹⁵¹ М. Б. Черкасский обращался в МГШ к А. П. Капнисту и В. М. Альтфатеру. Смысл их ответов сводился к тому, что перенос сроков оглашения манифеста связан с определением формы будущего государственного устройства.¹⁵² Наконец, в 9 ч. утра пришла телеграмма от генерала Рузского с объяснением причин, по которым обнаружение документа было отложено.¹⁵³ В ней он изложил версию М. В. Родзянко о резко обострившейся обстановке в Петрограде и невозможности воцарения Михаила.¹⁵⁴

Несмотря на запрет опубликования отречения, Родзянко тем не менее проявлял интерес к тому, как отнеслись к манифесту те, кто о нем узнал. В 11 ч. 15 м. А. П. Капнист, по просьбе председателя Думы, запрашивал об этом А. И. Непенина. В 11 ч. 55 м. последовал ответ, в котором сообщалось, что его объявление в Ревеле прошло спокойно, а в Гельсингфорсе вызвало некоторую нервозность.¹⁵⁵ Правда, в дополнении к нему, последовавшем в 12 ч. 15 м., начальник штаба флота адмирал Н. М. Григоров писал, что «лица, узнавшие о манифесте, выражали восторг».¹⁵⁶ Скорее всего, эту оценку следует отнести к офицерскому составу флота, что находит подтверждение и в дневнике Ренгартена, и в воспоминаниях А. И. Бенклевского.¹⁵⁷ Запрос Родзянко последовал в то время, когда в Петрограде на квартире князя М. С. Путятина, на Миллионной, 12, шло заседание представителей ВКГД и Временного правительства, на котором решался вопрос об отказе Михаила Александровича от престола.¹⁵⁸ Однако дошла ли эта информация до Родзянко и была ли им использована в ходе совещания, сказать сейчас трудно.

¹⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 83.

¹⁵² Там же. Л. 90; *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 96.

¹⁵³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 46. Телеграмма расшифрована в 11 ч. 30 м., а в 13 ч. 30 м. отослана в Ревель с резолюцией М. Б. Черкасского «только старшим войсковым начальникам». — *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте. Л. 98.

¹⁵⁴ Отречение Николая II. С. 242–244.

¹⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 2. Л. 25; *Февральская революция 1917 года // Красный архив.* 1927. Т. 3 (22). С. 30, 31.

¹⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

¹⁵⁷ *Февральская революция в Балтийском флоте...* С. 105; *Бенклевский А. И.* Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе.

¹⁵⁸ См.: *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства... С. 105–111.

Кроме разрешения ситуации с обнародованием манифеста об отречении в ночь со 2 на 3 марта А. И. Непенину пришлось заниматься вопросом об аресте генерал-губернатора Финляндии Ф. А. Зейна и вице-председателя хозяйственного департамента Финляндского Сената М. М. Боровитинова. После того как в 21 ч. 25 м. 2 марта состоялся разговор А. И. Непенина с Капнистом, о котором уже шла речь, в 3 ч. 42 м. командующий Балтийским флотом получил телеграмму за подписью министра путей сообщения Н. В. Некрасова с распоряжением арестовать Зейна и Боровитинова и содержать их на одном из броненосцев. Он также предложил Непенину созвать Сейм и образовать общественный сенат.¹⁵⁹ В 4 ч. 45 м. российских чиновников арестовали и поместили на линкор «Слава», а их кабинеты опечатали и поставили охрану. Исполняющим обязанности генерал-губернатора стал сенатор А. В. Липский, а вице-председателем Сената — вице-адмирал в отставке А. А. Вирениус. В 5 ч. 30 м. Непенин уже доложил о своих действиях председателю ВКГД и в МГШ.¹⁶⁰

Утром 3 марта (в 11 ч. 15 м.) в штабе флота получили правительственное сообщение с описанием событий, происходивших с 25 февраля по 3 марта. В первую очередь в нем говорилось, что восстание Волынского и Литовского полков произошло в поддержку Государственной думы, что не соответствовало действительности. Помимо изложения событий в нужном для составителей смысле в нем пересказывались некоторые положения приказа № 1 Петроградского Совета без указания на этот документ. К ним относились пункты о невыводе войск гарнизона на фронт, о выборе комитетов и о гражданских правах солдат вне строя.¹⁶¹ Полученное сообщение сразу же отправили в типографию для набора и публикации во всеобщее сведение, и в 15 ч. 30 м. оно уже было готово для распространения.¹⁶²

Некоторое затишье, наметившееся в середине дня, оказалось обманчивым. Прибывшие в Ревель члены Государственной думы не смогли овладеть ситуацией, и войска начали выходить из пови-

¹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

¹⁶⁰ Там же. Л. 29; Д. 2. Л. 22.

¹⁶¹ Там же. Д. 2. Л. 30–33; Февральская революция в Балтийском флоте. С. 105.

¹⁶² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 105.

новения. В связи с этим А. И. Непенин обратился в Петроград, прося прислать А. Ф. Керенского.¹⁶³

Между 12 и 14 ч. началось волнение в минной роте в Гельсингфорсе. Одной из общих причин брожения стала неполная информация со стороны командующего флотом о событиях в Петрограде. К тому же в этот день перед личным составом роты выступал флаг-офицер начальника Минной обороны вице-адмирала А. С. Максимова старший лейтенант К. И. Василевский с речью против «ненавистных тиранов». Все это вместе взятое дало толчок к выступлению. С оркестром, игравшим «Марсельезу», и красными флагами моряки намеревались идти к кораблям. Узнав о случившемся, на место выехали командующий флотом и начальник Минной обороны. Судя по всему, приезд адмиралов по времени не совпал. Сначала прибыл враждебно встреченный собравшимися жесткий А. И. Непенин, а затем либеральный Максимов. Угрозы и уговоры привели к тому, что одни моряки разошлись по казармам, а другие ушли в город, и организованного выступления не произошло.¹⁶⁴ Этот эпизод привлек мое внимание тем, что уже утром 4 марта именно офицеры штаба Минной обороны и часть матросов роты стали инициаторами выдвижения вице-адмирала Максимова в командующие флотом. Можно предположить, что уже 3 марта некоторые офицеры Минной обороны, на разбушевавшейся революционной волне, планировали произвести замену командующего флотом.

Чтобы как-то разрядить обстановку во флоте, А. И. Непенин издал приказ, в котором сообщил, что он «откровенно» вместе с флотом «примкнул к Временному правительству как единственной власти, поддерживающей порядок».¹⁶⁵ И далее, ссылаясь на указания ВКГД о недопущении манифестаций, приказывал не устраивать никаких демонстраций.¹⁶⁶ По наблюдению офицера линкора «Полтава», «команда выслушала приказ с хмурыми лицами».¹⁶⁷

¹⁶³ Февральская революция 1917 года // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 35.

¹⁶⁴ Там же; *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе // Красный балтиец. 1921. № 1. Стб. 52; *Бенклевский А. И.* Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе.

¹⁶⁵ Балтийские моряки... С. 29.

¹⁶⁶ Там же. Такого распоряжения ВКГД обнаружить не удалось.

¹⁶⁷ *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 3. С. 90–91.

В 16 ч. 3 марта А. И. Непенин в последний раз за этот день собрал флагманов и, уже ни на кого не оглядываясь, отдал распоряжение о доведении манифеста до команд. Что же двигало адмиралом, нарушившим приказ высшего начальства? Можно предположить, что днем 3 марта в штабе флота получили какое-то неофициальное сообщение из Петрограда об отречении Михаила. После этого скрывать отречение Николая II было верхом бессмыслия. На эту гипотезу меня натолкнула одна фраза из дневника И. И. Ренгартена. Вечером 3 марта, уже во время восстания в Гельсингфорсе, состоялись переговоры А. Ф. Керенского с представителем моряков. По словам Ренгартена, «от Керенского мы впервые определенно узнали об отречении от престола Мих[аила] Александр[овича]». Выражение «впервые определенно узнали» приводит к мысли о существовании и до этого каких-то неопределенных сведений.¹⁶⁸

В 17 ч. 30 м. манифест об отречении объявили на «Петропавловске», в 17 ч. 40 м. — на «Севастополе», в 17 ч. 45 м. — на «Гангуте»,¹⁶⁹ в 18 ч. 40 м. — на «Полтаве».¹⁷⁰ Во время вечерней молитвы его собирались огласить на «Павле I»,¹⁷¹ на крейсере «Диана»,¹⁷² на миноносцах¹⁷³ и других кораблях. Однако эта мера уже запоздала, многие нижние чины знали об отречении. Замалчивание случившегося накаляло обстановку и усиливало недоверие к офицерам.¹⁷⁴

Как же встретили команды прочитанный им манифест? Так, на линкоре «Полтава» и крейсере «Диана» после прочтения приказа

¹⁶⁸ Винтер Е. Ф. [Положение в Гельсингфорсе] // Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001. С. 142; Февральская революция в Балтийском флоте. С. 108.

¹⁶⁹ Бажанов Д. А. Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 106; Балтийские моряки... С. 30.

¹⁷⁰ Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний. С. 91.

¹⁷¹ Соболев А. Линейный корабль «Император Павел 1-й» в дни революции // Возрождение. 1930. 9 июня (№ 1833). С. 2–3.

¹⁷² Д. А. День 4 марта 1917 г. на крейсере // Военная быль. Париж. 1958. № 32. С. 5.

¹⁷³ Белобров А. П. Воспоминания военного моряка 1894–1979 / Изд. подгот. О. А. Белоброва, В. А. Ромодановская. М.; СПб., 2008. С. 243, 244.

¹⁷⁴ Граф Г. К. На «Новике». С. 255; Сулов П. А. Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 (8) июня.

с текстом отречения команды кричали «ура!». ¹⁷⁵ На миноносце «Гайдамак» ¹⁷⁶ команда выслушала известие спокойно. На «Уссурийце» чтение манифеста закончилось трагически. Во время его объявления один из матросов засмеялся, командир его ударил, и тут же произошла расправа над ним самим. ¹⁷⁷ И так, как мы видим, никакого сожаления по поводу отречения рядовой состав флота не высказал.

В 16 ч. 50 м. А. И. Непенин получил телеграмму от Капниста, в которой сообщалось о прибытии в Гельсингфорс делегации Государственной думы во главе с Ф. И. Родичевым 4 марта. Это была последняя надежда командующего, с помощью которой он намеревался удержать флот от эксцессов. ¹⁷⁸

В 5 ч. дня Непенин собрал представителей финляндских партий и объявил о созыве Сейма, а также обратился к ним с просьбой уговорить население воздержаться от демонстраций и получил утвердительный ответ. ¹⁷⁹

* * *

Поведение А. И. Непенина после начала восстания в Петрограде можно назвать пассивно-выжидательным. Другим оно не могло и быть. Балтийский флот подчинялся непосредственно Ставке, и командующий был обязан выполнять ее приказания. Однако никаких четких и ясных указаний он не получил. Здесь можно говорить о том, что Непенин попал в определенный информационный вакуум. В период с 27 февраля по 1 марта 1917 г. он проявил осторожность в словах и поступках.

Непенину частично удалось изолировать личный состав флота от берега и наладить информирование команд через свои приказы. Однако в силу того что полная изоляция отсутствовала, получился разрыв между сообщениями командующего и «матросским радио». Это привело к тому, что нижние чины стали подозревать

¹⁷⁵ Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний. С. 91; Д. А. День 4 марта 1917 г. на крейсере. С. 5.

¹⁷⁶ Белобров А. П. Воспоминания военного моряка... С. 243; Граф Г. К. На «Новике». С. 269.

¹⁷⁷ Белобров А. П. Воспоминания военного моряка... С. 244.

¹⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 84.

¹⁷⁹ Там же. Л. 118.

командование в сокрытии правды, а это еще больше углубило пропасть между ними.

Когда 2 марта вопрос о власти практически решился, А. И. Непенин как человек здравомыслящий и профессиональный служака поддержал новую власть. Главную свою задачу — удержать флот в руках до вечера 3 марта — ему удалось выполнить. И только приостановка обнародования манифеста об отречении Николая II по распоряжению М. В. Родзянко и М. В. Алексеева стала поводом для трагической развязки в Гельсингфорсе.

Восстание в столице перечеркнуло заранее обдуманные планы «декабристов». В связи с этим их действия свелись к оказанию помощи командующему в составлении приказов. Поскольку А. И. Непенин относился к тем военачальникам, которые принимают решения сами и несут за них ответственность, говорить о политическом влиянии «декабристов» на командующего не приходится.

Относительно реального влияния на события в Петрограде В. М. Альтфатера, К. Г. Житкова, А. П. Капниста, В. Е. Егорьева и других офицеров МГШ, находившихся в то время в столице, можно сказать, что их роль в февральских событиях, по-видимому, была более весомой, чем группы И. И. Ренгартена, о чем говорит установление службы связи в Таврическом дворце.

Чтобы выяснить заслуги перед революцией офицеров штаба флота и МГШ, следует рассмотреть вопрос о получении ими новых должностей и званий от Временного правительства. В группу И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского входили также Ф. Ю. Довконт и К. Г. Житков, хотя его роль как связующего звена между Петроградом и Гельсингфорсом до конца еще не выяснена. К лицам, возможно относившимся к этому кружку, можно причислить Н. И. Игнатьева 2-го, М. В. Сахарова и А. М. Щастного. Отдельную группу составляли офицеры МГШ А. П. Капнист, В. Е. Егорьев, В. А. Виноградов, М. И. Дунин-Барковский. К ней, очевидно, примыкал и В. М. Альтфатер. Особняком стоит фигура адмирала М. А. Кедрова.

Приведенные в таблице данные показывают, что из четырех «декабристов» трое получили повышение по службе в марте, т. е. практически сразу после восстания, и только Ф. Ю. Довконт оставался в прежней должности. Из офицеров МГШ повышение в должности получил В. Е. Егорьев в марте и А. П. Капнист в июле, но это вряд ли имеет отношение к предфевральской деятельности последнего. В. М. Альтфатер вступил в новую должность в апреле. Самым

**Новые должности и звания, полученные офицерами кружка
И. И. Ренгартена—М. Б. Черкасского и офицерами МГШ
после Февральской революции**

Фамилия, должность, звание перед революцией	Новая должность	Новое звание
Житков Константин Георгиевич , исполняющий дела редактора «Морского сборника», капитан 2-го ранга	9 марта назначен в Главный морской штаб; с 21 июля начальник Распорядитель- тельного управления ¹	Звание прежнее
Ренгартен Иван Иванович , начальник разведывательного отделения штаба Балтийского флота, капитан 2-го ранга	10 марта флаг-капитан по оперативной части штаба Балтийского флота, с июля начальник оперативного отдела штаба флота ²	С 28 июля капитан 1-го ранга
Черкасский Михаил Борисович , флаг-капитан по оперативной части штаба Балтийского флота, капитан 1-го ранга	10 марта исполняющий должность начальника штаба флота; 28 июля утвержден в должности начальника штаба ³	28 июля произведен в контр-адмиралы за отличие
Довконт Федор Юльевич , флагманский историограф штаба командующего флотом Балтийского моря, капитан 3-го ранга ⁴	Прежняя должность	С 28 июля капитан 2-го ранга
Игнатьев 2-й Николай Ивано- вич , флагманский артиллерий- ский офицер штаба командую- щего флотом Балтийского мо- ря, капитан 1-го ранга	Исполняющий дела началь- ника артиллерийского отде- ла; исполняющий дела на- чальника Главного управле- ния кораблестроения ⁵	Капитан 1-го ранга
Сахаров Лев Валерианович , исполняющий дела флагман- ского штурманского офицера штаба начальника 1-й бригады линейных кораблей Балтий- ского моря, капитан 2-го ранга	Помощник флаг-капитана по оперативной части шта- ба командующего флотом ⁶	Капитан 2-го ранга

Фамилия, должность, звание перед революцией	Новая должность	Новое звание
Щастный Алексей Михайлович , командир миноносца «Пограничник», капитан 1-го ранга	Март — офицер для поручений при штабе командующего флотом Балтийского моря; 6 июня флаг-капитан распорядительной части штаба флота ⁷	Капитан 1-го ранга
Егорьев Всеволод Евгеньевич , начальник статистического (иностранного) отделения Морского Генерального штаба, капитан 1-го ранга	7 марта стал исполняющим дела помощника начальника Главного морского штаба с исполнением обязанностей начальника этого штаба; 1 июля назначен начальником главного управления личного состава (ГУЛИСО) Главного морского штаба ⁸	Капитан 1-го ранга
Капнист Алексей Павлович , исполняющий должность помощника начальника МГШ и офицер для поручений при начальнике Морского штаба Верховного главнокомандующего, капитан 1-го ранга	27 июля назначен исполнять должность начальника МГШ; 8 сентября — первый помощник морского министра ⁹	С 28 июля контр-адмирал
Альфатер Василий Михайлович , представитель Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта, капитан 1-го ранга	2 апреля 1917 г. — начальник Военно-морского управления штаба главнокомандующего армиями Северного фронта ¹⁰	С 10 октября контр-адмирал
Кедров Михаил Александрович , начальник Минной дивизии, контр-адмирал	5 марта назначен помощником военного министра; с 4 апреля — начальник МГШ; 1 июля отчислен от всех должностей; 14 июля назначен уполномоченным Морского министерства в Лондоне ¹¹	Контр-адмирал

Фамилия, должность, звание перед революцией	Новая должность	Новое звание
В. А. Виноградов и М. И. Дунин-Барковский в должностях и званиях не повышались		

Источники:

¹ РГА ВМФ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 105. Л. 14. Пр. № 4; Ф. 249. Оп. 1. Д. 105. Л. 214. Пр. № 103.

² Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 259.

³ Пилкин В. К., адмирал. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 601–602.

⁴ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 243.

⁵ Пилкин В. К., адмирал. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 538.

⁶ Там же. С. 585.

⁷ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Е. Иоффе. СПб., 1998. С. 141.

⁸ Пилкин В. К., адмирал. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 533.

⁹ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 246.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 213. Л. 303; Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 234–235.

¹¹ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. С. 161.

значительным стало назначение М. Б. Черкасского, вызвавшее удивление у сослуживцев.¹⁸⁰ Возвышение М. А. Кедрова, скорее всего, можно отнести к родственным связям с А. И. Гучковым, хотя сам военный и морской министр это назначение связывал с рекомендацией бывшего морского министра И. К. Григоровича.¹⁸¹

На первый взгляд, вроде бы есть основания связывать повышение по службе перечисленных офицеров с их лояльным отношением к думской оппозиции во время восстания в Петрограде. Вместе с тем здесь надо учитывать и то обстоятельство, что после прихода к власти Временного правительства в результате кадровых чисток во флоте весной и летом 1917 г. в отставку было отправлено 307 адмиралов и офицеров.¹⁸² Поэтому сделать определенный вывод о том, что явилось причиной для продвижения по службе — революционные заслуги или перетряска командных кадров во флоте, пока нельзя.

¹⁸⁰ Смолин А. В. Ревель и Петроград в 1917–1918 гг. в дневнике барона Н. А. Типольта. С. 320–321.

¹⁸¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 69.

¹⁸² Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. С. 25.

ГЛАВА 3

ВОССТАНИЕ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ 3–4 МАРТА

§ 1. «Бунт почти на всех судах»

Вместе с тем жизнь нижних чинов флота шла уже независимо от желания и приказов командующего. По данным мемуаристов, в промежутке между 5 и 7 ч. 3 марта, а скорее всего между 5 и 6 ч. (поскольку увольнение в город разрешалось до 7 ч. вечера), в «Карпатах», скалистом пригороде Гельсингфорса, состоялось собрание представителей флота. Его участники приняли решение начать восстание в 7 (по другим данным в 8) ч. утра 4 марта. Между тем в воспоминаниях матроса с «Павла I» упоминается о каком-то соглашении между воинскими частями и рабочими, которое было достигнуто ранее 3 марта. В других источниках эти сведения отсутствуют.¹ К решительным действиям моряков подтолкнула разноречивая информация, поступавшая из Петрограда, которая расходилась с тем, что сообщал в приказах командующий флотом. По словам матроса с «Павла I»: «Непенин с 28 февраля по 4 марта водил весь флот за нос, сообщал не то, что творилось в Петрограде». Матросы заподозрили, что от них что-то скрывают. В результате родилась мысль о не-

¹ *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе // Красный балтиец. 1921. № 1. Стб. 53; *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (Воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 56; РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 2. Материалы к истории революции в Гельсингфорсе. Рассказ Терентия Липпика; *Матрос с «Павла I».* В дни революции // Волна. 1917. 4 апр.; *Дневник матроса П. И. Свистулева* // РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36; *Дубровская Е. Ю.* 1) Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март–октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 24; 2) Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918): Учеб. пособие. Петрозаводск, 2008. С. 80, 81.

обходимости оказания моральной поддержки Временному правительству и Петроградскому Совету. К тому же приказ А. И. Непенина о запрете манифестаций только обострил ситуацию.²

Относительно того, кто возглавил восстание, в литературе существуют различные точки зрения. Часть советских историков считала, что восстание возглавила большевистская организация.³ Другие были не столь категоричны. Так, В. В. Петраш говорил о том, что руководящий центр восстания находился на линкоре «Павел I», но его состав не установлен.⁴ С. С. Хесин хотя и отмечал главенствующую роль большевиков, но тут же приводил данные о численности эсеровской организации на начало Февральской революции. В Гельсингфорсе она насчитывала 1000 чел., в Кронштадте — 2500 и была самой многочисленной партией на Балтийском флоте. Этим автор давал понять, кто сыграл ключевую роль в восстаниях в двух крупнейших базах Балтийского флота.⁵ О значительной роли эсеровских организаций в Балтийском флоте говорили и современники.⁶ Скорее всего, в подготовке и проведении восстания в Гельсингфорсе эсеровская и большевистская

² *Суслов П. А.* Сутки на «Андреас Первозванном» // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 20 (7) июня; *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. 2-е перераб. изд. М., 1962. С. 12; *Матрос с «Павла I».* В дни революции.

³ *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг. М.; Л., 1948. С. 580; *Богданов А. В.* Моряки-балтийцы в 1917 г. М., 1955. С. 25; *Киуру М. Х.* Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965. С. 8; *Столяренко М. А.* Сыны партии балтийцы (Работа партии большевиков в Балтийском флоте 1907—февраль 1917 г.). Л., 1969. С. 176; *Хесин С. С.* Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977. С. 22; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 152.

⁴ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 50.

⁵ *Хесин С. С.* 1) Моряки в борьбе за Советскую власть. С. 22; 2) Падение влияния непролетарских партий на флоте в 1917 г. // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 35; 3) Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 192; *Елизаров М. А.* Матросские массы в 1917—1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 46—47.

⁶ *Бьеркелунд Б.* Первые дни революции в Балтийском флоте // Военная быль. 1970. № 107. С. 25, 26. Написаны в 1965 г.

организации взаимодействовали. Да и трудно себе представить, чтобы в условиях корабельной жизни они могли действовать по-разному.

По словам одного из участников восстания, матроса с «Андрея Первозванного» П. А. Сулова: «Еще за несколько часов до восстания ничто не указывало на близость грозы». ⁷ Не догадывались о возможности надвигавшегося взрыва и офицеры. ⁸ Да и те из матросов, кто присутствовал на собрании в «Карпатах», вернувшись на корабли, еще не успели подготовить команды к выступлению. По свидетельству очевидцев, восстание началось стихийно. После спуска флага часть команды линкоров «Павел I» и «Андрей Первозванный», которые стояли рядом, собралась на баке и стала перекликаться между собой. В это время к матросам, находившимся на «Павле I», подошел старший офицер старший лейтенант В. А. Яновский, «ненавистный всем без исключения за свой жестокий характер», и потребовал прекратить переговоры. На «Андрее Первозванном» в это время что-то закричали, на «Павле I» подхватили. ⁹ Дальнейшие события один из очевидцев матрос Н. Ховрин описывал так: «Старший офицер бросился бежать в жилую палубу, матросы за ним. В жилой палубе его схватили и повалили, но он был очень сильный и все вырывался. Тогда кто-то из кочегаров схватил из стоящей рядом пожарной пирамиды кувалду и ударил ею Яновского по голове. С этого и началось. Связанная между собой уже не словами, а делами, команда не могла остановиться на этом, но она не знала, что ей предпринять дальше». ¹⁰ Тогда кто-то предложил выпустить арестованных из карцера. Когда караульный офицер лейтенант Савинский отказался это сделать, то был убит кувалдой. После этого матросы захватили винтовки, находившиеся в караульном помещении. Выскочившего на палубу вахтенного начальника мичмана Булича сразила пуля. Затем решили рассчитаться с ненавистными офицерами. Мичман Шиманский заперся в каюте. Завязалась перестрелка, восставшие взломали

⁷ Сулов П. А. Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 20 (7) июня.

⁸ Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е изд. СПб., 1997. С. 278.

⁹ Ховрин Н. В 1917 г. во флоте. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 56–57.

дверь, и один из матросов воткнул японский штык в горло раненого офицера. Затем его выбросили за борт. Командиру корабля удалось уговорить матросов прекратить убийства.¹¹

В результате расправы над офицерами на «Павле I» погибло пять человек, и это самое большое число погибших на одном корабле.¹² Участники событий объясняли это крайне жестокой дисциплиной, установившейся на линкоре.¹³

Аналогичным образом развивались события и на «Андрее Первозванном». Восстание на линкоре началось с того, что вахтенный начальник арестовал двух матросов, которые переключались с товарищами со «Славы», и повел их в караульное помещение. В это время остальные устроили митинг. Раздались призывы взять арсенал. После захвата оружия разоружили караул и стали убивать наиболее ненавистных офицеров. Одним из первых был убит начальник 2-й бригады линкоров контр-адмирал А. К. Небольсин, пользовавшийся дурной славой у матросов. Он намеревался идти в штаб флота и уже сошел с корабля, когда на линкоре раздались выстрелы. Вопреки расхожим домыслам о трусости адмирала, бывавшим в матросской среде, он возвратился и был застрелен на палубе корабля. Психологическое состояние восставших на «Андрее Первозванном» один из участников описывал так: «На шканцах метались ошалелые люди. С бессвязными словами, с синеватыми лицами они похожи были на каких-то демонов. Выстрелы гремели непрерывно. Стреляли во все иллюминаторы офицерских кают».¹⁴

Некоторое успокоение наступило после того, как командир корабля, капитан 1-го ранга Г. О. Гадд прислал своего ординарца, и тот

¹¹ Там же. С. 57–58.

¹² РГА ВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151.

¹³ *Матрос с «Павла I»*. В дни революции; *Колбин И. Н.* Балтийский флот в 1917 г. Л., 1933. С. 9; *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте. С. 56.

¹⁴ *Суслов П. А.* Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 (8) июня. В воспоминаниях Г. К. Графа «На „Новике“» автор приводит рассказ командира «Андрея» капитана 1-го ранга Г. О. Гада о восстании на линкоре: *Граф Г. К.* На «Новике»... С. 268–278; *Курганов Д.*, матрос с л. к. «Андрей Первозванный». Об адм[ирале] Небольсине // Волна. 1917. 8 апр.; *Матрос с «Павла I»*. В дни революции.

прочитал манифест об отречении Николая II. После этого последовали крики «ура!». ¹⁵ Самообладание и выдержка, проявленные командиром корабля, позволили свести число жертв среди офицеров до минимума (4 человека). ¹⁶ На других линкорах, где информация о манифесте была доведена до 19 ч., времени начала восстания, события не имели таких драматических последствий. Спокойствие после объявления манифеста утром 3 марта наблюдалось до середины дня и в Ревеле. Таким образом, прослеживается прямая зависимость между обнародованием отречения и ослаблением противостояния во время восстания. Следовательно, своевременная информация о манифесте давала возможность избежать трагических последствий.

На «Павле I» и «Андрее» на клотике зажгли красные огни и подняли боевые красные флаги. Вслед за ними это же сделали и на других кораблях. ¹⁷ Однако там события вначале приняли не столь драматический характер, как на «Павле I» и «Андрее», и офицерам какое-то время удавалось путем уговоров оттянуть время и задержать поднятие красных огней, поэтому они зажигались не одновременно. Последним его зажгли около 9 ч. вечера на «Гангуте». ¹⁸ Наконец и командующий флотом разрешил зажечь красный огонь, но его распоряжение только зафиксировало фактическое положение вещей. ¹⁹

¹⁵ Сулов П. А. Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 (9) июня.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151–152. Список убитых офицеров, матросов и солдат.

¹⁷ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Р. Н. Мордвинова; Сост. Н. Д. Болдырев, Т. С. Дмитриенко и А. А. Муравьев. М.; Л., 1957. С. 30; Винтер Е. Ф. [Положение в Гельсингфорсе] // Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001. С. 143; Матрос с «Павла I». В дни революции. Клотик — шаровидное устройство, которое крепится на мачте. Внутри него находится фонарь. Красный огонь зажигался в том случае, когда нуждались в помощи. Это сигнал тревоги. В знак солидарности и единства с «Павлом I» и «Андреем» стали зажигать красные огни и на других кораблях.

¹⁸ Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 143.

¹⁹ Балтийские моряки... С. 31.

Судя по всему, руководители восставших на «Павле I» и «Андрее» почувствовали, что на других судах офицерам удастся удерживать команды от активных действий. В связи с этим они передали сигнал: «Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы».²⁰

Передавая психологическое состояние восставших, Н. Ховрин вспоминал: «Никто не был уверен, что это пройдет безнаказанно, да притом все отлично помнили 1905–1906 г. ...».²¹ О том, что тени матросов, расстрелянных во время Первой русской революции, витали над восставшими, говорил и другой участник событий.²² Так, на «Андрее» был убит боцман за то, что похвастался, что видел, кто стрелял в адмирала А. К. Небольсина. Сразу возникло подозрение, что он может выдать, и его убили.²³ Рассказывая об убийстве штурмана «Павла I» лейтенанта В. К. Ланге, Ховрин обратил внимание на то, что когда офицер хотел сказать окружавшим его матросам, кто из них являлся доносчиком, то получил прикладом по голове. В связи с этим мемуарист резонно заметил, что убийца и был этим доносчиком.²⁴ На миноносце «Уссуриец», убив командира, матросы застрелили еще двух офицеров, которые стали свидетелями происшедшего.²⁵

На спонтанность восстания указывает и тот факт, что буквально все свидетели говорят о беспорядочной стрельбе, которую вели восставшие из винтовок, пулеметов и даже орудий.²⁶ Если начало

²⁰ Там же.

²¹ Ховрин Н. В 1917 г. во флоте. С. 59.

²² Матрос с «Павла I». В дни революции.

²³ Ховрин Н. В 1917 г. во флоте. С. 59.

²⁴ Там же. С. 58. С некоторыми изменениями этот эпизод рассказан И. Ф. Шпилевским: *Шпилевский И. Ф. Братва* (Балтийские матросы в гражданской войне). Воспоминания. Л., 1929. С. 34.

²⁵ Белобров А. П. Воспоминания военного моряка 1894–1979 / Изд. подгот. О. А. Белоброва, В. А. Ромодановская. М.; СПб., 2008. С. 244.

²⁶ Там же. С. 243; Четверухин Г. Н. Сплохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 3. С. 91; Сулов П. А. Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 21 (8) июня; Февральская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 1 (32). С. 106, 107; Балтийские моряки... С. 31; Граф Г. К. На «Новике»... С. 268; Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 143.

восстания носило стихийный характер, то вскоре стали возникать определенные организационные формы. Так, матрос с «Андрея» П. А. Сулов заметил: «Постепенно стала проявляться руководящая воля личностей».²⁷ По словам другого участника событий, И. Ф. Шпилевского, штаб восстания — комитет — образовался на «Павле» после 8 ч. вечера.²⁸ В одном из документов он назван Объединенной флотской демократической организацией, что лишний раз подчеркивает ее многопартийный состав.²⁹ Этому способствовало то, что на «Павле» существовала подпольная организация, «большое крепко сплоченное ядро».³⁰ Председателем судового комитета стал машинный унтер-офицер Г. В. Корнев.³¹ Вскоре с «Павла» на другие суда передали сигнал «нужна ваша помощь».³²

Несмотря на стихийность восстания в первые его часы, имеются следы его предварительной подготовки. Об этом, например, свидетельствует посылка в Гельсингфорс вечером 3 марта патрулей, которым следовало поддерживать порядок в городе, пресекать грабежи, ловить провокаторов, шпионов и жандармов. Патрули уничтожили несколько вагонов со спиртным на железнодорожном вокзале, что позволило избежать пьяных погромов и мародерства. Восставшие послали в город и тайные патрули из 2–3 человек для ареста офицеров.³³

Самосуды, имевшие место в Гельсингфорсе, по признанию одного из участников восстания, были «самые необходимые <...> общее святое дело пострадало бы от них (офицеров. — А. С.), если бы их оставили на воле. Все принято во внимание и расчет. Нет лишних жертв <...> Расстрелы тех, кто признан вредными <...> Погибнут все, кто вздумает восстановить старый строй».³⁴ По-ви-

²⁷ Сулов П. А. Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 (9) июня.

²⁸ Шпилевский И. Ф. Братва... С. 34.

²⁹ Балтийские моряки... С. 33; Петраш В. В. Моряки Балтийского флота... С. 50.

³⁰ Ховрин Н. В 1917 г. во флоте. С. 55.

³¹ Соболев А. Линейный корабль «Император Павел 1-й» в дни революции // Возрождение. 1930. 9 июня. (№ 1833). С. 2–3.

³² Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 143.

³³ Матрос с «Павла I». В дни революции.

³⁴ Шпилевский И. Ф. Братва... С. 33.

димому, как таковых письменных списков лиц, которых следовало расстрелять, не существовало. Однако, судя по всему, в матросской среде в отношении особо ненавидимых офицеров сформировалась мысль об их убийстве тогда, когда придет время.³⁵

Известие о начале восстания А. И. Непенин получил во время обеда в штабе флота. О реакции адмирала флагманский исторический журнал сообщал следующее: «На доклад о происходившем на 2-й бригаде Непенин ответил лаконическим „хорошо“, но затем вдруг неосторожно, в присутствии вестовых, высказал сокровенную мысль: „Какой из дредноутов по диспозиции может открыть огонь по «Павлу»?“, но спустя несколько минут сам же сказал: „Нет, не буду проливать крови, это ни к чему“».³⁶ Судя по всему, командующий быстро оценил обстановку и понял, что его приказ просто некому исполнять. В 19 ч. 30 м. он направил телеграмму начальнику морского штаба Ставки Верховного главнокомандующего адмиралу А. И. Русину и председателю Государственной думы М. В. Родзянко. В ней он сообщал о бунте на «Андрее», «Павле», «Славе», об убийстве командира 2-й бригады линкоров адмирала Л. К. Небольсина.³⁷ И, подводя итог, Непенин писал: «Балтийский флот как боевая сила сейчас не существует».³⁸ Но, несмотря на такую оценку, рук командующий не опускал и в конце телеграммы заявлял: «Что смогу — сделаю».³⁹ В 20 ч. в адрес тех же лиц ушла дополнительная телеграмма с лаконичной строчкой: «Бунт почти на всех судах».⁴⁰ В 20 ч. 40 м. восстали минная дивизия и Свеаборгская крепость.⁴¹

В сложившихся условиях А. И. Непенин действовал хладнокровно, обдуманно и расчетливо. В 19 ч. 43 м. на палубе штабного

³⁵ *Матрос с «Павла I»*. В дни революции.

³⁶ *Февральская революция в Балтийском флоте...* С. 123.

³⁷ *Балтийские моряки...* С. 29.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же; *Февральская революция 1917 года (Документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта)* // *Красный архив*. 1927. Т. 3 (22). С. 36.

⁴¹ *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний. С. 91. И. И. Ренгартен датирует восстание минной дивизии 20 ч. 30 м.: *Февральская революция в Балтийском флоте...* С. 107.

судна «Кречет» он держал речь перед командой.⁴² Судя по всему, она была крайне эмоциональной. В заключительной части командующий сказал: «...страной управляет черт. Я все сказал, я весь тут. Вы скажите — кто за меня, кто против пусть выйдет».⁴³ После этих слов матросы качали адмирала. Когда страсти немного поутихли, Непенин предложил выйти тем, кто умел хорошо говорить. По его замыслу, добровольцам следовало пойти на «Славу» и рассказать о речи командующего, а уже после этого на линкор собирался прибыть и сам адмирал.⁴⁴ Непенин также пошел навстречу команде и разрешил поднять на «Кречете» красный огонь.⁴⁵

Ситуацию усугубляло и то обстоятельство, что на линкоре «Слава» находились арестованные Непениным по приказу Временного правительства генерал-губернатор Финляндии Ф. А. Зейн и вице-председатель Финляндского Сената М. М. Боровитинов. Чтобы сбить накал страстей и спасти жизнь высокопоставленных чиновников, он приказал перевести их в штаб флота на «Кречет». После этого по приказу Непенина в сопровождении капитана 2-го ранга В. В. Романова около 11 ч. вечера их отправили по железной дороге в Петроград.⁴⁶

Чтобы как-то разрядить обстановку, в 20 ч. 30 м. Непенин отдал распоряжение собрать в штабе флота по два представителя от корабля и выслушать требования моряков.⁴⁷ Судя по всему, этот шаг адмирала оказал определенное воздействие на команды кораблей, и они стали выбирать депутатов для переговоров с Непениным.

Почувствовав, что разговор у адмирала может породить иллюзию единения рядовых и офицеров, и помня об уроках предыдущих выступлений во флоте, руководители восстания выбрали и

⁴² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 106.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 107.

⁴⁶ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин / Предисл. и биогр. справочник А. Е. Иоффе, В. Н. Фотуньянц. СПб., 1993. С. 205–206; Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля–3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 373; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 22, 29, 94; Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 82. Письмо В. В. Романова — Б. П. Дудорову 12 мая 1961 г.

⁴⁷ Балтийские моряки... С. 31; Белобров А. П. Воспоминания военного моряка... С. 244; Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 143.

послали депутатов с «Павла I» и «Андрея» на другие корабли, чтобы убедить команды арестовывать офицеров и договориться о единстве действий.⁴⁸ Отправка двух делегаций — одной к командующему, а другой на корабли — свидетельствовала об отсутствии единства в рядах восставших. Из штаба флота в Петроград была также отправлена юзограмма, в которой содержалась просьба о проведении срочных переговоров кого-либо из членов Временного правительства, желательно А. Ф. Керенского, с восставшими.⁴⁹

Наконец, в штабе флота на «Кречете» собрались делегаты от команд. Между ними и А. И. Непениным произошел трудный разговор.⁵⁰ Не имея навыков точного выражения своих мыслей, они высказывали их сбивчиво и путано и, по мнению И. И. Ренгартена, «говорили о таких пустяках, что тошно было слушать», но то, что офицеру казалось «вздором», для рядовых моряков являлось жизненно необходимым.⁵¹ В основном требования сводились к получению общегражданских свобод. К ним относились: уважительное отношение офицеров к матросам, обращение на «вы», большая свобода в частной жизни.⁵² Прежде всего это говорило о росте чувства собственного достоинства у нижних чинов. Однако офицерский состав флота этого не заметил. Перечисленные пожелания соответствовали 6-му и 7-му пунктам Приказа № 1 Петроградского Совета, что косвенно может свидетельствовать о знании документа матросами или указывать на всеобщность этих требований среди солдатских и матросских масс.⁵³

О реакции А. И. Непенина на переговоры с представителями команд И. И. Ренгартен оставил такое свидетельство: «Жалко было

⁴⁸ Балтийские моряки... С. 31; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 155.

⁴⁹ *Бажанов Д. А.* Щит Петрограда: Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 108.

⁵⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 107.

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 201. Л. 25. Процитированная фраза в публикации выпущена.

⁵² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 107.

⁵³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: В 5 т. Л., 1991. Т. 1. 27 февраля—31 марта 1917 г. С. 57. Официально Приказ № 1 Петроградского Совета в Гельсингфорсе был опубликован в «Известиях Гельсингфорсского Совета депутатов армии и флота» 9 марта 1917 г. № 1.

смотреть на Непенина — так он устал, бедняга, так он травился и с таким трудом сдерживался. К концу речи он воспалился, сказал, что убили офицеров сволочи, что зажгли красные огни и стреляли в воздух из трусости, что он презирает трусов и ничего не боится».⁵⁴ Командующий также передал через депутатов командам, пролившим кровь, что со своей стороны он крови не прольет, но и не оставит на кораблях виновных в убийствах. Их судьбу, по его мнению, должно решить Временное правительство. Представители команд обещали адмиралу прекратить кровопролитие и беспорядки. По распоряжению Непенина на следующий день депутатам разрешили собраться в столярной мастерской, где для них должны были приготовить чай и хлеб.⁵⁵

Судя по всему, встреча А. И. Непенина с депутатами от кораблей на время внесла определенное успокоение, и, вернувшись в свои команды, они доложили, что «Непенин на их стороне».⁵⁶ Хотя имелись среди них и сомневающиеся в искренности адмирала. «Ну да! Ничего не исполнит что обещал», — сказал один из присутствовавших на встрече.⁵⁷ В свою очередь, Б. П. Дудоров в письме к А. В. Колчаку, рассказывая о настроениях делегатов после этой беседы, со слов третьих лиц, говорил, что матросы «почувствовали злобу и презрение к ним»⁵⁸ со стороны командующего. В свою очередь, В. В. Романов, во время начала восстания обедавший у Непенина, впоследствии писал: «А[дриан] говорил просто, толково и умно, и атмосфера к нему была почтительная».⁵⁹ Впечатления от встречи у разных лиц не совпадали, и это совершенно естественно. Можно предположить, что среди депутатов, побывавших у командующего, преобладали примирительные настроения, поскольку на следующий день команды их переизбрали.⁶⁰

⁵⁴ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 107.

⁵⁵ Балтийские моряки... С. 32; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108.

⁵⁶ Ростовский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 143.

⁵⁷ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108.

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 223.

⁵⁹ Там же. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 82. Письмо В. В. Романова — Б. П. Дудорову 12 мая 1961 г.

⁶⁰ Гаркавенко Д. А. Партия, армия и флот в Февральской революции... С. 156.

Не последнюю роль в общении с моряками сыграло умение А. И. Непенина подбирать нужные слова, которые находили бы отклик у рядовых моряков. «Будучи грубоватым в обычной жизни человеком, он никогда не допускал барского высокомерия в отношении к матросам и, зная характер русского человека, говорил с ним с грубой прямолинейностью простого мужика, чем, очевидно, импонировал многим из них», — писал старший артиллерист линкора «Полтава» Г. Н. Четверухин.⁶¹

Известие о восстании в Гельсингфорсе вызвало резкую реакцию в Ставке и крайнее беспокойство у членов Временного правительства. По его поручению в МГШ срочно отправился министр-социалист А. Ф. Керенский, чтобы по прямому проводу уговорить моряков прекратить выступление.⁶² От восставших в разговоре участвовал машинист линейного корабля «Полтава» А. Ф. Сакман.

Свое обращение Керенский начал со слов: «Товарищ! Вы знаете меня и знаете, что я социалист, а ныне министр юстиции Временного правительства...».⁶³ Такая форма обращения могла говорить о знакомстве переговорщиков, но главное здесь в том, что Керенский знал, что у руля восстания стоят его товарищи социалисты, и делал упор на этом.

Министр зачитал манифест Михаила Александровича об отказе от престола и удостоверил его подлинность как министр юстиции и член Государственной думы. Ради единения всех граждан страны Керенский просил прекратить волнения. При этом он всячески подчеркивал, что офицеры в своем огромном большинстве — вместе с народом. Для большей убедительности он привел фрагмент из речи своего «друга, товарища нашего, члена Государственной думы Чхеидзе», в которой тот призывал к единению солдат и офицеров.⁶⁴

⁶¹ Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний. С. 95.

⁶² Гаркавенко Д. А. Партия, армия и флот в Февральской революции... С. 154.

⁶³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 95. Копия переговоров по прямому проводу, Морской генеральный штаб — Гельсингфорс, между депутатом Керенским и депутатом Балтийского флота машинистом линейного корабля «Полтава» (Там же. Л. 91–101).

⁶⁴ Там же. Л. 96.

Керенский также повторил тексты своих речей 2 марта в Екатерининском зале Таврического дворца и на заседании в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В них он настойчиво проводил мысль о необходимости солдатам слушаться товарищей офицеров.⁶⁵ После прочтения текстов выступлений Керенский просил передать матросам, что из зала заседаний Совета его вынесли на руках.⁶⁶ Этим он хотел подчеркнуть как свой авторитет, так и одобрение солдатской массой его призывов к единению с офицерами.

Обращаясь к матросам, Керенский просил их прекратить разгром флота и пролитие крови и не позорить имя социалиста и демократа. Вместе с солдатами и рабочими он называл их всех героями, которые создали свободную Россию, и снова призывал «не обижать офицеров». Здесь же, не упоминая о Приказе № 1 Петроградского Совета, министр сообщил, что Временное правительство объявит о том, что солдаты и матросы могут пользоваться общегражданскими правами вне службы. Керенский выразил уверенность в том, что настанет время, когда офицеры признают их гражданами и не будут говорить им «ты», и что к этому стремится Временное правительство. Такое заявление министра говорило о том, что Приказ № 1 он распространял только на Петроградский гарнизон. В заключение Керенский от своего имени и от имени Временного правительства призвал матросов верить приказам вице-адмирала А. И. Непенина, поскольку он признал новую власть.⁶⁷

По своему содержанию ответ депутата линейного корабля «Полтава» А. Ф. Сакмана был весьма осторожен. Вначале он выразил радость по поводу смещения старого правительства и удовлетворение тем, что в состав нового министерства вошли «наши же товарищи». При этом Сакман постарался представить происшедшие «беспорядки» как недоразумение. На «Полтаве», по его словам, боевой сигнал подняли из солидарности с «Андреем», так как не знали, что там происходит, а офицеры не разъяснили. Об убийствах офицеров он не сказал ни слова. По его мнению, на кораблях ни-

⁶⁵ Там же. Л. 96–97.

⁶⁶ Там же. Л. 98.

⁶⁷ Там же. Л. 99.

каких беспорядков не было, что матросы флот не разрушают, а выступают в защиту страны от гибели. Сакман назвал и требования, предъявленные Непенину, которые сводились к тому, чтобы матросы «чувствовали себя свободно вне службы». Они просили также по возможности улучшить питание и выдать новое обмундирование. Сакман заверил Керенского, что депутаты, собравшиеся на «Кречете», постараются уладить происшедшее «недоразумение» и просят «одного из наших представителей приехать» в ближайшее время.⁶⁸

Ответ Сакмана удовлетворил Керенского. Он еще раз просил поддержать его как единственного «демократа и социалиста» во Временном правительстве и обещал, что на следующий день в Гельсингфорс придет его товарищ и друг, член Государственной думы социалист М. И. Скобелев.⁶⁹

Призыв А. Ф. Керенского, встреча А. И. Непенина с представителями от команд и обещание созвать на следующий день депутатов от кораблей несколько разрядили обстановку.⁷⁰ Это позволило командующему в 1 ч. 30 м. доложить в Ставку А. И. Русину о прекращении кровопролития и постепенном подчинении команд офицерам, за исключением «Павла» и «Андрея».⁷¹ Шаги, предпринятые Непениным в начальной, острейшей фазе восстания, показывают, что командующий сохранял хладнокровие и выдержку и действовал исходя из обстановки. В связи с этим рассуждения «о крайней растерянности» адмирала представляются неубедительными.⁷²

Разговор А. Ф. Керенского с А. Ф. Сакманом показателен еще и тем, что только из него в штабе флота «впервые определенно узнали об отречении от престола Мих[аила] Александр[овича]». И эта новость потрясла командующего. «Адриан Иванович как-то сразу

⁶⁸ Там же. Л. 100.

⁶⁹ Там же. Л. 101.

⁷⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108. 4 марта речь А. Ф. Керенского с некоторыми пропусками и без ответа А. Ф. Сакмана была отпечатана в типографии штаба флота наряду с манифестами в тысячах экземпляров. — Там же. С. 108–109, 123–124.

⁷¹ Балтийские моряки... С. 31.

⁷² *Бажанов Д. А.* 1) Щит Петрограда... С. 108; 2) Убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина 4 марта 1917 г. // Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 36.

сдал», — отметил в дневнике И. И. Ренгартен.⁷³ К такому развитию событий «прогрессивно настроенный» адмирал был явно не готов. Реакция Непенина на это известие лишний раз показывает его приверженность монархии.

В то время как на «Кречете» командующий флотом встречался с депутатами от кораблей, на площади у штаба флота происходил грандиозный митинг матросов и солдат гарнизона Свеаборгской крепости. Об атмосфере на митинге рассказал матрос с транспорта «Покой» Т. Липпик, наблюдавший за происходящим: «Сразу бросилась в глаза некоторая определенность в организации: некоторые были вооружены ружьями, револьверами, санитары явились с носилками, сумками и т. п.»⁷⁴ Среди собравшихся раздавались крики «Долой немцев!». Митинг продолжался до 12 ч. ночи, и, выработав программу, на следующий день матросы стали расходиться.⁷⁵

Однако спокойствие оказалось обманчивым. Созданная на «Павле I» Объединенная флотская демократическая организация в 5 ч. 30 м. направила в адрес судовых комитетов радиограмму с призывом не доверять командующему флотом А. И. Непенину, которая заканчивалась словами «смерть тирану и никакой веры».⁷⁶

Ранним утром 4 марта А. И. Непенин продолжал предпринимать попытки к установлению контроля над ситуацией. В 5 ч. 45 м. он послал на Абосскую позицию телеграмму, в которой сообщил о своем признании Временного правительства, об отречении Николая II и Михаила, а также разрешил собрания на судах для обсуждения политического положения в стране.⁷⁷ В 6 ч. 10 м. командующий отдал приказ с манифестом об отречении Михаила.⁷⁸ В 7 ч. 15 м. в телеграмме на Моонзундскую позицию адмирал приказывал не прибегать к кровопролитию при восстановлении порядка и сообщал, что он на стороне правительства.⁷⁹ В 7 ч. 20 м. и

⁷³ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 201. Л. 26.

⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 3 об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота... С. 50; Балтийские моряки... С. 33.

⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 122–123.

⁷⁸ Там же. Л. 124.

⁷⁹ Там же. Д. 2. Л. 43.

в 9 ч. Непенин обратился к военному и морскому министру А. И. Гучкову с просьбой о присылке дополнительного числа депутатов Государственной думы.⁸⁰ При этом во второй телеграмме он информировал военного и морского министра о выходе сухопутных частей из повиновения, а сложившееся положение называл критическим.⁸¹ Утром этого же дня, в 8 ч. 10 м., по совету И. И. Ренгартена А. И. Непенин отдал приказ о снятии портретов Николая II.⁸²

Стремясь удержать контроль над флотом, командующий издал приказ, в котором в очередной раз приветствовал новый строй, призывал офицеров к более тесной связи с подчиненными для доведения войны до победного конца. Памятуя об имевших место убийствах, адмирал писал: «Считаю абсолютно недопустимым пролитие драгоценной русской крови. <...> категорически воспрещаю пролитие крови».⁸³ Однако положение на флоте, несмотря на все меры, принятые А. И. Непениным, оставалась неустойчивым.

§ 2. Смерть на посту

В 10 ч. 45 м. 4 марта А. И. Непенин получил телефонограмму от депутатов кораблей, в которой говорилось, что команды судов потеряли к нему доверие. В связи с этим они потребовали от командующего прекращения издания им приказов и телефонограмм. Временное управление флотом, до установления порядка, переходило в руки комитета.⁸⁴ Однако вскоре последовала новая телефонограмма с «Павла I», в которой уже Непенину высказывалось доверие.⁸⁵ Трагизм сложившейся ситуации нашел отражение в разговоре по прямому проводу между князем М. Б. Черкасским и начальником статистического (иностранного) отделения МГШ капитаном 1-го ранга В. Е. Егорьевым, состоявшемся в 12 ч. 45 м. По мнению Черкасского: «Положение стало критическим, команды

⁸⁰ Там же. Л. 42, 44.

⁸¹ Там же. Л. 44.

⁸² Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108.

⁸³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

⁸⁴ Балтийские моряки... С. 34.

⁸⁵ Там же. Сам текст телефонограммы и время ее получения пока неизвестны.

разбились на группы, которые постановляют каждая свое. Одна лишает комфлота доверия, другая исполняет его приказания, третья в нерешительности. Поезд с депутатами запаздывает, и если не удастся найти почвы для соглашения до приезда депутатов, то я не знаю, чем все это кончится».⁸⁶ Черкасский также считал целесообразным проведение нового разговора А. Ф. Керенского с представителями матросов. В свою очередь, Егорьев обещал о состоявшихся переговорах немедленно доложить А. И. Гучкову.⁸⁷ Из текста переговоров видно, что Черкасский практически со стопроцентной уверенностью предсказал трагический финал, но никаких конкретных действий из Петрограда не последовало. Впрочем, как утверждает Е. Ю. Дубровская, вопрос об отзывании А. И. Непенина из Гельсингфорса, о переводе его в Петроград и назначении на должность товарища морского министра был решен.⁸⁸ Есть также одно мемуарное свидетельство старшего офицера миноносца «Самсон» А. Н. Павлова о том, что около часа дня 4 марта Непенин направил жене телефонограмму на квартиру супруги своего начальника штаба (им в это время был адмирал И. М. Григоров) такого содержания: «Меня сменили. Приготовь вещи. Вечерним поездом уезжаем в Петроград».⁸⁹ Вместе с тем в письмах жены Непенина к Б. П. Дудорову об этом эпизоде не упоминается.

4 марта около 8 ч. утра по сигналу «пушка» с кораблей стали сходиться матросы и двигаться на вокзальную площадь, куда должны были прибыть делегаты Временного правительства.⁹⁰ Следует отметить, что представители команд покидали свои корабли не одновременно. Так, моряки с миноносца «Гайдамак» вышли в 9 ч.⁹¹ Около 10 ч. из Свеаборга потянулись сухопутные части и моряки со 2-й бригады линкоров.⁹² Некоторые демонстранты несли порт-

⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году... С. 29.

⁸⁹ *Павлов А. Н.* К юбилею «бескровной» // Морские записки. 1954. № 3. Т. 12. С. 15.

⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 6.

⁹¹ *Белобров А. П.* Воспоминания военного моряка... С. 246.

⁹² *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны... С. 83, 85; *Четверухин Г. Н.* Спохохи

рет нового Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, другие шли с красными и андреевскими флагами под звуки «Марсельезы». Магазины и рынок работали как обычно, грабежей не было. По городу на открытых санях провозили трупы убитых офицеров.⁹³ Командующий флотом рекомендовал офицерам присоединиться к манифестантам. Со своей стороны восставшие обязали офицеров, участвовавших в демонстрации, иметь красные повязки.⁹⁴

В то время как представители восставших двигались на вокзальную площадь для встречи депутатов Государственной думы, часть офицеров и матросов предприняла попытку выдвинуть в командуящие флотом начальника минной обороны вице-адмирала А. С. Максимова. Среди этих лиц заметную роль играли флагманский минный офицер Минной обороны Балтийского моря капитан 2-го ранга Л. П. Муравьев и старший лейтенант К. И. Василевский, флаг-офицер Максимова.⁹⁵ По-видимому, зная о том, что в 10 ч. 45 м. депутаты кораблей отрешили А. И. Непенина от должности и временное управление флотом переходило в руки комитета (в телефонограмме не уточнялось какого), офицеры штаба начальника Минной обороны решили воспользоваться возникшей неразберихой, судя по всему, не без согласия Максимова.⁹⁶ В это время адмирал находился под арестом в своем штабе на посыльном судне «Чайка». К нему пришла группа офицеров и матросов и объявила об избрании его командуящим флотом.⁹⁷ Таким образом, Максимов становился «жертвой» обстоятельств.

воспоминаний. С. 92; Балтийские моряки... С. 36. По данным дневника И. И. Ренгартена, сухопутные полки пришли в порт между 9 и 10 ч., некоторые с офицерами, которые явились к А. И. Непенину: Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108.

⁹³ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 6.

⁹⁴ Балтийские моряки... С. 36; *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний. С. 92; *Белобров А. П.* Воспоминания военного моряка... С. 245.

⁹⁵ *Граф Г. К.* На «Новике». С. 261–262; Февральская революция в Балтийском флоте... С. 108; *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе. Стб. 52.

⁹⁶ Балтийские моряки... С. 34.

⁹⁷ Там же.

В 11 ч. 40 м. в автомобиле под красным флагом сопровождаемый вооруженными матросами А. С. Максимов прибыл к А. И. Непенину и объявил о своем избрании.⁹⁸ В свою очередь, старый командующий заявил, что не сдаст должность без приказа Временного правительства и военного министра. Чтобы не вносить двоевластия в командование флотом, Непенин и Максимов договорились издавать распоряжения за двумя подписями.⁹⁹ После этого Максимов отбыл на вокзальную площадь, и на его автомобиле уже развевался значок командующего флотом.

В 12 ч. на вокзальной площади начался митинг, на который собралось около 30 тыс. солдат и матросов.¹⁰⁰ На нем, по словам очевидцев, состоялся суд над А. И. Непениным. Матросы требовали сменить командующего флотом, офицеры — оставить, объясняя это тем, что его строгость распространялась не только на матросов, но в еще большей степени на офицеров.¹⁰¹ Общее настроение собравшихся сводилось к тому, чтобы выбрать командующим кого угодно, только бы убрать Непенина, так как «он чересчур насолил всем своими дурацкими выходками при старом режиме».¹⁰² Страсти накалялись. Матросы с «Павла I» требовали ареста Непенина, перевода на гауптвахту и даже казни. Лейтенант с линкора «Севастополь» Е. Ф. Винтер писал, что удалось уговорить ограничиться арестом Непенина на «Кречете» до приезда депутатов.¹⁰³ По свидетельству Т. Липпика, митинг вынес решение арестовать адмирала и привести на площадь для суда над ним.¹⁰⁴

Безусловно, участникам митинга было известно постановление Объединенной флотской демократической организации, заседавшей на «Павле I», заканчивавшееся словами «смерть тирану».¹⁰⁵ По-видимому, масла в огонь добавило и сообщение о том, что

⁹⁸ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 109.

⁹⁹ Балтийские моряки... С. 34.

¹⁰⁰ Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 144.

¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 7 об.

¹⁰² Там же. Л. 8.

¹⁰³ Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 144. О призывах на митинге к убийству Непенина рассказывал О. В. Романовой ее брат мичман М. Каневский. — РГА ВМФ. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 60.

¹⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 8.

¹⁰⁵ Балтийские моряки... С. 33.

А. И. Непенин отказался сдать свою должность А. С. Максимову. В штаб флота направился вооруженный караул под предводительством матроса с «Павла I». ¹⁰⁶ Придя на «Кречет», они потребовали, чтобы адмирал проследовал вместе с ними на вокзальную площадь встречать делегатов из Петрограда. Опасаясь разгрома штабного судна и похищения шифров, карт и других секретных документов, командующий решил пойти. ¹⁰⁷ Вскоре часть офицеров штаба была арестована и отправлена на гауптвахту. ¹⁰⁸

В 13 ч. 10 м. Непенин сошел с «Кречета» и в сопровождении конвоя отправился на митинг, а в 13 ч. 40 м. ¹⁰⁹ (по другим данным, в 13 ч. 45 м. ¹¹⁰) у ворот Свеаборгского порта караул расстрелял адмирала. Таким образом, от момента ухода из штаба флота прошло 30–35 м. О том, как происходил расстрел командующего флотом и где это было, сообщения свидетелей существенно расходятся.

В нашем распоряжении имеется ряд мемуарных источников, которые с различной степенью точности повествуют об убийстве А. И. Непенина. Так, 10 марта 1917 г., отвечая на просьбу командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака, начальник Воздушной дивизии Балтийского флота капитан 1-го ранга Б. П. Дудоров подробно описал гибель Непенина. ¹¹¹ Поскольку автор письма при этом не присутствовал, то свое повествование он построил на рассказе лейтенанта А. А. Саковича, который был очевидцем почти до момента смерти адмирала. Подробности убийства Сакович передавал со слов исполнявшего должность флаг-офицера по оперативной части штаба флота лейтенанта П. И. Тирбаха, единственного свидетеля-офицера. Показания Саковича Дудоров характеризовал как «рассказ крайне разбитого нервами человека, перенесшего уже ранее Азов». ¹¹² Если исходить из текста письма, то

¹⁰⁶ Там же. С. 34; РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 224.

¹⁰⁷ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 227. По словам жены А. И. Непенина, за несколько дней до гибели адмирал предчувствовал свою смерть.

¹⁰⁸ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 110; Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 144.

¹⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 136.

¹¹⁰ Февральская революция в Балтийском флоте... С. 110.

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 222–226.

¹¹² Там же. Л. 222, 224. Здесь автор письма имел в виду восстание на крейсере Балтийского флота «Память Азова» в 1906 г.

получается, что первоначально имелся устный рассказ Саковича, с добавлениями Тирбаха, который и воспроизвел Дудоров.

Следующими по времени идут записи дневникового характера лейтенанта с линкора «Севастополь» Е. Ф. Винтера с 28 февраля по 6 марта 1917 г. В них собственные наблюдения сочетаются с рассказами других участников событий.¹¹³ К ним примыкают воспоминания капитан-лейтенанта корпуса гидрографов Н. М. Таранцева, записанные также в 1917 г. Впоследствии его устный рассказ с существенными изменениями воспроизводился в воспоминаниях А. Н. Павлова и Б. Бьеркелунда.¹¹⁴

Относительно показаний непосредственного свидетеля убийства, старшего лейтенанта П. И. Тирбаха, есть определенные вопросы. Имеется устный рассказ А. А. Саковича, с добавлениями Тирбаха, использованный Б. П. Дудоровым в письме к А. В. Колчаку. Ссылка на Тирбаха присутствует и в мемуарах Г. К. Графа «На „Новике“», опубликованных в 1921 г.¹¹⁵ В книге Б. П. Дудорова «Адмирал Непенин», первоначально изданной в журнале «Морские записки», дается их пересказ.¹¹⁶ Возникает вопрос, с чем мы имеем дело: с воспоминаниями Тирбаха или с тем, что в свое время Дудоров сообщил Колчаку. Решить проблему можно будет в случае обнаружения зафиксированных показаний Тирбаха.

В 1930 г. выходят воспоминания флаг-офицера Непенина А. И. Бенклевского, который якобы также находился при Непенине, когда того вели на митинг. Они в значительной степени беллетризированы. Описание убийства Непенина в большей части совпадает с воспоминаниями Г. К. Графа, также не являвшегося его очевидцем.¹¹⁷

Представляет интерес и письмо жены адмирала, О. В. Романовой, Б. П. Дудорову от 21 октября 1955 г., в котором передается рассказ врача, освидетельствовавшего тело адмирала.¹¹⁸

¹¹³ *Ростковский Ф. Я.* Дневник для записывания. С. 141–146.

¹¹⁴ *Павлов А. Н.* К юбилею «бескровной». С. 9–20; *Бьеркелунд Б.* Первые дни революции в Балтийском флоте. С. 20–26.

¹¹⁵ *Граф Г. К.* На «Новике»... С. 262–263.

¹¹⁶ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 227–228.

¹¹⁷ *Бенклевский А. И.* Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе // Возрождение. 1930. 26 марта. № 1758. С. 2–3; 27 марта. № 1759. С. 2.

¹¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 16–37.

Воспоминания рядовых матросов представлены сообщением матроса береговой минной роты И. Новикова, которые публиковались в 1921 г.¹¹⁹ Однако был ли автор свидетелем гибели А. И. Непенина из-за полухудожественной формы изложения, с многочисленными диалогами, сказать трудно.

Недостоверен и рассказ о смерти командующего флотом радиста с линкора «Слава» В. Стрелкова, содержащийся в его мемуарах, составленных в диалоговой форме и изданных в 1960 г. По словам мемуариста, адмирала расстреляли из пулемета.¹²⁰

В 1971 г. были опубликованы мемуары матроса минной роты П. Грудачева, в которых автор с большим энтузиазмом перечислял свои заслуги перед революцией и в качестве одной из них назвал убийство адмирала А. И. Непенина.¹²¹

Теперь рассмотрим вопрос о том, сколько человек принимало участие в аресте и расстреле А. И. Непенина. По показаниям участника митинга Т. Липпика, для ареста митингующие отправили несколько человек с винтовками, однако их численность он не уточнял. Поскольку они долго не возвращались, восставшие послали второй караул из шести человек.¹²² Поэтому вряд ли первая партия была намного больше второй. Е. Ф. Винтер писал, что для ареста А. И. Непенина явилось пять матросов.¹²³ Н. М. Таранцев сообщает о небольшой кучке вооруженных матросов и солдат, причем одним из них был строевой унтер-офицер.¹²⁴ По свидетельству П. И. Тирбаха, арестовывать командующего пришла толпа в 50 человек.¹²⁵ А. И. Бенклевский также пишет о громадной вооруженной толпе.¹²⁶ П. Грудачев говорил, что пришло арестовывать четыре

¹¹⁹ *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе. Стб. 54.

¹²⁰ *Стрелков В.* Балтика в 1917 г. Рассказ матроса. Кировск, 1960. С. 15–16.

¹²¹ *Грудачев П.* Багряным путем гражданской. Симферополь, 1971. С. 9–10.

¹²² РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 8–8 об.

¹²³ *Ростковский Ф. Я.* Дневник для записывания. С. 144.

¹²⁴ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 29 об.

¹²⁵ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 228, 229.

¹²⁶ *Бенклевский А. И.* Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе // Возрождение. 1930. 27 марта. № 1759. С. 2. О толпе в 200–300 человек, отправившейся за Непениным, упоминал и мичман М. Каневский, присутствовавший на митинге. — РГА ВМФ. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 60.

человека.¹²⁷ Таким образом, из свидетельств, зафиксированных в 1917 г., три человека говорят о небольшой группе, участвовавшей в аресте А. И. Непенина, и только П. И. Тирбах назвал цифру в 50 человек. Сама по себе такая точная цифра является сомнительной.

В вопросе о месте гибели адмирала в основном мемуаристы солидарны. О том, что А. И. Непенин был убит у ворот Свеаборгского порта, сообщали П. И. Тирбах, Е. Ф. Винтер, И. Новиков, А. И. Бенклевский, Т. Липпик, Н. М. Таранцев и матросы с линкора «Петропавловск», вернувшиеся с митинга.¹²⁸ И только Грудачев написал, что «спустя несколько минут» после того как А. И. Непенин сошел с «Кречета», он и три матроса, бывшие с ним, исполнили приговор революции.¹²⁹ Таким образом, расстрел почти рядом со штабом флота, несоответствие места гибели адмирала и количества людей, участвовавших в казни, ставят под сомнение сам рассказ Грудачева.

Наиболее полно момент убийства А. И. Непенина передает рассказ Н. М. Таранцева, ставшего его невольным свидетелем. Поэтому следует процитировать его как можно полнее: «Во время завтрака (был уже второй час) я услышал выстрелы, доносившиеся с улицы. Подбежав к окну, я увидел, что наискосок от нашего дома публика с любопытством перевесилась через перила и что-то наблюдала, а напротив нас в нижнем ярусе улицы стояла кучка матросов и солдат, стреляя вниз под каменную стену обрыв нашей улицы (так в тексте. — А. С.). Предполагая, что происходит какое-нибудь убийство, я попросил сторожа узнать, в чем дело. Он немедленно возвратился и с волнением сообщил мне, что убили Непенина. Я был поражен этим ужасным известием. Накинув на себя меховую куртку, я выбежал на улицу. На нижнем ярусе нашей улицы, под самой стеной лежал Непенин в расстегнутом пальто, без фуражки, лежал на спине, ноги на сугробе, выше чем голова. На

¹²⁷ Грудачев П. Багряным путем гражданской. С. 9, 10.

¹²⁸ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 228; Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 144; Новиков И. Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе. Стб. 54; Бенклевский А. И. Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе // Возрождение. 1930. 27 марта. № 1759. С. 2; РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 8 об., 29 об.; Балтийские моряки... С. 37.

¹²⁹ Грудачев П. Багряным путем гражданской. С. 10.

расстоянии шагов 10 от него стояла небольшая кучка вооруженных матросов и солдат, причем один из них, строевой унтер-офицер, продолжал стрелять из нагана в видимо уже мертвого адмирала. Кто-то из убийц сказал: „Довольно на него патронов тратить“. Другой добавил: „Собаке собачья смерть!“». ¹³⁰ Один из участников расстрела, пригрозив публике оружием, потребовал, чтобы она разошлась, что и было сделано. Со слов сторожа, который оказался очевидцем, убийцы ограбили труп, взяв бумажник, кольцо, часы. Далее Таранцев сообщал: «Вскоре затем пришел грузовой автомобиль, на который бросили тело убитого адмирала, причем голова его, свешивающаяся вниз с площадки, болталась сзади, не имея опоры». ¹³¹ Тело адмирала было отвезено в гельсингфорский военный госпиталь. ¹³²

Итак, из рассказа Таранцева следовало, что в расстреле А. И. Непенина участвовали несколько вооруженных матросов и солдат, среди которых был и унтер-офицер, который стрелял из нагана. Какое оружие имели остальные, свидетель не сообщает. Здесь также следует обратить внимание, что Непенин лежал на спине, что может говорить о том, что ему стреляли в грудь. В свою очередь, П. И. Тирбах сообщал, что два выстрела в спину сделал из винтовки матрос, на ленточке бескозырки которого имелась надпись «Гангут». ¹³³ При этом мемуарист рассказал, что в тот момент, когда они подходили к выходу из порта, им навстречу шла другая толпа, но меньшая по числу, чем та, которая вела их. Вполне возможно, что это был второй караул, который митингующие послали в порт. Среди них были комендоры с крейсера «Россия» и несколько человек из штаба флота. Когда две группы поравнялись, то шедшие навстречу матросы, знавшие Тирбаха, схватили его и оттащили от Непенина. В этот момент раздались выстрелы. «Я взглянул в сторону выстрела, — говорил Тирбах, — и успел увидеть, как шагах в пяти от меня Непенин как бы замер, нагнувшись вперед, и сейчас же упал. За [н]им стоял с винтовкой у плеча этот бледный матрос с „Гангута“». ¹³⁴ Следовательно, адмирал падал

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 29 об.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150 об.

¹³³ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 228.

¹³⁴ Там же.

вперед лицом. Что происходило дальше, Тирбах не видел, так как матросы отвели его на «Кречет». Позже, когда он обмывал тело Непенина, то обнаружил два пулевых и три штыковых отверстия.¹³⁵

Е. Ф. Винтер, не присутствовавший при убийстве А. И. Непенина, а знавший о нем по рассказам, писал, что адмирала ранили выстрелом в спину, а затем в упавшего было произведено несколько выстрелов. Вид оружия в его повествовании не фигурировал.¹³⁶

О том, что в А. И. Непенина сделали несколько выстрелов из револьвера, писали И. Новиков (один стрелявший) и П. Грудачев (четверо стрелявших).¹³⁷ Б. П. Дудоров в письме к А. В. Колчаку говорил, что в спину Непенину было сделано два выстрела, а в упавшего адмирала еще четыре, затем тело подняли на штыки и прижали к скале.¹³⁸

В установлении истины могло бы помочь врачебное освидетельствование тела А. И. Непенина, а оно, как известно из письма О. В. Романовой к Б. П. Дудорову, имело место.¹³⁹ Но вот было ли оно зафиксировано на бумаге? Это пока остается неизвестным.

Практически сразу после гибели А. И. Непенина его смерть сделалась предметом мифотворчества. Так, появились рассказы об ограблении трупа адмирала и издевательствах матросов над его телом. Здесь следует обратить внимание на то, что сведения об этих якобы имевших место фактах в известных нам источниках изложены со слов третьих лиц. Так, об ограблении трупа Непенина Н. М. Таранцев сообщал со слов сторожа.¹⁴⁰ Информация об издевательствах над телом адмирала в письме Б. П. Дудорова к А. В. Колчаку изложена по рассказам сослуживцев.¹⁴¹ А. Н. Павлов зафиксировал этот факт со ссылкой на своего вестового, а Г. Н. Четверухин получил извес-

¹³⁵ Там же. По свидетельству жены А. И. Непенина, тело адмирала из морга привезли через несколько дней поздно вечером. Сама она при этом не присутствовала, так как, во избежание эксцессов, ее прятали в клинике. — РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 61.

¹³⁶ *Ростковский Ф. Я.* Дневник для записывания. С. 144.

¹³⁷ *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе. Стб. 54; *Грудачев П.* Багряным путем гражданской. С. 10.

¹³⁸ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 224.

¹³⁹ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 229.

¹⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 29–29 об.

¹⁴¹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 224.

тия от ходивших в морг женщин.¹⁴² Следовательно, перечисленные авторы передавали ходившие в офицерской среде Гельсингфорса слухи. В упоминавшемся уже письме О. В. Романовой Б. П. Дудорову супруга адмирала сообщала, что врач, освидетельствовавший ее мужа, не нашел никаких следов издевательств над телом, а также передал ей обручальное кольцо и часы Адриана Ивановича. Однако золотого портсигара, золотой спичечницы и денег Ольге Васильевне не вернули.¹⁴³ Следовательно, рассказы мемуаристов в этой части вряд ли могут считаться достоверными.

После расстрела А. И. Непенина возникла версия о том, что его казнили не русские матросы, а подсланные наймиты. Так, у Е. Ф. Винтера в записи от 4 марта читаем: «Это убийство — измена родине, и без сомнения дело обошлось не без немецких денег».¹⁴⁴ В разговоре по прямому проводу между В. М. Альтфатером и И. И. Ренгартеном, состоявшемся 4 марта, на вопрос Альтфатера: «Кем был сделан выстрел и откуда?» последовал ответ: «Из толпы, кем неизвестно, некоторые высказывают предположение, что не матросами».¹⁴⁵ На что Альтфатер заметил: «Давай бог, чтобы оправдалось предположение, что это сделано не матросами».¹⁴⁶ Итак, уже 4 марта офицерами стал распространяться слух о наемном убийце — не матросе. В воспоминаниях П. И. Тирбаха стрелявшим назван высокий, худой, бледный матрос с ленточкой «Гангута».¹⁴⁷ В то же время в письме Б. П. Дудорова А. В. Колчаку от 10 марта, в котором убийство описано с привлечением рассказа П. И. Тирбаха, ничего не говорится о стрелявшем. Это может свидетельствовать о том, что образ матроса с «Гангута» — наемного убийцы — появился позднее.

По воспоминаниям старшего лейтенанта Г. С. Серебренникова с линкора «Гангут», его вестовой И. М. Безрукавников говорил: «В[аше] б[лагородие] не верьте тому, что говорят, что адмирала убил

¹⁴² Павлов А. Н. К юбилею «бескровной». С. 19; Четверухин Г. Н. Сполохи воспоминаний. С. 95.

¹⁴³ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 229; РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 61.

¹⁴⁴ Ростовский Ф. Я. Дневник для записывания. С. 144.

¹⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 228.

матрос из нашей команды — это не так, убийца — человек чужой, не с нашего корабля».¹⁴⁸ О распространенности версии о расстреле А. И. Непенина не матросами свидетельствует и письмо А. В. Тимиревой А. В. Колчаку из Петрограда 5 марта, в котором она утешает себя тем, что его убили не матросы: «все не так горько». При этом дважды она упоминает о стрелявшем в единственном числе.¹⁴⁹ О. В. Романова в письме к Б. П. Дудорову также сообщала, что еще в Советской России сослуживцы мужа уведомили ее о том, что Непенин убит немецким шпионом, эту же версию она услышала от А. И. Русина в Париже.¹⁵⁰

В 1921 г. в книге «На „Новике“» Г. К. Графа появилась версия о «евреях-большевиках», организовавших избиение офицеров и убийство командующего Балтийским флотом А. И. Непенина.¹⁵¹ Об этом автору мемуаров сообщили морские офицеры, беседовавшие с присяжным поверенным И. А. Шпицбергом, исключенным из партии большевиков. Скорее всего, рассказанное Шпицбергом было фантазией озлобленного человека, не гнушавшегося откровенным вымыслом по карьерным соображениям.¹⁵² К тому же говорить о сколько-нибудь заметном влиянии большевиков в Гельсингфорсе в первых числах марта не приходится. Затем эта версия нашла отражение в воспоминаниях А. И. Бенклевского¹⁵³ и в книге Б. П. Дудорова.¹⁵⁴

Чтобы не накалять страсти, новый командующий флотом адмирал А. С. Максимов отдал приказ, запретивший офицерам, во избежание беспорядков, участвовать в похоронах А. И. Непенина.¹⁵⁵

¹⁴⁸ Там же. С. 229, 230; РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1 Д. 77. Л. 93. — Письмо Г. С. Серебренникова — Б. П. Дудорову 8 марта 1955 г.

¹⁴⁹ Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку (18 июля 1916 г. — 17–18 мая 1917 г.) / Изд. подгот. А. В. Смолен и Л. И. Спиридонова. СПб., 2002. С. 171, 182.

¹⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 21.

¹⁵¹ *Граф Г. К.* На «Новике»... С. 285.

¹⁵² *Поссе В. А.* В годы гражданской войны / Подгот. текста Н. А. Поссе, В. Ю. Черняева // Русское прошлое. 1991. Кн. 2. С. 250.

¹⁵³ *Бенклевский А. И.* Последние дни флота: Начало революции в Гельсингфорсе // Возрождение. 1930. 27 марта. № 1759. С. 2.

¹⁵⁴ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 230.

¹⁵⁵ Милая химера в адмиральской форме... С. 184.

Панихиду по адмиралу отслужили на его квартире. На кладбище А. И. Непенина провожали священник с «Петропавловска», адмирал М. К. Бахирев, командир «Петропавловска» капитан 1-го ранга М. А. Беренс, вдова адмирала и флаг-офицер П. И. Тирбах.¹⁵⁶

Временное правительство не предприняло никаких мер по розыску и привлечению к ответственности лиц, замешанных в убийстве, потому что не имело никакой реальной силы, чтобы воздействовать на команды кораблей. 8 марта военный и морской министр А. И. Гучков от имени Временного правительства выразил Балтийскому флоту «глубокую скорбь» по поводу гибели адмирала А. И. Непенина, «одного из первых борцов за ее (Родины. — А. С.) свободу».¹⁵⁷ Приведенная оценка носила, скорее всего, пропагандистский характер и была направлена на создание атмосферы доверия между матросами и офицерами. Но вот оценка деятельности А. И. Непенина в февральско-мартовские дни, данная И. И. Ренгартеном и А. И. Русиним и не предназначавшаяся для широкого распространения, представляет интерес. Так, в разговоре по прямому проводу Ренгартена с В. М. Альтфатером, который произошел 4 марта, в день убийства командующего, Ренгартен заявил: «Если бы вы знали, какую титаническую энергию, сколько воли и самоотвержения проявил незабвенный Адриан Иванович в таких поступках, которые несомненно содействовали сокрушению старого гибельного порядка».¹⁵⁸ В телеграмме начальника Морского Генерального штаба А. И. Русина своему заместителю графу А. П. Капнисту от 5 марта с пометкой «секретно» указывалось на Непенина как на «одного из первых, признавшего нынешнее правительство».¹⁵⁹ Эти два конфиденциальных источника я бы трактовал как одобрение пассивно-выжидательной тактики командующего флотом в первые дни Февральской революции, которая на первых порах позволяла ему удерживать главную базу флота в своих руках.

¹⁵⁶ Там же; Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. С. 228. В числе присутствовавших при похоронах О. В. Романова в письме к Дудорову упоминала себя, М. К. Бахирева и М. А. Беренса. — РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 43.

¹⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 309.

¹⁵⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 178–179. Телегр. лента.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 278. Л. 100.

Со своей стороны, Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих 10 марта 1917 г. принял постановление уничтожать письма, «восхвалявшие убийства во время революции вообще и, в частности, убийства офицеров».¹⁶⁰ Таким образом, две ветви тогдашней власти решили предать происшедшее забвению. На это они пошли только потому, что и Временное правительство, и эсеро-меньшевистское большинство Петроградского Совета, преследуя собственные цели, выступали за доведение войны до победного конца. Но для этого следовало если не ликвидировать, то, по крайней мере, значительно уменьшить ту пропасть, которая пролегла между нижними чинами и офицерами после Февраля 1917 г. В связи с этим власти стремились добиться понимания того, что перед лицом внешнего врага необходимо единение офицерского состава и рядовых. Поэтому переложить вину за убийство на немецких агентов было очень просто и удобно, поскольку в стране в течение войны культивировалась антинемецкая истерия.¹⁶¹ Мне представляется, что фигура «бледного, худого матроса» с «Гангута» — образ скорее художественного вымысла, чем реальной действительности. В расстреле А. И. Непенина, скорее всего, принял участие караул, посланный для его ареста.

О том, что А. И. Непенина убили русские матросы, свидетельствуют сами восставшие. Так, в воспоминаниях П. А. Сулова и матроса с «Павла I», написанных в 1917 г., говорилось, что «никто в убийствах не раскаивался» и о смерти Непенина, как и о казни других офицеров, на «Андрее Первозванном» и «Павле I» «никто не жалел».¹⁶² В том же 1917 г. один из матросов с «Павла I» писал, что Непенин не стал «жертвой разъяренной толпы. Нет. Решение вынесено давно».¹⁶³ Все это вполне укладывалось в эсеровскую

¹⁶⁰ Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны... С. 81.

¹⁶¹ См.: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2005; *Савинова Н. В.* Русский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

¹⁶² *Сулов П. А.* Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 26 (13) июня; *Матрос с «Павла I».* В дни революции.

¹⁶³ *Матрос с «Павла I».* В дни революции.

концепцию «ликвидации холопов царизма» и террора внутри армии.¹⁶⁴ О расстреле Непенина патрулем, посланным для его ареста, писал и И. Ф. Шпилевский.¹⁶⁵ Об убийстве командующего матросами писали также с разной степенью достоверности И. Новиков, В. Стрелков и П. Грудачев.¹⁶⁶ Мне представляется, что нет необходимости сомневаться в том, что русского адмирала, как и других офицеров, убивали русские матросы.

Всего, по данным В. В. Петраша, в Гельсингфорсе было убито 45 морских офицеров, и эта цифра стала общепризнанной в исторической литературе.¹⁶⁷ По моим подсчетам, их было 39.¹⁶⁸ Однако это различие не столь существенно. Главное здесь состоит в том, какие группы офицеров пострадали больше всего и почему. Из высших офицеров были убиты адмиралы А. И. Непенин и А. К. Небольсин и командир Свеаборгского порта генерал-лейтенант В. Н. Протопопов, а также три строевых офицера: капитаны 2-го ранга Б. Н. Рыбкин (старший офицер крейсера «Диана»), М. М. Поливанов (командир миноносца «Гайдамак»), К. П. Гильденбрант (командир плавбазы тральщиков «Тральщик Взрыв»). Среди младших офицеров плавсостава оказалось 23 человека. Из них на двух линкорах — «Андрее Первозванном» и «Павле I» — погибло 8 (3 и 5 соответственно), остальные жертвы приходятся на малые корабли: миноносцы (9), тральщики (1), заградители (1), сторожевые (1), посыльные (1) и транспортные (2) суда. Эту же динамику подтвер-

¹⁶⁴ *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции (Исторический очерк). М., 1975. С. 63; *Бьеркелунд Б.* Первые дни революции в Балтийском флоте. С. 25; *Елизаров М. А.* Матросские массы в 1917–1921 гг. С. 46–47.

¹⁶⁵ *Шпилевский И. Ф.* Братва... С. 36.

¹⁶⁶ *Новиков И.* Перед Октябрьским переворотом в Гельсингфорсе. Стб. 54; *Стрелков В.* Балтика в 1917 г. С. 15–16; *Грудачев П.* Багряным путем гражданской. С. 9–10.

¹⁶⁷ *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота... С. 52.

¹⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 205 об. Список раненых, убитых и без вести пропавших офицеров флота и Морского ведомства 8 марта 1917 г.; Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 150–150 об. Список убитым чинам, погребенным и оставленным за опознанием родственниками при лазаретах 8 марта 1917 г.; Л. 151–151 об., 152. Список убитых офицеров, матросов и солдат. Работу по уточнению списка убитых еще нельзя считать завершенной.

ждает список раненых: миноносцы (2), тральщики (3), госпитальное судно (1), и пропавших без вести: линкоры (1), эскадренные миноносцы (6), транспорты (2). И так, большая часть пострадавших — это младшие офицеры с малых кораблей. Такая ситуация сложилась вследствие того, что младшие офицеры по роду деятельности чаще соприкасались с личным составом, были молоды, стремились к повышению в должности и звании, хотели показать себя требовательными, умеющими держать подчиненных в руках, что приводило к злоупотреблению служебным положением. Среди убитых встречаются лица с немецкими фамилиями (6), однако причиной их гибели стала, скорее всего, не их национальность, а жестокое обращение с подчиненными. Следует отметить и наличие случайных жертв, например, мичман Г. В. Биттенбиндер. Из офицеров, служивших в береговых учреждениях морского ведомства, погибло 10 человек. Все они числились младшими офицерами.¹⁶⁹ По поводу убийства адмирала А. К. Небольсина один из участников восстания сказал «поделом».¹⁷⁰ И это «поделом» как нельзя лучше отражало отношение матросской массы к убитым.

О причинах, которые привели к пропасти между рядовыми и офицерами, очень точно сказал командующий Северо-Западной армией генерал И. Н. Юденич в беседе с адмиралом В. К. Пилкиным в 1919 г.: «То, что сейчас происходит, — расплата за крепостное право! Когда народ освободили, он был слишком обрадован, чтобы сейчас же начать мстить. Сейчас же он напоминает старое. Офицеры наши тоже расплачиваются, потому что быт в нашей армии был крепостнический. Но офицеры расплачиваются, но не понимают, не поняли за что».¹⁷¹ И эта беспросветность армейского быта еще больше усиливалась во флотской среде, где в замкнутом пространстве корабля конфликты между офицерами и матросами носили еще более острый характер.¹⁷² Суждение Юденича

¹⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 2. Д. 1. Л. 151–151 об.

¹⁷⁰ *Курганов Д.*, матрос с л. к. «Андрей Первозванный». Об адм. Небольсине.

¹⁷¹ *Пилкин В. К.*, адмирал. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 221.

¹⁷² *Суслов П. А.* Сутки на «Андрее Первозванном» // Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 20 (7) июня; *Колбин И. Н.* Балтийский флот в 1917 г. С. 9; *Шпилевский И. Ф.* Братва... С. 37;

вполне оправданно, поскольку в крестьянской стране, какой являлась Россия, армия, как и флот, хотя и в меньшей степени, была крестьянской, и образ офицера ассоциировался с барином, помещиком. Остатки крепостничества проявлялись не только в экономике, но и в быту, особенно в такой закрытой сфере, как флот. Так, в Балтийском флоте фабрично-заводские рабочие составляли 25,38 %, полупролетариат — 26 %, а городская мелкая буржуазия и крестьянство — 48,62 %. При этом грамотными являлись 83,68 % рядового состава.¹⁷³ Такая разнородность социального состава флота накладывала определенный отпечаток на поведение матросской массы в ходе революционных событий Февраля. Расплата за крепостнический быт в армии и флоте состоялась.¹⁷⁴

Ховрин Н. В 1917 г. во флоте. С. 56; *Зингер М. Е.* 1917 г. в Балтийском флоте (Опыт систематического исследования революционных событий). Машинопись. Ч. 1. 1 окт. 1924 // РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 143—144.

¹⁷³ *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. С. 27. Следует отметить, что в подсчетах разных историков имеются определенные отличия. — *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота... С. 21; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 48, 49.

¹⁷⁴ Подробнее о существовании в русской армии и флоте феодально-крепостнических пережитков см.: *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России 1917—1921. М., 2011. С. 84—86, 89, 144—145; *Бажанов Д. А.* Щит Петрограда... С. 71.

АДМИРАЛ А. В. КОЛЧАК — СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКА

§ 1. «Морской заговор» и адмирал А. В. Колчак

Общим местом работ, касающихся личности адмирала А. В. Колчака, стало обязательное упоминание о нем как о военном — профессионале, прямолинейном, чуждом политике и некомпетентном в ее вопросах.¹ К одной из немногих книг, автор которой попытался отойти от традиционной трактовки образа адмирала как политически неграмотного человека, следует отнести труд В. Г. Краснова.² Действительно, как офицер Императорского Флота, по роду своих занятий он весьма далеко стоял от политической деятельности. Вместе с тем его карьера военного имела свои особенности, отличные от пути обычного строевого офицера. Участие в полярных экспедициях, занятие научной и преподавательской работой, служба в Морском Генеральном штабе, обсуждение и разработка судостроительных программ для русского Военно-Морского Флота, знакомство с рядом депутатов Государственной думы — все это постепенно выводило А. В. Колчака за рамки узкопрофессиональной деятельности. Как командующему Черноморским флотом адмиралу приходилось заниматься не только военными и общеграждан-

¹ См.: *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 66; *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года // А. В. Колчак — ученый, адмирал, Верховный правитель России: исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А. В. Колчака. Омск, 4 ноября 2004 г. Омск, 2005. С. 42–43; *Черкашин Н. А.* Адмирал Колчак: диктатор поневоле. М., 2005 и др.

² *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 277, 279, 303.

скими, но и политическими вопросами. События Февральской революции показали, что он умеет реагировать на вызовы времени. Не все ему удавалось на политическом поприще, но он смело пошел по этой дороге.

28 июня 1916 г. контр-адмирал А. В. Колчак в нарушение прав старшинства был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим флотом Черного моря. Это выдвижение «потрясло всех», — писали офицеры, знавшие адмирала.³ В Ставке его назначение связывали с усилением активности Черноморского флота и подготовкой к десантной операции для захвата Босфора и Дарданелл,⁴ а некоторые из современников — близостью к думской оппозиции.⁵

Став командующим, А. В. Колчак сосредоточил свое внимание на борьбе с турецким флотом. Однако его усилия в этом направлении не принесли желаемого эффекта. Причина этого состояла в отсутствии у командующего опыта по руководству крупными оперативно-тактическими соединениями.⁶ Вместе с тем занятие такого высокого поста обязывало адмирала вникать в политическую ситуацию в стране. В это время либеральная оппозиция вела активное наступление на власть и в связи с этим налаживала контакты с генералитетом русской армии. Не остался обойденным и Колчак. В августе 1916 г. его и командующего армиями Северного фронта генерала Н. В. Рузского посетил московский городской голова и главноуполномоченный Всероссийского союза городов, член Государственной думы и ее Прогрессивного блока М. В. Челноков, который также входил в одну из групп, готовивших дворцовый переворот. Колчаком он был «принят любезно и скоро».⁷ Однако,

³ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 340, 341, 342; *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 118.

⁴ *Бубнов А. Д.* В царской ставке / Предисл. А. Е. Иоффе. СПб., 1995. С. 100, 101, 104, 105, 125, 126.

⁵ *Лукин А. П.* Бой над Ангерном. Эпилог // Последние новости. Париж. 1936. 8 сент.; *Верховский А. И.* На трудном перевале. С. 119.

⁶ *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А. В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 33–35.

⁷ *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С. 159; *Селезнев Ф. А.* Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 94.

кроме самого факта посещения Челноковым командующего Черноморским флотом, об этом эпизоде больше ничего не известно.

В Севастополе в ноябре 1916—феврале 1917 г. А. В. Колчак встречался также с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, находившимся в Крыму на лечении. Об этом он упомянул единственный раз в автобиографии, написанной в 1918 г.: «Мне часто приходилось видеться и беседовать с генералом Алексеевым о государственных вопросах, относящихся к первому периоду, непосредственно предшествовавшему революции».⁸ В процитированном отрывке обращает на себя внимание слово «часто». Что заставило больного Алексеева и загруженного работой Колчака встречаться часто? Кто из них был инициатором, и о чем конкретно шла речь? Сейчас об этом сказать сложно, да и вряд ли мы об этом узнаем, поскольку сами участники бесед, судя по всему, никаких свидетельств не оставили. Следует отметить, что, находясь в Севастополе, Алексеев дважды вызывал Колчака и его начальника штаба к себе для доклада об обстановке на Черном море. При этом также присутствовал генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант В. Е. Борисов.⁹ Помимо рабочих встреч, если исходить из автобиографии Колчака, между ними происходили и частные беседы. Уровень официального положения лиц, с которыми командующий флотом имел обмен мнениями в конце 1916—начале 1917 г., дает основание предположить, что там могла идти речь о переменах в управлении страной.

Сведения о росте оппозиционных настроений в Петрограде и Государственной думе А. В. Колчак получал из писем своей хорошей знакомой А. В. Тимиревой. Она, в свою очередь, интересовалась политической жизнью страны, с гостевой трибуны наблюдала за дебатами в Думе, а также получала информацию из бесед с братом мужа, депутатом Думы В. Н. Тимиревым.¹⁰

⁸ «Ничто не могло удержать флот от полного развала»: Автобиография адмирала А. В. Колчака / Публ. И. Плотникова // Источник. 1996. № 4. С. 65; *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 13.

⁹ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте / Публ. А. В. Ганина // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 55—56.

¹⁰ Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку (18 июля 1916 г. — 17—18 мая 1917 г.) / Изд. подгот. А. В. Смолен и Л. И. Спиридонова. СПб., 2002. С. 87, 94, 99, 100.

Сведения о настроениях флотских офицеров и их отношении к происходящему в стране А. В. Колчак получал также из рук своего доверенного лица, капитана 2-го ранга В. В. Романова. Так, в письме от 10 ноября 1916 г. он сообщал о тех надеждах, которые возникли в обществе в связи со слухами о возможном назначении морского министра И. К. Григоровича премьер-министром. «Все глаза в настоящий момент, — писал В. В. Романов, — смотрят на Могилев, куда уехал минмор, но куда потянулись и темные силы. Если что может разрешиться до прихода к Вам настоящего письма, темные силы в лице Штюрмера с присными будут одолены и свержены, — это будет с военной точки зрения величайшей победой. Если этого не произойдет, то мрак, в котором сидит Россия, еще более стуситися и „не уявися что будет“. Жуткое время — в такой момент, и внутренний враг горше внешнего».¹¹

В другом письме, от 17 ноября, реагируя на перестановки в правительстве и отражая возбужденное настроение петроградского общества, Романов говорил: «Как Вы знаете, Кукушка заменена Ястребом, — вместо Штюрмера мы имеем Трепова. Больной прогрессивным параличом Протопопов еще не ушел, и из того, что дельный человек Ритих назначен вместо Бобринского, нельзя выводить никаких заключений. В противовес выписан бывший посланник в Португалии Боткин — якобы для МИДа. Это единственный большой чин сего ведомства, за которым установлена — справедливо или нет — репутация герmanoфила. Сазонов же считает его „мерзавцем“. Родзянко уехал в Ставку, но туда же проследовала Ее Величество. Все вместе создает атмосферу напряженного ожидания возобновления Думы в субботу, без ожидания от этого чего-либо хорошего».¹²

Весьма неутешительные сведения о положении дел в стране А. В. Колчак получил в начале февраля 1917 г., буквально накануне революции, от своего флаг-капитана по оперативной части капитана 1-го ранга М. И. Смирнова, посетившего Ставку. «В Петрограде и Могилеве, — писал Смирнов, — я был поражен ростом оппозиционного настроения по отношению к правительству, как среди петроградского общества, так и среди гвардейских офице-

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 173^а.

¹² Там же. Л. 178–178^а.

ров, и даже в Ставке».¹³ Как мы видим, Колчак был в курсе как политических событий в стране, так и оппозиционных настроений в правящем слое, не только из официальных, но и из частных источников.¹⁴ Со своей стороны адмирал возмущался историей с Распутиным, но на его отношение к династии и монархии она не повлияла. «Никакого участия в политическом движении какого-либо характера я по-прежнему не принимал», — говорил он на допросе в Иркутске в 1920 г.¹⁵

Надо отметить, что командующий Черноморским флотом не был сторонним наблюдателем, а старался в меру своих сил и компетенции удержать вверенный ему флот от надвигавшихся потрясений. Так, чтобы воспрепятствовать развитию революционных настроений, А. В. Колчак практиковал систематический вывод кораблей в море. По его мнению, это отрывало команды от берега, изолировало их друг от друга и отвлекало от политических событий в стране. По словам офицера Черноморского флота Н. В. Новикова, в штабе флота обсуждались и меры по борьбе с революционным движением. В связи с этим делались определенные послабления нижним чинам. Так, по распоряжению штаба флота комендантскому отделению штаба крепости запрещалось отправлять провинившихся на берегу матросов на гауптвахту. Нарушителей следовало отправлять на корабли, где соответствующие начальники накладывали взыскания. В сентябре 1916 г. по распоряжению коменданта Севастопольской крепости контр-адмирала М. М. Веселкина нижним чинам разрешалось ходить по некоторым центральным улицам, курить, посещать театры и другие общественные места, что способствовало снижению напряженности в матросской среде.¹⁶ Однако не всеми такие шаги Колчака воспринимались

¹³ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте // Историк и современник: Историко-литературный сборник. Берлин, 1923. Т. 4. С. 10.

¹⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / Сост. Т. Ф. Павлова, Ф. Ф. Перченков, И. К. Сафонов; Вступ. ст. Ф. Ф. Перченка. М., 1996. С. 149.

¹⁵ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 96.

¹⁶ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 31–32, 50; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции

положительно. По мнению ряда начальников, эти послабления вели к распушенности рядового состава флота.¹⁷

Не сложились отношения у Колчака на почве послабления «дисциплины» и с начальником Севастопольского жандармского управления полковником Редровым, который сообщал о происходящем во флоте своему непосредственному начальству, а то пересылало полученные доклады морскому министру. И. К. Григорович, в свою очередь, возвратил всю переписку жандармов Колчаку, а тот вызвал к себе полковника и воспретил ему доносить куда бы то ни было на «его матросов». Однако Редров продолжал информировать департамент полиции о растущей распушенности матросов. Узнав об этом, Колчак отрешил полковника от должности за неисполнение приказа командующего флотом, а затем и вовсе выслал его в трехдневный срок из крепости, находящейся на осадном положении, как вредный элемент. Данный поступок адмирала следует отнести к тому, что в офицерской среде негативно смотрели на доношительство. Жандармов терпели, но и презирали.¹⁸

В нестабильной политической обстановке конца 1916—начала 1917 г., когда общественное недовольство из стен Государственной думы стало выплескиваться на улицу, в правящих кругах все отчетливее стала звучать мысль о смене царствующего монарха, слово «заговор» стало занимать все более прочное место в общественном лексиконе.

Вопрос о вовлечении командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака в заговор с целью устранения от власти последнего российского императора неоднократно обсуждался в исторической литературе, однако сколько-нибудь убедительных доказательств в обоснование этой версии так и не прозвучало.

Одним из первых вопрос об участии А. В. Колчака в подготовке дворцового переворота поставил эмигрантский историк С. П. Мель-

1917—1918 гг. 2-е изд., доп., с предисл. Ф. Раскольников. М., 1932. С. 9; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг. М.; Л., 1948. С. 587; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 93—94; *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 69.

¹⁷ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 69.

¹⁸ Там же. № 11. С. 52.

гунов. В книге «На путях к дворцовому перевороту...»,¹⁹ характеризуя Колчака, он писал: «Прогрессивный человек, с хорошим общественным прошлым, отрицательно относившийся к правительственному режиму, казалось бы, легко мог быть привлечен к делу „спасения России“».²⁰

С. П. Мельгунов привел ряд свидетельств, которые якобы говорили о причастности А. В. Колчака к заговору. Среди них сообщение журналиста и литератора С. Р. Минцлова. Согласно этому рассказу, некто Р. присутствовал на секретных посиделках во дворце великого князя Николая Николаевича после его ареста в 1917 г. в Дюльберке, в Крыму. Там с 8 ч. вечера до 2 ч. ночи в кабинете великого князя собирался кружок из нескольких приближенных лиц, которые и были слушателями его рассказов. При этом участники вечеров дали слово, что не будут записывать содержание бесед. Сам Минцлов узнал о них от профессора Федорова, а тот, в свою очередь, от своего друга Р. В то же время в публикации Минцлова рассказ передан от лица Николая Николаевича. К участникам заговора великий князь отнес адмирала Колчака, генералов М. В. Алексеева, А. А. Брусилова, Н. В. Рузского и др.²¹ Дворцовый переворот планировалось осуществить 15 января 1917 г., но из-за разногласий между его главными участниками намеченное дело пришлось отложить. Очагом заговора назывался дворец графини Н. С. Брасовой, морганатической супруги великого князя Михаила Александровича. Среди конкретных мероприятий, которые якобы осуществили заговорщики, чтобы удалить неудобных, Николай Николаевич называл перетасовку в армии, устроенную летом 1916 г. Под нее попали генералы А. Е. Эверт, Э. В. Экк, В. И. Гурко, Я. Ф. Шкинский (переведен в Иркутск) и др.²² Однако эти данные не соответствуют действительности. А. Е. Эверт являлся командующим армиями Западного фронта с 20 августа 1915 г. по 11 марта 1917 г. Э. В. Экк с 19 октяб-

¹⁹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. / Предисл. В. Г. Джанибеяна; Вступ. ст., сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2003. С. 160–162.

²⁰ Там же. С. 161.

²¹ Там же.

²² Минцлов С. Р. Интимные рассказы Николая Николаевича // Сегодня. Рига. 1924. 2 нояб. № 250.

ря 1916 г. по 2 апреля 1917 г. командовал 23-м армейским корпусом. В. И. Гурко с 14 августа 1916 г. — командующий Особой армией, а с 10 ноября 1916 г. по 17 февраля 1917 г. — временно исполняющий обязанности начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего вместо больного генерала М. В. Алексева. Я. Ф. Шкинский был назначен командующим Иркутским военным округом 7 октября 1915 г. Такое расхождение в фактах ставит под сомнение всё повествование С. Р. Минцлова.²³ Из бесед великого князя, записанных журналистом, невозможно уяснить его собственную роль в этом предприятии. Ничего определенного не сообщалось и о функциях, возлагаемых на командующего Черноморским флотом. В связи с этим Мельгунов не склонен был верить рассказам Минцлова, поскольку в них сложно отделить фантазию от реальности. К этой оценке присоединяюсь и я.

Еще один эпизод, якобы доказывающий участие А. В. Колчака в заговоре, С. П. Мельгунов взял из письма капитана 2-го ранга А. П. Лукина и привел следующую выдержку: «Когда в 1917 г. дошли до Севастополя первые зарницы революции, герцог С. Г. Лейхтенбергский (пасынок в[еликого] кн[язя] Николая Николаевича) был экстренно командирован в Батум на специальном миноносце для свидания с Николаем Николаевичем. Эта миссия была секретная и настолько срочная, что командиру миноносца дано было предписание „сжечь котлы, но полным ходом доставить герцога к отходу батумского поезда“. Тогда ходили слухи, что в контакте с Балтийским флотом и некоторыми войсковыми частями Черноморский флот должен был перейти в Батум и там, по всему побережью, провести демонстрации в пользу Николая Николаевича и доставить его через Одессу на румынский фронт и объявить императором, а герцога Лейхтенбергского — наследником. Такие слухи циркулировали во флоте в эпоху, когда Петроград был отрезан, и еще было неизвестно, чем все кончится».²⁴ Процитированный отрывок Мельгунов прокомментировал как отзвук планов «дворцового переворота», который готовили в разных кругах. И тут же

²³ Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1 (А—К), т. 2 (Л—Я).

²⁴ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту... С. 161—162.

историк отмечал: «Ответа на вопрос об участии Колчака мы все же не находим».²⁵

Однако на отрывке из письма А. П. Лукина следует остановиться подробнее, поскольку его сообщение основывалось на реальных событиях.

Действительно, факт поездки С. Г. Лейхтенбергского (Романовского) в Батум находит документальное подтверждение. Сохранилась телеграмма А. В. Колчака великому князю Николаю Николаевичу (послана 2 марта 1917 г. в 21 ч. 6 м.): «Тифлис. Августейшему главнокомандующему. Всеподданнейше доношу, согласно телеграммы Вашего императорского высочества, Его высочество князь Романовский отбывает завтра утром морем миноносцем „Завидный“ в Батум. Колчак» (слова «миноносец „Завидный“» зачеркнуты).²⁶ Из телеграммы следует, что Лейхтенбергский (Романовский) отбывал в Батум не по распоряжению Колчака, как могло показаться из письма А. П. Лукина, а по приказу великого князя, и 3 марта, что существенно меняет дело.

Получив сообщение о событиях в Петрограде, Николай Николаевич выехал из Батума в Тифлис.²⁷ Великий князь поддержал предложение начальника штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексева генералу Н. И. Иванову отказаться от применения силы и начать переговоры с восставшими.²⁸ Днем 2 марта наряду с генералами М. В. Алексеевым, А. А. Брусиловым, А. Е. Эвертом и В. В. Сахаровым он выступил за отречение Николая II.²⁹ Около 12 ч. ночи 2 марта царь назначил его Верховным главнокомандующим.³⁰ Приведенные материалы свидетельствуют о том, что никаких самостоятельных шагов для захвата власти,

²⁵ Там же. С. 162.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1232. Л. 89. Автограф.

²⁷ Изднейника А. В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 197.

²⁸ Куликов С. В. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронусаменто» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 159.

²⁹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П. Е. Щеголев; Вступ. ст. Л. Китаева и М. Е. Кольцова. 2-е изд. доп. Л., 1927. Репринтное издание. М., 1990. С. 238.

³⁰ Там же. С. 221.

да еще при помощи командующего Черноморским флотом, Николай Николаевич не предпринимал. Следовательно, сообщение А. П. Лукина можно отнести к разряду легенд, хотя и имевших под собой некоторую реальную основу (факт поездки Лейхтенбергского).

В статье А. П. Лукина «Бой над Ангерном», опубликованной в 1936 г., утверждалось, что прогрессивно настроенного адмирала А. В. Колчака в командующие Черноморским флотом провела группа офицеров, которая руководствовалась не требованиями боевой обстановки, а политическими соображениями. Они считали «желательным, чтобы в решительную минуту подготовлявшегося политического выступления во главе морских вооруженных сил стояли лица, сочувствующие ему».³¹ Таким образом, хотя и косвенно, Лукин связывал А. В. Колчака с оппозицией без ссылок на источник информации.

Н. Н. Берберова в книге «Люди и ложи...» писала, что А. В. Колчак якобы был согласен с «морским планом» дворцового переворота.³² Ссылка на книгу С. П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту...» не может быть признана основательной, поскольку ее автор так и не смог доказать причастность А. В. Колчака к заговору.

В советской историографии впервые об участии А. В. Колчака в заговоре упоминалось в книге В. К. Жукова о Черноморском флоте в годы революции. В ней есть одна фраза, не подкрепленная ссылкой на источник: «...наряду с некоторыми офицерами он ожидал дворцового переворота».³³ В последующие годы об оппозиционности А. В. Колчака писали авторы, изучавшие взаимоотношения русской буржуазии и царизма. Так, В. Я. Лаверычев установил факт посещения командующего Черноморским флотом в августе 1916 г. М. В. Челноковым.³⁴

В монографии В. И. Старцева «Русская буржуазия и самодержавие...» говорилось, что А. В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом благодаря имевшейся у него репутации ли-

³¹ Лукин А. П. Бой над Ангерном.

³² Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 72–73.

³³ Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 9.

³⁴ Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. С. 159.

берала и оппозиционера.³⁵ Подобная точка зрения восходит к С. П. Мельгунову и А. П. Лукину.

В монографии Г. З. Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах», со ссылкой на автобиографию адмирала, впервые в историографии упоминалось о частых встречах командующего Черноморским флотом с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, находившимся на лечении в Севастополе в ноябре 1916—феврале 1917 г.³⁶ Во время этих бесед обсуждались важные государственные вопросы. Исходя из оппозиционности М. В. Алексеева к «распутинскому» образу правления последних Романовых, Г. З. Иоффе достаточно осторожно распространял такого же рода фрондерство и на А. В. Колчака, но, по его мнению, оно не шло дальше смены одного монарха другим. Приверженность Колчака к республиканскому строю Иоффе справедливо считал позднейшим преувеличением, но слова о признании адмиралом какого-нибудь иного образа правления, сказанные во время следствия в Иркутске, признавал допустимыми и писал, что они «вероятно, выражают его настроение».³⁷

В 1990-е гг. появилась тенденция к героизации Белого движения и его вождей. В связи с этим стали пересматриваться и биографии его «героев». Не избежал этого и А. В. Колчак. Определенной квинт-эссенцией литературы об А. В. Колчаке стала книга И. Ф. Плотникова.³⁸ В ней автор попытался рассмотреть вопрос о политических воззрениях А. В. Колчака и дать отпор тем, кто относит адмирала к «законченным и последовательным монархистам».³⁹ При этом автор опирается на стенограммы допросов А. В. Колчака в Иркутске. Использование фактологии судебно-следственных материалов требует самой тщательной проверки и сопоставления с другими источниками. Утилитарный подход к источникам противопоказан.

Очерк С. Кручины «Тайны адмирала Колчака» не привнес чего-либо нового в исследуемый сюжет. Отрывок из письма А. П. Луки-

³⁵ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 248.

³⁶ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 13.

³⁷ Там же.

³⁸ *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак.

³⁹ Там же. С. 67.

на, о котором уже шла речь, он интерпретирует как попытку командующего Черноморским флотом возвести на престол великого князя Николая Николаевича, однако это суждение можно отнести к разряду мнений, но не более того.⁴⁰ В книгах П. Н. Зырянова и С. В. Дрокова вопрос, связанный с «морским заговором», вообще не поднимался.⁴¹

Итак, в рассмотренной литературе никаких определенных данных, подтвержденных источниками, о причастности А. В. Колчака к одной из заговорщицких групп не содержится. Имеются только достаточно расплывчатые указания на его оппозиционность правительству, но не монарху, и, возможно, на фрондерство.

События Февраля 1917 г. в Петрограде застали командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака в Батуме, куда он прибыл с двумя миноносцами по вызову командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича для обсуждения вопросов взаимодействия армии и флота.

Днем 28 февраля, после совещания у великого князя, А. В. Колчак возвратился на миноносец. Здесь он получил телеграмму от исполняющего обязанности помощника начальника Морского Генерального штаба капитана 1-го ранга графа А. П. Капниста о бунте в Петрограде и захвате города мятежниками. Чтобы предотвратить распространение сведений о событиях в столице, Колчак отдал приказ коменданту Севастопольской крепости контр-адмиралу М. М. Веселкину о прекращении телеграфной и почтовой связи Крыма с остальной Россией. Все поступающие телеграммы должны были направляться в штаб Черноморского флота.⁴² Принятая мера оказалась настолько эффективной, что даже в штабе крепости не знали, что происходит в Петрограде, и жили слухами.⁴³ Вечером после обеда у великого князя, оставшись один на один, Кол-

⁴⁰ Кручина С. Тайны адмирала Колчака // Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. М., 2004. Кн. 1, ч. 1, 2. С. 11–13.

⁴¹ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006; Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009.

⁴² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 150–152; Смолин А. В. «Морской заговор» и адмирал А. В. Колчак // Политическая история России в первой четверти XX в. СПб., 2006. С. 206–216.

⁴³ Рерберг Ф. П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 56.

чак показал ему телеграмму из Петрограда. Оказалось, что Николай Николаевич никаких известий о событиях в столице не имел.⁴⁴

В письме к А. В. Тимиревой от 28 февраля, описывающем события этого дня, есть такая фраза: «Я сегодня устал от всяких обсуждений и решений вопросов огромной важности, требующих обдумывания каждого слова».⁴⁵ Очень похоже, что это высказывание относилось к петроградским событиям и судьбе императора. Впоследствии, 7 марта 1917 г., в беседе с великим князем Андреем Владимировичем Николай Николаевич так оценивал свою встречу с А. В. Колчаком: «О событиях, случившихся в Петрограде, я узнал 1 марта (в действительности 28 февраля. — А. С.) в Батуме. Туда ездил переговорить с адм[иралом] Колчаком — он прямо невозможен».⁴⁶ В чем же причина недовольства Николая Николаевича командующим флотом? Очевидно, между ними состоялся обмен мнениями по поводу случившегося, и вполне вероятно, что они обсуждали вопрос о судьбе Николая II. Возможно, уже 28 февраля великий князь склонялся к отречению, в то время как командующий Черноморским флотом продолжал оставаться верным императору. Этим, пожалуй, и можно объяснить раздражительную реакцию великого князя.

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько события в Петрограде стали сюрпризом для А. В. Колчака. В письме к А. В. Тимиревой от 28 февраля 1917 г. есть такие фразы: «Получены крайне серьезные известия из Петрограда <...> пришло нечто невероятное из Петрограда».⁴⁷ Исходя из этих высказываний, можно предположить, что информация была для него неожиданной. В то же время в интервью Колчака газете «Свободный край», опубликованном 23 сентября 1918 г., говорилось: «...с некоторых пор мне стало ясно, что война должна быть проиграна. Распутинщина, сухомлиновщина, протопоповщина и многое другое вели Россию к гибели. Только переворот мог спасти положение, вывести Россию на путь воз-

⁴⁴ Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 10. На допросе в 1920 г. в Иркутске А. В. Колчак изложил этот эпизод по-иному: Допрос Колчака. Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 288–289.

⁴⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 152.

⁴⁶ Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 197.

⁴⁷ «Милая, обожасмая моя Анна Васильевна...». С. 152.

можной борьбы с врагом. Переворот, конечно, не был для меня неожиданным. Я приветствовал переворот как путь к победе».⁴⁸ Из этого отрывка видно, что адмирал, по крайней мере, имел сведения о готовящемся перевороте и видел в нем спасение России от гибели. Таким образом, цель провозглашалась святая — спасение родины. Рассматривая это интервью, надо учитывать то обстоятельство, что оно было дано год спустя после Февраля, в новых исторических условиях, когда началось восхождение Колчака на вершину всероссийской власти. Ничего другого в это время он сказать и не мог, если не хотел превратиться в политический труп.

О том, что А. В. Колчак и офицеры Черноморского флота ожидали дворцовый переворот, говорилось в книге В. К. Жукова, без ссылки на источник информации.⁴⁹ В воспоминаниях Ф. П. Рерберга, написанных в эмиграции, автор на основе личных ощущений полагал, что Колчак сочувствовал убийцам Распутина, желал замены Николая II Михаилом и знал о том, что должно произойти в Петрограде. Скорее всего, командующий флотом не предвидел тех событий, которые произошли в столице.⁵⁰ Об этом говорит письмо к А. В. Тимиревой от 28 февраля — источник, по времени наиболее близкий к восстанию в Петрограде.

28 февраля после 23 ч. А. В. Колчак ушел из Батума в Севастополь, куда и прибыл вечером 1 марта.⁵¹ Здесь его ждали телеграммы от председателя Государственной думы М. В. Родзянко, начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, морского министра И. К. Григоровича, начальника морского штаба Ставки Верховного главнокомандующего адмирала А. И. Русина. В телеграмме Родзянко сообщалось о восстании в Петрограде и переходе власти в руки Временного комитета Государственной думы.⁵² Алексеев весьма подробно информировал главнокомандующих фронтами и флотами о событиях в Петро-

⁴⁸ Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака] / Публ. подгот. П. Конкин // Сибирь. 1991. № 1. С. 217.

⁴⁹ Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 9.

⁵⁰ Рерберг Ф. П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 56.

⁵¹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 152, 155.

⁵² РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 24.

граде 25–28 февраля.⁵³ Григорович помимо описания событий в столице рассказал А. В. Колчаку о решении командующего Балтийским флотом адмирала А. И. Непенина объявить командам кораблей о событиях в Петрограде своим приказом, что давало возможность осуществлять контроль за поступающей информацией.⁵⁴ Русин в телеграммах от 28 февраля и 1 марта писал о мятеже в Петрограде, о постепенном восстановлении порядка с помощью ВКГД и о начале беспорядков в Кронштадте и приказывал «принять все меры в поддержании спокойствия во флоте».⁵⁵ Следовательно, общая картина произошедшего у А. В. Колчака имела. Тем не менее по его приказу флаг-капитан М. И. Смирнов разговаривал по прямому проводу со Ставкой. Однако капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов, отвечающий за Черноморский театр боевых действий, никаких директив не дал, сославшись на неясность обстановки.⁵⁶ После этого А. В. Колчак провел совещание старших начальников, на котором было принято решение объявить командам о восстании в Петрограде. Адмирал также отменил свой приказ об информационной блокаде Крыма. Поскольку радиотелеграфисты флота принимали немецкие сообщения о революции в России, а 1 марта в Симферополе из телеграфного распоряжения члена Государственной думы А. А. Бубликова узнали о свержении самодержавия, то далее скрывать сведения, поступающие из столицы, не имело смысла. В противном случае это могло привести только к обострению отношений с личным составом.⁵⁷ Чтобы упредить стихийные выступления матросских масс, командующий флотом решил взять инициативу в свои руки и извещать команды о происходящем в Петрограде посредством своих приказов. Вполне возможно, что эту идею он заимствовал у А. И. Непенина, но мог прийти к ней и сам.

2 марта А. В. Колчак издал приказы по флоту № 771, 788 и 789. В первом он дал краткое изложение петроградских событий и сообщил о переходе власти к ВКГД. Вместе с тем всем чинам флота

⁵³ Отречение Николая II. С. 226–228.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 47.

⁵⁵ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

⁵⁶ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 10–11.

⁵⁷ Там же. С. 11; Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1918 гг. // Революция в Крыму. Симферополь, 1927. № 1 (7). С. 189.

предлагалось исполнять свой долг перед «государем императором и Родиной» и довести войну до победы.⁵⁸ Во втором содержалось требование верить только приказам командующего, поскольку появились сообщения константинопольской радиостанции «в извращенном и преувеличенном виде». И в третьем воспроизводилась телеграмма М. В. Родзянко с обращением от имени ВКГД к армии и флоту.⁵⁹ Как видно из этих приказов, А. В. Колчак последовательно выполнял свой замысел, информируя флот о событиях через свои руки. Итак, еще 2 марта Колчак требует от личного состава флота исполнять долг перед «государем императором». Это свидетельствует о том, что адмирал был верен присяге до отречения, о чем он говорил впоследствии.⁶⁰

Чтобы оградить флот от влияния петроградских событий, 2 марта по распоряжению командующего 2-я бригада линкоров и два дивизиона миноносцев вышли в море для проведения учебных стрельб и охраны подступов к Севастополю. В море отправлялись корабли, которые дольше всех стояли в порту, и вследствие этого их команды имели связь с берегом и могли подвергнуться вредной агитации.⁶¹

Меры, принимаемые А. В. Колчаком, оказались крайне своевременными. Уже 2 марта слухи о перевороте в Петрограде распространились по Севастополю и проникли в сухопутные части. Солдаты начали говорить с офицерами вызывающе и перестали отдавать честь.⁶² В городе вспыхивали митинги. На одном из них

⁵⁸ 3 марта 1917 г. приказ был опубликован в «Крымском вестнике» («Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 162–163). Никаких других сообщений на страницах газеты не появилось. Белая полоса на третьей странице свидетельствует о том, что редакция хотела поместить какую-то информацию, но цензура этому воспрепятствовала. Отметим, что и 1 марта газета вышла с белой полосой. Отсутствовали сообщения из столицы и 2 марта. При этом редакция уведомила читателей, что никаких телеграмм не получено. Таким образом, 2 и 3 марта информационная блокада еще продолжалась.

⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 73.

⁶⁰ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой. С. 97.

⁶¹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 32.

⁶² *Верховский А. И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника (1914–1918 гг.)). Пг., 1918. С. 67.

комендант Севастопольской крепости контр-адмирал Свиты его императорского величества М. М. Веселкин по требованию собравшихся вынужден был снять императорские вензеля.⁶³ 3 марта некоторые роты отказались идти в караулы и на занятия. В дневнике начальника штаба Отдельной Черноморской дивизии подполковника А. И. Верховского за этот день появилась следующая запись: «Они (солдаты. — А. С.) глядят на нас волками».⁶⁴ Таким образом, если видимость связи между офицерами и солдатами и существовала, то она разорвалась с первого дня революции.⁶⁵

В то время как командующий Черноморским флотом употреблял все силы на удержание флота от революционных потрясений, в Ставке Верховного главнокомандующего шла подготовка к отречению Николая II. 2 марта А. В. Колчак получил осведомительную телеграмму начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева, в которой приводились тексты телеграмм командующих фронтами к Николаю II с просьбой об отречении.⁶⁶ На допросе в Иркутске 24 января 1920 г. Колчак говорил, что для него она стала совершенно неожиданной.⁶⁷ Соответствующую телеграмму о необходимости отречения командующим флотами Алексеев не направлял. Хотя, как и командующие фронтами, они подчинялись Верховному главнокомандующему. Черноморский флот перешел в ведение Ставки с началом войны, а Балтийский флот — в начале 1916 г.⁶⁸

В мемуарах дворцового коменданта В. Н. Воейкова говорилось: «Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак воздержался от посылки личной телеграммы Государю, но он безоговорочно принял уведомление Родзянки о захвате власти изменниками царя, о чем председатель Государственной думы Родзянко поставил его в известность».⁶⁹ Итак, Воейков подтвердил отсутствие телеграммы Колчака к Николаю II с просьбой об отречении.

⁶³ Там же. С. 68.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 71.

⁶⁶ Отречение Николая II. С. 238–239.

⁶⁷ Допрос Колчака... С. 290.

⁶⁸ *Петров М.* Кризис морского командования в 1916 году // Морской сборник. 1926. № 8–9, август–сентябрь. С. 3.

⁶⁹ *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1994. С. 136.

На осведомительную телеграмму ответа не требовалось. Но в этой ситуации командующие флотами повели себя по-разному. 2 марта Непенин отправил телеграмму Николаю II, в которой присоединился к просьбам об отречении.⁷⁰ От Колчака ответа не последовало. В этой ситуации он счел за лучшее промолчать.

В повести-хронике К. А. Богданова «Адмирал Колчак» сообщается: «Шифровка, полученная в тот же день, 2 марта, от начальника штаба Ставки М. В. Алексеева, привела Колчака в замешательство. В ней с недомолвками высказывались соображения, что „войну можно продолжать лишь при выполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича“. И далее: „Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать свою верно-подданническую просьбу его величеству через Главкосева, известившего меня“».⁷¹ В данном случае Богдановым была допущена определенная передержка. Телеграмму Алексеева от 2 марта командующим фронтами он переадресовал А. В. Колчаку. Богданов также утверждал, что, отказавшись послать Николаю II телеграмму с просьбой об отречении, Колчак в то же время известил М. В. Алексеева о том, что предложение всех командующих «принял безоговорочно».⁷² Однако ссылки на источник информации Богданов не сделал. Мои поиски в РГА ВМФ, как и разыскания автора последней биографии А. В. Колчака П. Н. Зырянова,⁷³ эту информацию не подтверждают.

Судя по всему, еще днем 3 марта А. В. Колчак не был готов признать Временное правительство, в связи с чем в 14 ч. 30 м. он запрашивал Ставку о том, «кто в настоящее время является законной верховной властью в стране — кто является законным правительством, кто верховным главнокомандующим».⁷⁴ Если исходить из

⁷⁰ Смолин А. В. Морской заговор — миф или реальность // История России нового и новейшего времени: Сб., посвященный 75-летию проф. Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 118.

⁷¹ Богданов К. А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993. С. 89.

⁷² Там же.

⁷³ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 301.

⁷⁴ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 32.

контекста телеграммы, то под «законной верховной властью» командующий флотом подразумевал монарха. И даже 11 марта Колчак обратился к военному и морскому министру А. И. Гучкову за разъяснением, как поступить со словами «За царя» на ополченских знаменах и значках. Сам адмирал самостоятельного решения принимать не стал, а только исполнил указания о снятии символов старой власти. Двусмысленность сложившейся в России ситуации состояла в том, что фактически монархия перестала существовать, а юридического акта об ее отмене не было. Вопрос о форме государственной власти Временное правительство отложило до Учредительного собрания.

Объясняя свою позицию в февральско-мартовские дни 1920 г. на допросе в Иркутске, А. В. Колчак говорил: «Сам факт принятия власти комитетом Государственной думы во время Февральской революции я приветствовал, так как состав правительства перед самой революцией я не считал способным к успешному ведению войны. Когда совершилось отречение Николая II и образовалось Временное правительство, я счел себя свободным от присяги прежней власти и первым в Черноморском флоте принес присягу Временному правительству. Я приветствовал революцию как гарантию возможности подъема энтузиазма в народе и армии, и этим самым возможности довести войну до победного конца, ибо уже перед революцией для меня стало ясно, что монархия к такому победному концу привести не может — вернее, не монархия, а создавшийся при ней у нас в России государственный порядок, и что должно произойти в создавшемся положении какое-либо изменение».⁷⁵ В этом рассуждении следует обратить внимание вот на что. Во-первых, Колчак, как и ряд других военных, полагал, что доведение войны до победы не может произойти при данном правительстве. При этом он четко отделял монархию как тип государственного устройства от правительства, и устранение неспособной исполнительной власти не означало покушения на государственную основу. Для Колчака как милитариста по своей психологии война являлась смыслом жизни, а победа в ней — вершиной. Но в то же время Колчак поставил под сомнение то, ради чего он соглашался на перемены. Адмирал счи-

⁷⁵ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой. С. 97.

тал, что революция только гарантировала «возможность» подъема народного энтузиазма и «возможность» правительству довести войну до победного конца. Следовательно, на перемены он соглашался только за одну возможность, т. е. условность, которая могла реализоваться, а могла и не состояться.

Вопрос о политических взглядах А. В. Колчака после Февраля до сих пор остается дискуссионным. Как свидетельствовал и М. И. Смирнов в воспоминаниях, написанных в эмиграции в 1923 г.: «А. В. Колчак был предан престолу и отечеству. Известие об отречении государя его крайне огорчило, и он считал, что отечество идет к гибели».⁷⁶ И здесь же он добавлял, что «большинство офицеров флота считало, что без царя отечество погибнет».⁷⁷ В мемуарах генерала К. В. Сахарова, написанных также в эмиграции, приводился разговор, который состоялся между автором воспоминаний и А. В. Колчаком в сентябре 1919 г. Говоря о будущем России, Верховный правитель сказал: «...все слои русского народа думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного вождя, законного царя».⁷⁸ Однако рекламировать свой монархизм адмирал считал преждевременным.⁷⁹ В одном из писем к А. В. Тимиревой от 11 марта 1917 г., оценивая события Февральской революции, Колчак отмечал: «Каким-то кошмаром кажутся эти 10 дней, стоивших мне временами невероятных усилий, особенно тяжелых, т[ак] к[ак] приходилось бороться с самим собой, а это хуже всего».⁸⁰

В 1920 г. на допросе в Иркутске А. В. Колчак говорил, что до Февраля являлся монархистом.⁸¹ И далее добавлял: «Я приветствовал революцию» как возможность доведения войны до победного конца и «думал, что, вероятно, будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны».⁸² В то же

⁷⁶ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 13.

⁷⁸ *Сахаров К.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 148.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 157.

⁸¹ Допрос Колчака... С. 283.

⁸² Там же. С. 284, 285.

время адмиралом проводилась мысль о том, что ему безразлично, какая форма правления — республиканская или монархическая — установится в России. Главное в том, что он служит родине, а не правительству. При этом Колчак заявлял, что и монархия могла довести войну до конца.⁸³ Без какой-либо критики мысль о безразличии военного-профессионала к политике, его демократизм и республиканизм, основанные на весьма путаных показаниях следственной комиссии, вошли в историческую литературу.⁸⁴ В то же время один из авторов даже предположил, что в душе Колчак тяготел к монархизму.⁸⁵ Исключением здесь является книга Г. З. Иоффе, автор которой ставил под сомнение приверженность А. В. Колчака республиканизму.⁸⁶

В качестве косвенного доказательства приверженности А. В. Колчака монархизму после Февраля можно привести свидетельство барона А. Будберга. В дневнике за 17 июля 1919 г. он рассказал о панихиде по царской семье, состоявшейся в Омске.⁸⁷ Сам Верховный правитель в это время в городе отсутствовал. 15 июля он находился с официальным визитом в Екатеринбурге, а 17 июля неофициально снова посетил город. В этот приезд он встретился с архиепископом Андреем Уфимским. Никаких других подробностей об этой поездке установить пока не удалось. Однако можно предположить, что вторичное пребывание в Екатеринбурге связано с поминовением царской семьи.

На сегодняшний день нет особых оснований говорить о том, что адмирал в одночасье поменял свои убеждения. Другое дело, что он не мог их высказывать открыто и вынужден был приспособляться к революционной действительности.⁸⁸ По-видимо-

⁸³ Там же. С. 284.

⁸⁴ См.: *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. 2, ч. 3. С. 20, 23–26; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак... С. 67, 68; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 304.

⁸⁵ *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 44.

⁸⁶ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 12–13.

⁸⁷ *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. М., 1992. Т. 14. Ре-принт. С. 325.

⁸⁸ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 97.

му, впоследствии позиция, занятая адмиралом в ситуации с отречением, способствовала его популярности в Белом движении, поскольку на нем не было «греха» Февраля, как на некоторых других военачальниках.

§ 2. «Революционный» командующий флотом

Несмотря на все усилия А. В. Колчака, полностью избежать волнений на флоте не удалось. 3 марта 1917 г. команда линкора «Екатерина Великая» потребовала убрать с корабля всех офицеров, носивших немецкие фамилии, так как опасалась, что они могут взорвать судно. Обстановку накалила попытка мичмана Фока проверить несение службы караулом у пороховых погребов орудийной башни. Однако караульным это показалось подозрительным, и его не пропустили. Почувствовав себя оскорбленным, офицер застрелился. 4 марта матросы потребовали прибытия на «Екатерину» командующего флотом. Колчак приехал на линкор, но только после доклада командира корабля, а не под давлением команды. Адмирал отверг все подозрения в измене со стороны командного состава немецкого происхождения и отказал в его списании. Матросы удовлетворились объяснениями командующего и больше на своих требованиях не настаивали.⁸⁹ Данное выступление вряд ли можно квалифицировать как классовое противостояние, хотя оно и проходило по линии матрос — офицер. Скорее всего, его причиной стал тот психоз шпиономании и антинемецких настроений, который господствовал в российском общественном мнении, постоянно подогревался периодической печатью и распространился на армию и флот.⁹⁰

⁸⁹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 34; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 12, 13; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 305–306. Это выступление сам Колчак относил к признакам начавшегося разложения. — Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 22.

⁹⁰ См.: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2005; *Поршинева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 221.

4 марта часть флота, находившаяся в море, возвратилась в Севастополь. В этот же день по приказанию командующего газета «Крымский вестник» сообщила об отречении Николая II, о назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим и о формировании Временного правительства. К этим известиям личный состав флота отнесся спокойно.⁹¹ Однако к вечеру 4 марта в Севастополе начались митинги. Чтобы разрядить обстановку, 5 марта А. В. Колчак устроил смотр морских частей и гарнизона. Перед его началом прошло торжественное богослужение в знак доверия Временному правительству. После этого командующий провозгласил здравицу в честь новой власти и принял парад.⁹²

Однако об истинном настроении солдат и матросов можно судить по тому, что на парад они взяли винтовки и боевые патроны, поскольку опасались, что смотр может оказаться ловушкой и их начнут расстреливать из пулеметов.⁹³ Кошмар расправ при подавлении революции 1905–1907 гг. настолько засел в народной памяти, что и в 1917 г. солдаты и матросы считали, что офицеры только и ждут удобного случая, чтобы рассчитаться с ними за прошлое. Такое же явление наблюдалось при восстании в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. Историческая память народа дала свои всходы через десять лет.

После окончания парада в городе начались митинги. На один из них, который состоялся в полуэкипаже, был вызван А. В. Колчак. Командующий сначала отказывался, но затем, чтобы не накалять страсти, поехал. Прибыв в полуэкипаж, он потребовал от собравшихся разойтись, но они заперли ворота и предложили адмиралу выступить, а также послать приветственную телеграмму Временному правительству от Черноморского флота. Колчак произнес краткую речь о происшедших событиях и обещал послать телеграмму. На предложение митингующих «иметь постоянное собрание из выборных для обсуждения нужд» он ответил отказом, мотивируя это тем, что наличие такого органа несовместимо с по-

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 229.

⁹² Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 8–9 (67–68). С. 148; Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте... С. 589.

⁹³ Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 71.

нятием «воинской части».⁹⁴ Однако это не подействовало на моряков, и после отъезда командующего они избрали Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК).⁹⁵

В этот же день в 10 ч. вечера А. В. Колчак выступал на митинге перед зданием Городской думы, на котором огласил приветственную телеграмму правительству. Но этим дело не кончилось. Собравшиеся предъявили командующему требование об отстранении от должности коменданта Севастопольской крепости контр-адмирала Свиты его императорского величества М. М. Веселкина, о разоружении полиции, расформировании Севастопольского жандармского управления. Несмотря на то что на Колчака было оказано давление, он пошел на уступки. До образования милиции охрана города поручалась военным патрулям.⁹⁶

В телеграммах на имя князя Г. Е. Львова, Временного правительства, военного и морского министра А. И. Гучкова и председателя Государственной думы М. В. Родзянко адмирал А. В. Колчак от имени Черноморского флота и населения Севастополя приветствовал правительство и выражал надежду, что оно доведет войну до победного конца.⁹⁷ Однако в телеграммах ничего не говорилось о революции, которая привела Временное правительство к власти. Следовательно, командующий флотом приветствовал не революцию, а то правительство, которое сможет привести страну к победе. При этом в своих докладах М. В. Алексееву и А. И. Ру-

⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 189.

⁹⁵ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 36; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 13; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 306–307.

⁹⁶ *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917 г. С. 149. Приказ об отстранении от должности коменданта крепости и военного губернатора Севастополя контр-адмирала М. М. Веселкина подписан А. В. Колчаком 30 марта 1917 г. — *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // *Русский сборник: исследования по истории России.* М., 2006. Т. 3. С. 233; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте... С. 591.

⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 204; Д. 113. Л. 171; Д. 114. Л. 10; Телеграммы Колчака — Председателю Совета министров князю Львову, морскому министру Гучкову, председателю Государственной думы Родзянко; *Крымский вестник.* 1917. 6 марта.

сину 6 марта он отмечал: «Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено».⁹⁸ Тем самым Колчак снимал с себя ответственность за признание Временного правительства и перекладывал ее на команды и население Севастополя.

В новых революционных условиях командующему приходилось искать и находить новые приемы воздействия на личный состав флота. Так, для организации матросского клуба А. В. Колчак приказал реквизировать один из кинотеатров Севастополя и обратился к военному и морскому министру с просьбой о выделении средств для его оборудования.⁹⁹ 8 марта А. И. Гучков разрешил Колчаку реквизировать кинотеатр и взять 10 тыс. руб. из фонда командующего флотом.¹⁰⁰ На усмотрение Колчака морской министр передал и вопрос об отпуске средств из сумм, находящихся в его распоряжении, Севастопольскому Совету.¹⁰¹

Вместе с тем А. В. Колчак выступил против Приказа № 1 Петроградского Совета как органа местной власти. Однако, когда 6 марта в 19 ч. 30 м. он получил приказ № 5 по Морскому ведомству за подписью А. И. Гучкова, ряд пунктов которого совпадал с Приказом № 1 или дополнял его, то уже в 21 ч. последовал ответ об исполнении этого распоряжения.¹⁰²

В МГШ также делали выводы из событий, происходивших во флоте и, в частности, на Балтике. Так, 4 марта 1917 г. в телеграмме капитана 1-го ранга В. Е. Егорьева на имя капитана 1-го ранга М. И. Смирнова, флаг-капитана А. В. Колчака, сообщалось, что прискорбные случаи в Балтийском флоте произошли «из-за недостатка непосредственного общения и совместного между командами и офицерами обсуждения хода событий».¹⁰³ И выводы из этого предупреждения последовали незамедлительно.

⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 229; Д. 113. Л. 189; Февральская революция 1917 года. С. 57.

⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 196.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3. Л. 240, 251.

¹⁰¹ Там же. Л. 242, 243, 244.

¹⁰² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 184, 185; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 307.

¹⁰³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 180.

Для сближения позиции офицеров и матросов по приказанию А. В. Колчака 7 марта в морском собрании состоялось совещание офицеров, на котором с речью выступил командующий флотом. Он призвал присутствовавших к единению с солдатами и матросами во имя победы над германцами. Выступавшие говорили, что «огонь, зажженный офицерами-декабристами, никогда не умрет в офицерском корпусе».¹⁰⁴ По инициативе офицеров был создан временный исполнительный комитет. В него вошло 9 человек. Председателем стал подполковник А. И. Верховский, в будущем военный министр Временного правительства. В полном составе комитет вошел в ЦВИК. Колчак предоставил ему помещение, средства, содействовал изданию газеты «Вестник Севастопольского ЦВИК».¹⁰⁵

В то время как командный состав вырабатывал тактику поведения в отношении нижних чинов, по городу разнесся слух, что офицеры о чем-то стовариваются. Тогда около 20 тыс. человек, пришедших на вокзал встречать представителей Временного правительства, решили выяснить, что происходит на самом деле, и направились к морскому собранию. К подошедшей толпе вышли офицеры, избранные в ЦВИК, и рассказали, что совещание проводилось с целью единения матросов и офицеров. Это всех удовлетворило.¹⁰⁶

Следует отметить, что А. В. Колчак не упускал малейшей возможности для укрепления своего авторитета. Когда в Севастополь приехал представитель Временного правительства, член Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета меньшевик И. Н. Туляков, командующий флотом прибыл в гостиницу «Кист», где тот остановился, для встречи. После окончания приема Туляков и Колчак вышли на балкон, перед которым собралась многотысячная толпа, и были встречены криками «ура!».¹⁰⁷ Затем они

¹⁰⁴ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 72.

¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 224. Телеграмма М. И. Смирнова — А. Д. Бубнову 7 марта 21 ч.; Крымский вестник. 1917. 9 марта. Приказ Командующего Черноморским флотом 8 марта 1917 г. № 847; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 14—15; *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 73; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте... С. 591.

¹⁰⁶ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 307—308.

¹⁰⁷ Крымский вестник. 1917. 9 марта, 10 марта. Пребывание народного представителя в Севастополе.

поехали на Графскую пристань, где их приветствовали собравшиеся, а потом посетили солдатские и морские казармы. Везде с речами выступал Колчак, так как Туляков сорвал голос. Кульминацией дня стало посещение арестного дома, где содержались матросы, наказанные в дисциплинарном порядке. Командующий флотом объявил арестованным, что по случаю пребывания члена Государственной думы он их освобождает. В ответ раздались крики «ура!».¹⁰⁸

10 марта в Севастополь прибыл член Государственной думы А. М. Александров, которого снова встречал командующий флотом, показывая свою лояльность Думе и новой власти.¹⁰⁹ В этот же день в городе прошел праздник свободы, завершившийся митингом у морского собрания. Затем А. В. Колчак вывел флот в море, так как считал, что боевые выходы отвлекают людей от политики.¹¹⁰ В письме к А. В. Тимиревой, написанном 11 марта во время похода, А. В. Колчак попытался оценить произошедшее. События первых дней марта представлялись ему «кошмаром». В связи с этим он писал: «Десять дней я занимался политикой и чувствую к ней глубокое отвращение, ибо моя политика — повиновение власти, которая может повелевать мною». ¹¹¹ Исходя из этого заявления, может сложиться впечатление о том, что адмирал был чужд политике, но это далеко не так. Действительно, как человек военный он привык исполнять и отдавать приказы. Однако революция внесла свои коррективы в, казалось бы, раз и навсегда установленный порядок. В связи с этим адмирал писал: «Мне пришлось заниматься политикой и руководить истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремление к первобытной анархии <...> были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву погребе».¹¹²

¹⁰⁸ Там же. 10 марта; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 232.

¹⁰⁹ Крымский вестник. 1917. 12 марта. Прибытие в Севастополь члена Государственной думы А. М. Александрова.

¹¹⁰ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 50; *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 46.

¹¹¹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 157.

¹¹² Там же. С. 157–158.

Несмотря на все трудности, А. В. Колчаку удалось сохранить управляемость Черноморским флотом. Возможно, это привело к некоторой самоуверенности: «Лишний раз я убедился, как легко овладеть истеричной толпой».¹¹³ Но в то же время, будучи человеком трезвомыслящим, он отдавал себе отчет в том, что такое положение вряд ли будет оставаться долго. Так, уже 16 марта, когда пик популярности Колчака в Черноморском флоте был бесспорен, в письме к И. К. Григоровичу появляются такие строчки: «Мне удалось пока сохранить доверие личного состава флота, рабочих и городского населения, но Вы изволите знать, насколько быстро такое положение при настоящих событиях может измениться. Я прилагаю все усилия, чтобы сохранить флот, порт и крепость в дееспособном состоянии и удержать управление и командование. К сожалению, у меня нет никакой уверенности, что это удастся в будущем так же, как это удалось до сего дня».¹¹⁴ Эта же мысль содержалась и в письмах к А. В. Тимиревой от 11–14 и 26 марта: «...все удерживается от стремительного развала только условным моим авторитетом и влиянием, который может исчезнуть каждую минуту»,¹¹⁵ «в обстановке <...> политического сумбура и бедлама, которым я управляю и кое-как привожу пока в порядок», — писал Колчак.¹¹⁶

Одна из главных причин того, что А. В. Колчаку удалось сохранить управляемость флотом, находилась в нем самом. В этот момент величайшего исторического перелома он сумел совладать со своими нервами и перебороть себя. Все, знавшие адмирала, подчеркивали его необычайную вспыльчивость и неуравновешенность.¹¹⁷ Если бы эти качества взяли верх, то трагической развязки вряд ли удалось бы избежать. Однако командующий Черноморским флотом проявил завидную силу воли, выдержку, спокойствие и терпеливость, а также готовность идти на компромисс, т. е. те

¹¹³ Там же. С. 157.

¹¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–2.

¹¹⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 161.

¹¹⁶ Там же. С. 166.

¹¹⁷ См.: Милая химера в адмиральской форме... С. 73, 101; *Пилкин В. К.* Два адмирала // *Пилкин В. К.*, адмирал. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 485, 495; *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 15–16; РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 203. Л. 7–8; Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 72 об.

качества, которые характеризуют настоящего политика. Но эта искусственная сдержанность далась ценой невероятных усилий борьбы с самим собой.¹¹⁸ Оценивая поведение Колчака в первые дни Февраля, А. В. Тимирева, близкий друг адмирала, писала: «Вы поступили так, как можно было ожидать от Колчака».¹¹⁹

Приведение Черноморского флота к присяге Временному правительству А. В. Колчак провел со всей революционной торжественностью. 19 марта 1917 г. в 10 ч. утра войска выстроились на Куликовом поле. После этого отслужили молебен с многолетием Временному правительству. Затем перед командующим флотом церемониальным маршем прошли черноморцы с красным знаменем, с нарисованным на нем портретом лейтенанта П. П. Шмидта в траурной рамке и надписью «Да здравствует свободная Россия!». Замыкали шествие рабочие с красными знаменами. Все проходившие приветствовали командующего флотом.¹²⁰

19 марта был опубликован приказ Колчака от 17 марта № 989 об ужесточении пропускного режима на въезд и выезд из Севастополя из-за переполненности города населением.¹²¹ В действительности он хотел оградить базу флота от вредных влияний.

Что же позволяло командующему поддерживать дисциплину на флоте в марте 1917 г.? В докладной записке флаг-капитана А. В. Колчака капитана 1-го ранга М. И. Смирнова от 23 марта перечислялись меры, которые позволили избежать эксцессов. К ним он относил личный авторитет командующего, организацию делегатских собраний от офицеров и команд, образование ЦВИК, а также корабельных полковых и ротных комитетов, что позволило достигнуть «некоторого единения офицерского состава с командами». М. И. Смирнов считал, что в революционное время такой способ являлся единственным для сохранения воинских частей. В то же время, не покушаясь на существовавший порядок, он предлагал постепенно возвращаться к положению строгого подчинения начальникам. Обращает на себя внимание и то, что больше поло-

¹¹⁸ Милая химера в адмиральской форме... С. 169, 185.

¹¹⁹ Там же. С. 179.

¹²⁰ Крымский вестник. 1917. 21 марта; *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 57.

¹²¹ Крымский вестник. 1917. 19 марта.

вины доклада посвящено работе с офицерским составом, дисциплина в среде которого стала падать. Так, 5 марта 1917 г. командующий флотом призвал офицеров лично делать сообщения подчиненным о текущих событиях, и, как констатировал Смирнов, они «почти нигде не делаются».¹²² Таким образом, развал дисциплины происходил и в офицерском корпусе. Такое же явление наблюдалось и на Балтийском флоте.¹²³

Офицерам, воспитанным на дисциплине царской армии, с большим трудом давался переход к новым порядкам и главное — к общению с подчиненными как с равными себе. На совещании у А. В. Колчака с офицерами сухопутного гарнизона кто-то из присутствовавших сказал, что невозможно все время проводить с хамами. На что последовала реплика командующего: «А я требую, чтобы вы все свое время посвящали вашему солдату: вы ведь сами видите, как я, занимая столь высокий пост, все время имею самое тесное общение как с матросами, так и с рабочими; как вы думаете, а мне легко быть все время с этими хамами, а тем не менее я это делаю».¹²⁴ Умение управлять собой — одно из важнейших качеств политика, и Колчак показывал, что он им владеет.

В конце марта А. В. Колчаку пришлось вступить в непростой спор со своим начальством. Военный и морской министр А. И. Гучков и начальник МГШ А. И. Русин потребовали отстранения от должности начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала Свиты С. С. Погуляева. Они считали, что оставление на ответственных должностях офицеров Свиты наносит громадный вред новой власти. При этом никаких конкретных обвинений против Погуляева не выдвигалось.¹²⁵ В связи с этим Колчак в одном из писем писал, что «основания для его (Погуляева. — А. С.) отставки мне не известны».¹²⁶ Один из близких друзей Колчака, капитан

¹²² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1—5.

¹²³ *Смолин А. В.* Ревель и Петроград в 1917—1918 гг. в дневнике барона Н. А. Типольта // Проблемы исторического регионоведения: Сб. науч. трудов. Вып. 2: К 70-летию профессора В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2009. С. 319.

¹²⁴ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 63.

¹²⁵ Там же. С. 165.

¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 24, 27.

2-го ранга В. В. Романов сообщал, что Погуляева обвиняли в использовании Г. Е. Распутина для устройства личных дел.¹²⁷ Командующий до последней возможности отстаивал своего начальника штаба, но в конце концов уступил. Новым начальником штаба 8 апреля 1917 г. стал капитан 1-го ранга М. И. Смирнов.

Вместе с тем командующий флотом расставался с теми высшими офицерами, которые своими действиями в прошлом или настоящем скомпрометировали себя перед новой властью. Так, помимо М. М. Веселкина занимаемой должности лишился начальник тыла флота и главный командир Севастопольского порта вице-адмирал П. А. Новицкий, принимавший участие в разгроме флотского подполья в 1912 г. «За грубое оскорбление матросов, превышение власти и оскорбление Родзянко и Гучкова» полковник по адмиралтейству Н. П. Шперлинг был отстранен от должности и предан суду. Ему также вменялось жестокое обращение в бытность начальником военно-исправительной тюрьмы в Севастополе. Здесь обращает на себя внимание наказание за оскорбление «революционного величества», что лишний раз подтверждает то, как старое тянуло за собой новое и жило в нем. За бестактное обращение с командой капитан 2-го ранга Г. М. Добролюбов получил выговор от командующего.¹²⁸

В это время А. В. Колчак старался поддерживать репутацию человека, преданного революции и учитывающего настроения матросских масс. 11 апреля адмирал выступил на заседании Одесского Совета солдатских и офицерских депутатов. Судя по газетному отчету, он сказал следующее: «Я считаю себя сознательным сторонником демократического строя, утверждающегося сейчас в России, почти неотличимого от демократической республики».¹²⁹ На слушателей это произвело сильное впечатление. И слова адмирала не расходились с делом. Так, получив телеграмму за подписями министра-председателя князя Г. Е. Львова и министра юстиции А. Ф. Керенского о принятии усиленных мер по охране бывших представителей дома Романовых, проживавших в

¹²⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.

¹²⁸ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 233.

¹²⁹ Утро России. 1917. 13 апр. Отчет о выступлении командующего Черноморским флотом Колчака.

Крыму, Колчак немедленно отдал приказ начальнику штаба флота М. И. Смирнову об исполнении прописанных в ней мер.¹³⁰ Правда, обыски, проведенные в имениях великих князей, никаких результатов не дали.

Благодаря тому, что командующий флотом быстро улавливал изменения в настроениях широких матросских масс, ему удалось избежать эксцессов, связанных с движением за отмену погон и отдачу чести, издавая упреждающие приказы.¹³¹ Не препятствовал А. В. Колчак и инициативе матросских масс по переименованию кораблей, что нашло отражение в его приказах. Так, новые названия получили линейные корабли «Император Александр III» («Воля») и «Императрица Екатерина Великая» («Свободная Россия»).¹³²

В начале апреля 1917 г. стали распространяться слухи о переводе А. В. Колчака на должность командующего Балтийским флотом.¹³³ Сейчас трудно сказать, кто их инициировал и какую цель они преследовали. В связи с этим 6 апреля в телеграмме помощнику морского министра адмиралу М. А. Кедрову Колчак писал, что в случае поступления официального предложения он не откажется, но не гарантирует сохранение порядка в Черноморском флоте. Окончательный ответ он предлагал дать после свидания с морским министром 10 апреля в Одессе.¹³⁴ Эти сведения попали в газеты и вызвали беспокойство у командующего Балтийским флотом адмирала А. С. Максимова. 7 апреля он обратился в Военное министерство, пытаясь выяснить достоверность газетной информации.¹³⁵

10 апреля, когда волна слухов о переводе А. В. Колчака на Балтику стала набирать обороты, в Одессу прибыл военный и морской министр А. И. Гучков, встреченный командующим Черноморским флотом. Министр ограничился краткой беседой с Кол-

¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 50, 51.

¹³¹ Колоницкий Б. И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 21, 37, 56, 57.

¹³² Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917–1927 гг.): Справочник / С. С. Бережной, Т. Д. Лысикова, В. С. Гигаури и др. М., 1981. С. 170.

¹³³ Милая химера в адмиральской форме... С. 203.

¹³⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 28.

¹³⁵ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.

чаком и обещал вызвать его в Петроград для обстоятельного разговора.¹³⁶

Противниками перевода А. В. Колчака на Балтику выступили капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов, отвечавший в Ставке за Черноморский флот, и начальник штаба флота М. И. Смирнов. Они считали, что эта мера не улучшит положения на Балтике, но усилит разложение на Черноморском флоте и поставит под вопрос проведение Босфорской операции.¹³⁷ На телеграмме М. И. Смирнова от 16 апреля есть резолюция М. А. Кедрова: «Разговоры об уходе Колчака из Черного моря ни на чем не основаны. Колчак остается на своем посту».¹³⁸

С решительным протестом против перевода А. В. Колчака на Балтийский флот выступил и Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев. Он также считал, что это перемещение не принесет большой пользы. Но главное было в другом. Алексеева и его штаб никто о предстоящем переводе в известность не поставил, что вызвало нескрываемое раздражение генерала. «Предложения о перемещении официально мне не сообщалось, т[ак] к[ак] все сношения делались непосредственно с Севастополем помимо меня и моего Штаба, хотя я являюсь ответственным перед Родиной за состояние вооруженных сил армии и флота», — писал он.¹³⁹ Резолюция на телеграмме гласила: «Разговоры о перемещении Колчака ни на чем не основаны. Колчак остается в Черном море».¹⁴⁰ Однако М. А. Кедров ее зачеркнул и написал новую: «Колчак не

¹³⁶ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 314—315; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 22.

¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 819. Л. 29—30; Д. 117. Л. 29, 32.

¹³⁸ Там же. Д. 117. Л. 32.

¹³⁹ Там же. Л. 31. Следует отметить, что М. В. Алексеев весьма нервно реагировал на перестановки в высшем командном составе без согласования с ним. Так, в конце апреля А. И. Гучков предложил вместо генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом, назначить генерала Л. Г. Корнилова, мотивируя это политической необходимостью. В ответ он получил отказ с угрозой отставки. — Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 11—12.

¹⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 31.

предполагался к переводу на Балтийский флот и остается в Черном море и, конечно, если бы Генмор о перемещении замял бы разговор, то он мог бы состояться только с Вашего согласия».¹⁴¹ Как могли, М. В. Алексеева постарались успокоить, но насколько это на него подействовало, сказать трудно. В архиве сохранились три телеграммы в Ставку о передвижениях А. В. Колчака после его приезда в апреле 1917 г. в Петроград. Это сообщения о его прибытии в 15 ч. 30 м. 15 апреля в столицу, об отъезде в Псков в 23 ч. 20 апреля и об убытии 21 апреля в 21 ч. в Севастополь.¹⁴² Таким образом, можно с большой долей уверенности сказать, что в Ставке с беспокойством относились к решительному адмиралу и присматривали за ним.

Итак, 15 апреля по вызову А. И. Гучкова А. В. Колчак прибыл в Петроград. Здесь он остановился в гостинице «Астория».¹⁴³ Надо сказать, что военный и морской министр весьма высоко оценивал военные и административные способности Колчака, сумевшего удержать Черноморский флот на какое-то время от скатывания в революционную пучину и обладавшего решительным характером. Вспоминая о Колчаке в 1932 г., Гучков говорил: «Он (Колчак. — А. С.) с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался. Он сделал ряд других уступок второстепенного характера, не выпуская из рук основ, этим сразу вселив доверие к себе. <...> я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора. С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак».¹⁴⁴ Таким образом, переход Колчака на Балтику планировался в качестве меры политической, и адми-

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 2. Л. 99, 108, 114.

¹⁴³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 410—413. Разговор В. В. Романова со штабом Северного фронта 21 апреля 1917 г.

¹⁴⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 68.

рала предполагалось использовать как человека, способного возглавить военный переворот.

Первая встреча с военным и морским министром состоялась, очевидно, 19 апреля на квартире Гучкова, поскольку он был болен. Во время приема заслушивались доклады командующего Черноморским флотом и начальника штаба Балтийского флота князя М. Б. Черкасского. Командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. С. Максимова, развалившего, по мнению Гучкова, флот, не пригласили.¹⁴⁵ По-видимому, на этом совещании поднимались и другие темы. В нашем распоряжении имеются две копии телеграмм Гучкова главнокомандующему Северным фронтом. Первая с пометой «лично», вторая — «расшифровать лично». В первой сообщалось: «Для обсуждения вопросов, связанных с обороной Петрограда и созданием Отдельной армии, Временное правительство предлагает прибыть 19 апреля в Петроград вместе с комфлотом Балтийского моря. Необходимо присутствие последнего. Предписание комфлота от Главкосева без ссылки на правительство. Комфлота должен взять нужных лиц по его усмотрению».¹⁴⁶ Во второй, являвшейся продолжением первой, разъяснялось, почему телеграмму следует посылать от имени Главкосева. «Имею основание предположить, — писал А. И. Гучков, — что комфлот, получив предложение прибыть в Петроград непосредственно от Временного правительства, может уклониться от этого».¹⁴⁷

Судя по телеграммам, на совещании предполагалось рассмотреть вопрос о создании Отдельной армии для обороны Петрограда. Но если учесть, что в это время непосредственной угрозы для столицы со стороны Германии не существовало, то остается одно: использование армии для наведения порядка в Петрограде. Впоследствии в августе 1917 г. перед корниловским мятежом также была предпринята попытка создания Отдельной Петроградской армии во главе с генералом А. М. Крымовым, в состав которой входил и Балтийский флот.¹⁴⁸

Вторая тема телеграммы — это позиция А. И. Гучкова по отношению к командующему Балтийским флотом А. С. Максиму.

¹⁴⁵ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак. С. 316.

¹⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 52.

¹⁴⁷ Там же. Л. 53.

¹⁴⁸ Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 206.

Зачем министру понадобилось вызывать А. С. Максимова, прибегая к помощи командующего Северным фронтом, и почему он допускал возможность его неподчинения приказу Временного правительства? Думается, что ответ на этот вопрос надо искать в политической ситуации апреля и в том, как Гучков планировал из нее выйти. К середине апреля, а возможно и раньше, Гучков пришел к убеждению о необходимости ликвидации Советов и установления военной диктатуры.¹⁴⁹ Но для осуществления этого замысла требовались надежные войска и решительные военачальники. Первым шагом на этом пути стала идея формирования Отдельной армии. Кроме этого, необходимо было заручиться и поддержкой командующего Балтийским флотом. Адмирал А. С. Максимов, выдвинутый матросами в командующие, не пользовался поддержкой у офицерского состава и военного и морского министра. Так, в 1933 г., оценивая Максимова, Гучков говорил: «...адмирал Максимов стал на сторону матросни. Мы с Кедровым боялись с ним (Максимовым. — А. С.) расправиться, потому что он известные меры соблюдал; в то время если бы мы его уволили, тогда мы опасались, что он поведет Балтийский флот на борьбу с Временным правительством, а так как мы на петербургский гарнизон рассчитывать не могли, то появление эскадры могло кончиться тем, чем это кончилось при большевиках».¹⁵⁰

Кампания, начатая в начале апреля, по переводу А. В. Колчака на Балтику насторожила А. С. Максимова. Снять адмирала с должности можно было только в том случае, если бы он находился в Петрограде. Иначе это могло привести к бунту на базе флота в Гельсингфорсе. Об этом, в частности, свидетельствовало сообщение в «Известиях Гельсингфорсского Совета» от 15 апреля: «Колчак к нам не приедет», набранное жирным шрифтом.¹⁵¹ Поэтому назначать Колчака командующим Балтийским флотом, пока Максимов оставался в Гельсингфорсе, не представлялось возможным. Для этого и понадобился вызов Максимова не от имени правительства, а по распоряжению командующего Северным фронтом, которому он подчинялся. Очевидно, командующий Балтийским флотом за-

¹⁴⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 11–12, 77–79.

¹⁵⁰ Там же. С. 102–103.

¹⁵¹ Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 15 апр.

подозрил что-то неладное и не поехал, послав вместо себя начальника штаба князя М. Б. Черкасского.¹⁵²

О том, что в это время готовился военный переворот, свидетельствует и письмо некоего В. Ф. Добровольского адмиралу А. В. Колчаку от 21 мая 1917 г. В нем есть такой пассаж: «Могли ли Вы ожидать, что в последний Ваш приезд в Петроград произойдет правительственный кризис, причем почти что решенная военная диктатура будет заменена коалиционным министерством».¹⁵³ Определенный намек на силовое решение возникших проблем содержался и в показаниях А. В. Колчака в 1920 г. в Иркутске: «Среди военных кругов раздавались голоса, что нужно поставить физический предел движению против войны и что вооруженных сил для борьбы с этим движением путем репрессий у правительства было еще достаточно; такое мнение высказывал Корнилов, его разделял я и думаю, что тогда, в апреле 1920 г. (правильно 1917 г. — А. С.) это было еще возможно и вообще, и, в частности, в Черноморском флоте».¹⁵⁴ Следовательно, Колчак знал о заговоре и играл в нем не последнюю роль. Здесь следует отметить, что еще 19 марта 1917 г. командующий Черноморским флотом присягал на верность Временному правительству, а уже через месяц был готов его устранить. И только Апрельский политический кризис и демонстрации 20 и 21 апреля в Петрограде помешали плану А. И. Гучкова по установлению военной диктатуры. Как и перед Февралем, события опережали планы заговорщиков.

За время пребывания в Петрограде А. В. Колчак участвовал в заседании правительства и в совещании военных, под председательством М. В. Алексева, в Ставке Северного фронта в Пскове, познакомился с Л. Г. Корниловым.¹⁵⁵ Помимо этого он беседовал с председателем Государственной думы (должность которого в это время носила уже бутафорский характер) М. В. Родзянко. По его совету Колчак отправился на встречу к старейшему социал-демо-

¹⁵² В литературе ситуация с отсутствием А. С. Максимова излагается по следственному делу А. В. Колчака. — Допрос Колчака... С. 296–298; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 316.

¹⁵³ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1.

¹⁵⁴ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // *Отечественные архивы.* 1994. № 6. С. 24.

¹⁵⁵ Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака]. С. 218.

крату и руководителю группы «Единство» Г. В. Плеханову, чтобы просить о посылке на флот хороших агитаторов. Во время аудиенции произошел курьез, о котором пишут все биографы Колчака и который якобы свидетельствовал о его политической некомпетентности. Придя к Плеханову, командующий флотом приветствовал его как старейшего социалиста-революционера, что дало повод к удивлению со стороны последнего, поскольку всю жизнь Плеханов только тем и занимался, что боролся с народниками. На основании этого разговора Плеханов сделал вывод о политической индифферентности адмирала, и это стало определенным штампом.¹⁵⁶

Действительно, в атмосфере политического бума, после Февраля, разобраться в партийных хитросплетениях человеку, по роду своей профессиональной деятельности далеко отстоявшему от политики, было непросто. В данном случае Колчак исходил из реального положения дел, сложившегося в это время в Черноморском флоте, а там влияние эсеров было подавляющим, и командующий точно уловил эту ситуацию и по мере сил оказывал им поддержку, в том числе и материальную.¹⁵⁷ Поэтому некоторая путаница, имевшая место в этой беседе, вполне объяснима.

В одной из последних работ о Колчаке говорится о том, что эсеры якобы выдвигали адмирала в качестве морского министра в первое коалиционное правительство наряду с А. Ф. Керенским, П. Н. Милюковым, Г. В. Плехановым и другими лицами. Основанием для этого утверждения стал список правительства, обнаруженный в делах Петроградского союза офицеров-республиканцев, тесно связанного с Петроградским Советом.¹⁵⁸ Сам по себе документ имеет бесспорный интерес, но вызывает и массу вопросов. Прежде всего, следует знать, что собой представляет данный источник (подлинник, копия, черновой набросок, заверенный или нет). Когда и кем был составлен? Рассматривался ли он партией эсеров?

¹⁵⁶ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 316–323; Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака]. С. 218; «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

¹⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 245, 249; Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 34; Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 47.

¹⁵⁸ Кожевин В. Л. Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 53.

Вход в Свеаборгскую крепость

Кладбище Гельсингфорского прихода.
Могила адмирала А. И. Непенина

Могила капитана 2-го ранга Б. Н. Рыбкина

Шведские королевские ворота

Орудие на бруствере Свеаборгской крепости

Выход из Свеаборгского порта

Ворота Свеаборгского порта в Гельсингфорсе — вероятное место гибели адмирала А. И. Непенина

№	Имя	Полное имя	Полное имя				
			И	К	С	С	С
	Александр	Александр					
	Александр	Александр					
13	Александр	Александр					
14	Александр	Александр					
15	Александр	Александр					

№	Имя	Полное имя	Полное имя				
			И	К	С	С	С
	Александр	Александр					
	Александр	Александр					
16	Александр	Александр					
17	Александр	Александр					

Вахтенный журнал посыльного судна "Кречет"

Часовня на кладбище Гельсингфорского прихода

Линейный корабль “Император Павел I”

Линейный корабль “Андрей Первозванный”

Штабное судно “Кречет” – штаб Балтийского флота

Выносился ли на обсуждение Петроградского Совета при формировании коалиционного правительства? Пока поставленные вопросы остаются без ответа, говорить о выдвижении А. В. Колчака министром от эсеров преждевременно. К тому же сами эсеры заслугу удержания дисциплины в Черноморском флоте приписывали деятельности своей партии в матросской среде, а не Колчаку.¹⁵⁹

В Петрограде А. В. Колчак наблюдал за вооруженными солдатскими манифестациями и пришел к выводу, что их следовало подавить силой.¹⁶⁰ Даже А. И. Гучкова он считал человеком, который слишком далеко зашел по части уступок. Отказ правительства от проведения Босфорской операции нанес тяжелый удар по смыслу самой военной деятельности адмирала на Черном море.¹⁶¹

21 апреля в 21 ч. А. В. Колчак убыл в Севастополь. Из столицы он уезжал с твердой уверенностью неизбежной государственной катастрофы, поскольку армия потеряла боеспособность, а правительство оказалось не в состоянии управлять страной.¹⁶² Возможно, что именно в те два дня, которые Колчак провел в поезде, он пришел к мысли самому попробовать вытащить страну из бездны, в которую она погружалась. Результатом этих размышлений командующего стал доклад, а по сути программная речь, с которой он хотел обратиться сначала к Черноморскому флоту, а затем к России.¹⁶³

¹⁵⁹ Там же. С. 51–52.

¹⁶⁰ *Иоффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917–1922 гг. М., 1985. С. 162; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 24; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 412, 414.

¹⁶¹ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 316–323.

¹⁶² Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака]. С. 218; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 172, 175, 177, 180, 190, 194, 195; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 21; «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

¹⁶³ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 323. Колчак произнес две речи. Одну в Морском собрании перед офицерами, другую на делегатском собрании. — *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 21; Крымский вестник. 1917. 28 апр. Доклад вице-адмирала Колчака о положении страны.

25 апреля в севастопольском цирке Труцци состоялось Делегатское собрание солдат и матросов флота гарнизона, на котором с докладом «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками» выступил командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак. Само название речи говорило о том, что он собирался дать оценку состояния вооруженных сил страны, а это никак не входило в его компетенцию командующего флотом. Свое выступление Колчак начал с отрицательной оценки свергнутого государственного строя, который привел «армию морально и материально в состояние крайне тяжелое, близкое к безвыходному».¹⁶⁴ Но и надежды, связанные с революцией, которая должна была поднять дух армии, по его мнению, не оправдались. В связи с этим командующий делал вывод о том, что армия находится накануне распада и не в состоянии обеспечить безопасность государства. Главную причину такого положения дел Колчак видел в германской пропаганде, которая вела к братанию на фронте и дезертирству.¹⁶⁵ Часть вины он возложил и на Временное правительство, которое закрывало глаза на падение дисциплины в армии.¹⁶⁶ Чтобы выйти из создавшейся ситуации, адмирал рекомендовал правительству опереться на вооруженные силы. Оздоровление самой армии он видел в отмене приказов, направленных на ее демократизацию, и прекращении доморощенных реформ.¹⁶⁷ В речи Колчака жесткий реализм в оценке войны, союзников, западных демократий, революционной дисциплины сочетался с верой во всесильную германскую агитацию. Даже стремление русских крестьян к разделу земли он считал делом рук немецкой пропаганды. «Значение германских прокламаций и агентурной работы о земельном разделе в развитии дезертирства следует признать весьма значительным», — говорил Колчак.¹⁶⁸ Такое понимание острейшей проблемы русской деревни свидетельствовало о слабом знании

¹⁶⁴ «Отечество в критическом положении». Выступление А. В. Колчака. Апрель 1917 г. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе / Публ. К. Г. Ляшенко // Исторический архив. 1997. № 2. С. 26.

¹⁶⁵ Там же. С. 26–28.

¹⁶⁶ Там же. С. 26.

¹⁶⁷ Там же. С. 32, 33.

¹⁶⁸ Там же. С. 28.

народной жизни. Таким образом, замечание Г. В. Плеханова о том, что Колчак слабо разбирался в политических вопросах, находило свое подтверждение.¹⁶⁹

Доклад командующего произвел сильное впечатление и воодушевил присутствующих. Адмирал покидал трибуну под гром аплодисментов всего зала. Под влиянием выступления Колчака команда флагманского корабля «Георгий Победоносец» 26 апреля приняла резолюцию с осуждением агитации за сепаратный мир. Она обратилась к флоту с призывом поддержать лозунг «Война до победного конца во имя свободы», призвала оказать доверие Временному правительству и послать делегацию в Петроград и на Балтийский флот. Ее поддержали и другие корабли.¹⁷⁰

Под влиянием доклада А. В. Колчака ЦВИК решил послать на фронт и на Балтийский флот делегацию во главе с «матросом» Ф. Баткиным¹⁷¹ для агитации за продолжение войны. Ее руководитель, ранее не имевший отношения к флоту, по личному указанию А. В. Колчака зачислялся матросом Черноморского флота. Деньги на поездку были выделены из фонда командующего. Отправляя делегацию на фронт, адмирал вполне осознанно шел на ослабление военной пропаганды на Черноморском флоте, так как считал, что судьба России решается на фронте.¹⁷² Однако каких-либо ощутимых результатов в общероссийском масштабе эта акция не дала. И уже 6 июня, обращаясь к морскому министру, Кол-

¹⁶⁹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отчественные архивы. 1994. № 6. С. 25.

¹⁷⁰ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 65; Милая химера в адмиральской форме... С. 215–216; Крымский вестник. 1917. 27, 28 апр. Воззвание команд штаба командующего Черноморским флотом и линейного корабля «Георгий Победоносец». Воззвание команды крейсера «Очаков». 29 апр. Воззвание команды линейного корабля «Иоанн Златоуст».

¹⁷¹ *Михеева Г. В.* «Матрос» Федор Баткин и его архив в Нью-Йоркской публичной библиотеке // Наука, культура и политика русской эмиграции: Сб. статей и материалов всероссийской науч. конф. / СПб. гос. ун-т культуры и искусств. Науч. ред. И. А. Шемракова, П. Н. Базанов. СПб., 2004. С. 112–119; *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть... С. 58.

¹⁷² Милая химера в адмиральской форме... С. 214–215; Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака]. С. 218.

чак просил о немедленном возвращении части делегации Баткина, поскольку отсутствие этих людей негативно повлияло на обстановку во флоте.¹⁷³

О том, насколько были сильны оборонческие настроения в Черноморском флоте в апреле—мае 1917 г., говорила резолюция, вынесенная на собрании солдат, матросов и рабочих 22 апреля 1917 г. В ней в частности заявлялось, что «России необходима полная гарантированная свобода всяких проливов».¹⁷⁴

4 мая Делегатское собрание Черноморского флота, в связи с сообщениями газет о возможном приезде в Крым В. И. Ленина для ведения пропаганды, постановило не пускать вождя большевиков на полуостров, а если он там окажется, то арестовать. Из 409 присутствующих 340 проголосовали против приезда, 49 воздержались и 20 высказались за. В свою очередь, офицеры и матросы миноносца «Строгий» потребовали ареста Ленина и его сподвижников.¹⁷⁵

Несмотря на декларируемые патриотические настроения, Колчак достаточно быстро разобрался в двойственности народной психологии. В одном из писем к А. В. Тимиревой он замечал: «Все говорят о войне, а думают и желают все бросить, уйти к себе и заняться использованием создавшегося положения в своих целях и выгодах — вот настроение масс».¹⁷⁶

Понимая значение доклада на Делегатском собрании, А. В. Колчак приказал начальнику штаба М. И. Смирнову направить телеграмму помощнику начальника МГШ графу А. П. Капнисту с просьбой опубликовать его в наиболее распространенных газетах и по возможности в «Русском слове».¹⁷⁷ Так, Московская Городская дума напечатала речь А. В. Колчака тиражом в несколько миллионов экземпляров.¹⁷⁸

¹⁷³ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 210.

¹⁷⁴ Крымский вестник. 1917. 25 апр. Резолюция по отношению к войне.

¹⁷⁵ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 65; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 42; *Тарпан Г.* Боевые страницы Черноморского флота. М.; Л., 1929. С. 26.

¹⁷⁶ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 169.

¹⁷⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 917. Л. 22.

¹⁷⁸ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 21.

Неоценимую помощь А. В. Колчаку в удержании флота от революционных эксцессов в марте—апреле 1917 г. оказала партия эсеров, которая к середине 1917 г. насчитывала в Севастополе около 30 тыс. человек.¹⁷⁹ И, судя по всему, командующий это понимал и ценил. Так, 24 апреля 1917 г. он просил военного и морского министра о предоставлении кредита для организации крестьянского союза солдат и матросов Севастополя, придавая ему «исключительно важное значение».¹⁸⁰ И в дальнейшем он проявлял внимание к деятельности крестьянского комитета армии и флота, испрашивая у министра ассигнования на его пропагандистские цели.¹⁸¹

Приведенные факты показывают, что, возвратившись из Петрограда, А. В. Колчак занял наступательную позицию, пытаясь выйти на общероссийскую политическую сцену. Была ли это личная инициатива командующего или за ним в это время уже стояли какие-то политические силы? На этот вопрос пока ответить трудно.

Следующим шагом по укреплению связей командного состава флота с матросской массой стали похороны жертв царизма. 30 апреля в Севастополе хоронили 11 моряков, казненных царским правительством в 1912 г. за попытку поднять восстание на Черноморском флоте. Однако сам командующий при этом не присутствовал.¹⁸²

Зато похороны лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей: кондуктора С. П. Частника, комендора Н. Г. Антоненко и минного машиниста А. И. Гладкова, расстрелянных в 1906 г. на о. Березань за участие в Севастопольском восстании 11—16 ноября 1905 г., получили поистине государственный статус. Что заставило А. В. Колчака организовать похороны жертв царизма с таким размахом? Для этого были по крайней мере две причины. Во-первых, этим он хотел продемонстрировать единение матросов и офицеров и показать, что офицеры чтут память борцов с самодержавием. Во-вторых, имелся и еще один повод. В Севастополе в атмосфере революцион-

¹⁷⁹ *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 51—52; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 237.

¹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 245, 260.

¹⁸¹ Там же. Л. 249.

¹⁸² *Крымский вестник.* 1917. 2 мая. Похороны борцов за свободу.

ного угара в матросской среде возникла мысль о необходимости извлечь из могил останки контрреволюционных адмиралов, погибших во время Крымской войны и покоившихся во Владимирском соборе, а на их место положить останки борцов с царизмом.¹⁸³ Упредить подобное действие могло только быстрое и учитывавшее сложившуюся обстановку решение. И оно было найдено. Командующий флотом отдал распоряжение найти останки лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей и перезахоронить их в Севастополе с полагающимися почестями. Это приказание Колчака позволило остудить разгоряченные головы некоторых моряков и прекратить разговоры об извлечении адмиральских останков.

Церемониал похорон разрабатывался 2 мая на заседании ЦВИК с участием сына лейтенанта П. П. Шмидта Евгения.¹⁸⁴ 8 мая 1917 г. с 12 ч. все государственные и частные заведения Севастополя закрылись, а в начале второго прекратилось движение трамваев, извозчиков, автомобилей. К 2 ч. войска расположились от Графской пристани до Покровского собора, места предстоящего погребения, со знаменами и оркестрами. В 2 ч. 15 м. яхта «Принцесса Мария», предоставленная командующим флотом, вошла в бухту и бросила якорь напротив Графской пристани под 21 залп артиллерийского салюта. В знак траура все боевые суда приспустили кормовые флаги, а оркестры играли гимн «Коль славен». После этого к яхте подошла специальная баржа, на которую перенесли четыре гроба с останками. Под звуки «Коль славен» она подошла к берегу. В это время на Графскую пристань прибыл командующий флотом вице-адмирал А. В. Колчак, а на флагманском корабле «Георгий Победоносец» подняли сигнал: «Вечная память борцам за свободу, павшим в 1905 г.». Прямо на барже севастопольский епископ Сильвестр отслужил литию. После этого началось движение похоронной процессии. Гробы несли матросы и офицеры. За гробом П. П. Шмидта шли командующий флотом вице-адмирал Колчак, командир порта контр-адмирал С. Ф. Васильковский, правительственный комис-

¹⁸³ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 62.

¹⁸⁴ *Крымский вестник.* 1917. 4 мая. К предстоящему погребению в Севастополе останков лейтенанта Шмидта, матросов Антоненко и Гладкова и кондуктора Частника.

сар Никонов, сын П. П. Шмидта и т. д.¹⁸⁵ За ними двигались представители 93 различных организаций с венками. Самый большой — от штаба флота — нес капитан 1-го ранга А. А. Нищенков с офицерами.¹⁸⁶ По распоряжению Колчака клубу офицеров присвоили имя лейтенанта Шмидта.¹⁸⁷

Несмотря на меры по демократизации армии и флота, принимаемые Временным правительством и А. В. Колчаком, политическая ситуация на Черноморском флоте была далека от идеальной и характеризовалась чередой локальных конфликтов, улаживаемых командующим флотом.¹⁸⁸ Однако вскоре они переросли в резкое противостояние. По обвинению в спекуляции кожей ЦВИК постановил арестовать помощника главного командира порта генерал-майора Н. П. Петрова. Однако Колчак это распоряжение не утвердил и к тому же выгнал пришедшую к нему делегацию. Тогда ЦВИК, чтобы не потерять авторитет у матросов, арестовал Петрова по собственной инициативе.¹⁸⁹

12 мая в 23 ч. 30 м. Колчак, привыкший к тому, чтобы его приказы безусловно выполнялись, направил Временному правительству телеграмму с изложением конфликта, критикой ЦВИК и с просьбой заменить его другим лицом.¹⁹⁰ Здесь следует обратить внимание на то, что в этот же день была обнародована Декларация

¹⁸⁵ Там же. 11 мая. «Коль славен наш Господь в Сионе» («Песнь Ангелов») — духовный гимн. В нем славился Господь. Его исполняли во время церемоний памяти павших, Крестных ходов, церковных парадов при производстве юнкеров в офицеры.

¹⁸⁶ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 62.

¹⁸⁷ *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак... С. 70.

¹⁸⁸ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 233–235.

¹⁸⁹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 72–76; Крымский вестник. 1917. 16 мая. 1) По поводу ареста генерала Петрова; 2) Доклад вице-адмирала Колчака о конфликте, возникшем между ним и центральным комитетом; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте... С. 592.

¹⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 917. Л. 45. По сообщению газеты «Крымский вестник», 16 мая 1917 г. Петрова арестовали в 1 ч. ночи 13 мая, т. е. Колчак послал телеграмму, не дожидаясь ареста.

прав солдата. В свое время ее отказались обсуждать военные, в том числе и А. В. Колчак, на заседании Временного правительства в апреле.¹⁹¹ Теперь она вышла за подписью нового военного и морского министра А. Ф. Керенского. Итак, конфликт, связанный с Петровым, совпал с публикацией Декларации. В автобиографии, написанной в марте—начале апреля 1918 г., Колчак говорил, что подал в отставку после ее публикации.¹⁹² Следовательно, конфликт по поводу ареста Петрова стал удобным поводом для выражения протеста командующего против политики Временного правительства и его военного и морского министра. Открыто выступить в тех условиях против Декларации Колчак не мог, так как это привело бы к отставке и судебному преследованию. А поскольку из политики он уходит уже не собиравшись, то выбрал другой путь.

14 мая А. В. Колчак созвал Делегатское собрание, по три человека от судового комитета, на котором говорил о незаконности действий ЦВИК, о том, что «комитеты вмешиваются во все дела, вносят разложение в ряды армии и флота и подрывают дисциплину».¹⁹³ Это была первая публичная критика адмиралом деятельности комитетов с марта 1917 г. В данной ситуации Колчак бросал вызов массовой демократической организации, не имея за собой никаких реальных сил. 14 мая в 24 ч. командующий флотом и представители ЦВИК выехали в Одессу для доклада военному и морскому министру. 15 мая, по личному указанию А. Ф. Керенского, была назначена специальная следственная комиссия для расследования дела генерала Петрова, а до окончания ее работы он освобождался из-под ареста. Совет выпустил Петрова на свободу, но от занимаемой должности отстранил.¹⁹⁴ Выполняя распоряжение Керенского, 18 мая Колчак создал комиссию из четырех офицеров и трех депутатов Севастопольского Совета, а 30 мая назначили вторую. Однако результаты их деятельности так и не опубликовали, а генерал Петров продолжал службу до февраля 1918 г.¹⁹⁵

¹⁹¹ Допрос Колчака... С. 303–304.

¹⁹² «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

¹⁹³ Крымский вестник. 1917. 16 мая. Доклад вице-адмирала Колчака о конфликте, возникшем между ним и центральным комитетом.

¹⁹⁴ Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 76; Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 328–329.

¹⁹⁵ Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 235.

15 мая с отрядом из четырех миноносцев А. В. Колчак прибыл в Одессу для встречи А. Ф. Керенского.¹⁹⁶ Здесь произошел эпизод, который вполне мог впоследствии наложить тень на их отношения. На митинге в Одессе с речью «О русском солдате» выступил Керенский, но в этот раз министр был не в ударе, и слушатели проводили оратора дежурными аплодисментами. После него на трибуну поднялся Колчак и очень энергично и образно рассказал об униженном положении русского офицерства. Его речь и сказанные слова произвели глубокое впечатление на слушателей, что, в свою очередь, вызвало смущение Керенского.¹⁹⁷ После митинга Колчак и Керенский на миноносце ушли в Севастополь. Время, которое занял переход, командующий и министр почти полностью посвятили обсуждению военно-политических вопросов. Командующий рассказывал о ситуации на Черноморском флоте, а Керенский высказывал свою позицию. Позднее, оценивая результаты беседы, Колчак говорил: «Так мы ни до чего договориться не могли, потому что стояли на совершенно исключаящих друг друга точках зрения».¹⁹⁸

17 мая в 8 ч. утра А. Ф. Керенский прибыл в Севастополь. Он побывал на нескольких кораблях, в том числе и на флагманском «Георгии Победоносце», посетил могилу лейтенанта П. П. Шмидта, выступил в Морском собрании перед офицерами и членами Севастопольского Совета. Внешне конфликт между А. В. Колчаком и ЦВИК был улажен, и Керенский призвал стороны забыть про инцидент, а Колчак остался на своей должности.¹⁹⁹ Авторитет Керенского помог на короткое время сгладить возникшие противоречия.

От встречи с А. Ф. Керенским у А. В. Колчака, судя по всему, остались неблагоприятные впечатления. Так, по воспоминаниям М. И. Смирнова, опубликованным в 1923 г.: «Керенщину и Керенского он (Колчак. — А. С.) стал презирать после первого свидания

¹⁹⁶ Допрос Колчака... С. 312–313.

¹⁹⁷ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 329–330.

¹⁹⁸ Допрос Колчака... С. 314; Керенский А. Ф. 1) Россия на историческом повороте: Мемуары / Пер. с англ. М., 1993. С. 196; 2) Русская революция 1917 / Пер. с фр. Е. В. Нетесовой. М., 2005. С. 187–188.

¹⁹⁹ Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 79–83; Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 49–51; Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 330–331.

с последним в начале революции» и называл его «болтливым гимназистом».²⁰⁰ В марте—апреле 1918 г. Колчак оценивал деятельность Керенского во главе правительства как легкомысленную и демагогическую. Адмирал считал, что в это время на политической арене были «две крупные фигуры, своего рода символы: один — государственной гибели, а другой — попытки спасти государство: я говорю о Керенском и генерале Корнилове».²⁰¹ В 1920 г. на допросе в Иркутске Колчак говорил: «его (Керенского. — А. С.) приезд никаких результатов не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо».²⁰² В письме Керенскому от 30 мая 1917 г. его оценка посещения министром Черноморского флота носила иной оттенок: «...со временем отъезда Вашего из Севастополя настроение морских и сухопутных команд в общем устойчивое».²⁰³ Следовательно, командующий флотом признал действительность поездки Керенского. Позднейшие высказывания Колчака вызваны последующим разочарованием в деятельности Керенского.

После отъезда Керенского события на Черноморском флоте начали принимать грозный характер. Так, 18 мая комитет эсминца «Жаркий» потребовал списания с корабля своего командира, старшего лейтенанта Г. М. Веселаго. Это дело рассматривалось на Делегатском собрании, которое постановило списать командира и одновременно членов комитета как не предотвративших конфликт, а команду считать невиновной. О возникшей ситуации командующий информировал морского министра, и тот рекомендовал, чтобы «Жаркий» окончил кампанию.²⁰⁴ В ответ на это А. В. Колчак приказал спустить вымпел и вывести миноносец в резерв, а Веселаго перевели на другую должность и затем отправили в отпуск на два месяца по болезни. После оставления Колча-

²⁰⁰ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 4, 21. О ненависти А. В. Колчака к «керенщине» упоминается и в воспоминаниях Г. К. Гинса: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 19.

²⁰¹ «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

²⁰² Допрос Колчака... С. 314.

²⁰³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

²⁰⁴ Там же. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 288.

ком должности командующего флотом 12 июня «Жаркий» продолжил кампанию.²⁰⁵

Недовольство моряков вызвало и решение командующего флотом о постановке на ремонт броненосцев «Три святителя» и «Синоп» с последующим распределением их команд по другим портам.²⁰⁶ В этом распоряжении они усмотрели злой умысел, так как команды этих броненосцев считались революционно настроенными.

Не последнюю роль в усилении недовольства А. В. Колчаком и командным составом флота со стороны матросов стала неудачная постановка мин у Босфора 12–13 мая, в результате чего от них погибли 15 офицеров и матросов, 21 получили ранения. После провала этой операции личный состав стал с недоверием относиться к распоряжениям командующего и планируемыми им рискованным операциям.²⁰⁷

Росту напряженности способствовал и приезд в Севастополь делегации моряков Балтийского флота. Однако сваливать на них всю вину за падение дисциплины на Черноморском флоте вряд ли справедливо. Да и сам А. В. Колчак в письме А. Ф. Керенскому от 30 мая писал: «Приезжавшая делегация от матросов Балтийского флота в количестве 5 чел[овек] вела большевистскую пропаганду против войны, но не имела никакого успеха».²⁰⁸ Правда, после ее отъезда тон телеграмм Колчака А. Ф. Керенскому, в МГШ и МВД резко изменился. В сообщениях от 3, 4 и 6 июня речь шла об ухудшении положения, о растлевающем, вредном влиянии большевистской агитации на флот и население Севастополя.²⁰⁹ Уйдя с долж-

²⁰⁵ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 87; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917 г. С. 161; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 333; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 235–236.

²⁰⁶ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 85; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 54; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 336.

²⁰⁷ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 76–77.

²⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

²⁰⁹ Там же. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1. Л. 73, 82, 83; Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 208, 209; Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 33, 40.

ности командующего, потерю управляемости Черноморским флотом Колчак стал приписывать деятельности именно этой делегации.²¹⁰ Впоследствии этот тезис попал и в историографию.²¹¹ В данном случае следует согласиться с мнением П. Н. Зырянова, считавшего, что пять агитаторов никак не могли развалить Черноморский флот.²¹² Тем более что городская организация большевиков к концу июня насчитывала 50 членов и 100 сочувствующих.²¹³ Росту же революционных настроений в матросских и солдатских массах способствовала общая экономическая и политическая ситуация в стране.

Попытки А. В. Колчака восстановить дисциплину, необходимую для продолжения войны, наталкивались на сопротивление рядового состава армии и флота, видевшего в подобных действиях возвращение к старым порядкам. В этих условиях у адмирала проявлялось чувство безысходности и неверия в то, что что-то можно изменить. Так, в дневнике А. И. Верховского в записи от 5 мая читаем: «Колчак считает, что все мы, борющиеся за спасение армии, должны будем в один прекрасный день сдать свои позиции и уйти в сторону, а дальнейшие компромиссы поведут уже к полной гибели армии».²¹⁴ Еще большим пессимизмом проникнуто письмо А. В. Колчака к А. В. Тимиревой от 22 мая: «Временами мною овладевает полнейшее равнодушие и безразличие ко всему — я часами могу сидеть в каком-то странном состоянии, похожем на сон, когда решительно ни о чем не думаешь, нет ни мыслей, ни волнений, ни желаний. Надо невероятное усилие воли, чтобы принудить себя что-нибудь делать, решать, приказывать».²¹⁵

Внешне демонстрируя единение с матросской массой, Колчак в то же время ненавидел ее, о чем свидетельствует его частная переписка. В ней он называет рядовой состав «преступными крети-

²¹⁰ Беседа с адмиралом Колчаком // Русские ведомости. 1917. 13 июня.

²¹¹ Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 59; Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 85; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак... С. 80—81; Краснов В. Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 324.

²¹² Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 334.

²¹³ Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 237—238.

²¹⁴ Верховский А. И. Россия на Голгофе. С. 80.

²¹⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 185.

нами», «диким, неспособным выйти из психологии рабов народом».²¹⁶ И это исходило из понимания им, да, пожалуй, и многими офицерами, смысла военной службы. В частности, в середине мая он писал: «...я солдат (не имеющий ничего общего с теми, кто носит звание солдатских депутатов), вся деятельность которого и жизнь определяются военными целями и идеалами. Мне придется переживать трагедию падения этих идеалов, по моему убеждению, неизбежно связанную с государственной катастрофой».²¹⁷

Оценивая обстановку, складывавшуюся в стране и на флоте в апреле—мае 1917 г., адмирал пришел к пониманию того, что такой военно-политический инструмент, как армия и флот, выскользывает из рук командования и правительства. Нарастало и нервное напряжение, которое неминуемо вело к срыву.

В обстановке недовольства моряков расформированием экипажа миноносца «Жаркий», броненосцев «Три Святителя» и «Синоп» возник слух о тайных собраниях офицеров. Насколько он был обоснован, сейчас сказать трудно. В Севастополе легально существовал Союз офицеров и врачей Черноморского флота, который требовал восстановления единоначалия во флоте, а значит, и ограничения политических прав комитетов, что в условиях того времени воспринималось как посягательство на завоевания революции.²¹⁸

3 июня с 3 ч. дня до 11 ч. вечера в полуэкипаже проходил митинг. Выступавшие требовали удаления со своих постов А. В. Колчака, начальника штаба М. И. Смирнова и ряда других офицеров.²¹⁹ И только после этого 4 июня Колчак телеграфировал А. Ф. Керенскому о том, что в последние дни агитация балтийской делегации получила «сильное распространение» и местные силы не в состоянии противостоять этой пропаганде.²²⁰

5 июня начался новый митинг. Матросы арестовали помощника командира Черноморского флотского экипажа полковника

²¹⁶ Там же. С. 185, 202.

²¹⁷ Цит. по: *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 14.

²¹⁸ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 336; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 307—309.

²¹⁹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 88.

²²⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 42; *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 324—325.

К. К. Грубера. Собравшиеся потребовали ареста еще трех офицеров, у двоих из них нашли много оружия. Однако сколько и какого, осталось невыясненным. Тогда собравшиеся потребовали отобрать оружие у всех офицеров и арестовать политически неблагонадежных. В это время в Севастополе насчитывалось около 1500 офицеров. Около 12 ч. ночи митинг принял решение об изъятии личного оружия у офицеров. 6 июня Делегатское собрание также вынесло постановление о сдаче офицерами холодного и огнестрельного оружия. И в 3 ч. дня 6 июня телефонограмму с этим требованием разослали во все судовые и полковые комитеты.²²¹ Чтобы предотвратить кровопролитие, А. В. Колчак отдал по радиотелеграфу приказ о сдаче офицерами оружия. «Отдаю и я свою Георгиевскую саблю, заслуженную мною при обороне Порт-Артура», — писал он.²²² Колчак также попытался обратиться к команде флагманского корабля «Георгий Победоносец», но его речь особого впечатления на матросов не произвела. По воспоминаниям начальника штаба флота М. И. Смирнова, которому об этом эпизоде рассказывали матросы, служившие в штабе, команда флагманского корабля недоумевала по поводу негодования командующего: «Чего он рассердился, зачем ему сабля, все равно она висит в шкафу, и он одевает ее только на парадах. Для парадов мы будем ее возвращать».²²³ Эпизод с саблей и реакция на него рядовых матросов показывали не просто глубину, а мировоззренческую пропасть между миром офицеров и матросов. Если для одних личное оружие — символ принадлежности к определенному социальному слою, символ власти и воинской доблести, то для других — игрушка, не имеющая особого практического значения, висящая в шкафу и надеваемая по торжественным случаям.

По свидетельству председателя ЦВИК поручика К. В. Сафонова, «рассказ о брошенной Колчаком в море сабле в ответ на предложение матросов сдать оружие — легенда; Колчак сдал, как и другие

²²¹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 88–89; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 239.

²²² Цит. по: *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 327; *Крымский вестник* 1917. 8 июня. Радио адмирала Колчака.

²²³ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 25.

офицеры, свое оружие; и лишь на другой день, когда матросы возвращали оружие, Колчак взял свое, как и другие офицеры, и сказал: „Раз не хотят, чтобы у нас было оружие — так пусть идет в море...“. И только тогда бросил его за борт». ²²⁴ Следовательно, эпизод с выброшенной саблей произошел 7 июня, когда по приказу Временного правительства матросы возвращали отобранное оружие. Этим символическим жестом командующий Черноморским флотом выразил свой протест как анархии во флоте, так и происходившему в стране. Что это было: продуманный пропагандистский жест или у командующего сдали нервы? Вопрос пока остается без ответа.

Так или иначе, но под перьями журналистов эпизод с выброшенным наградным оружием превратился в рыцарский поступок: когда матросы пришли к адмиралу в каюту, то он не подчинился их требованию, выбежал на палубу и бросил саблю в море. Писалось также, что перед этим он сломал ее, ²²⁵ чем подчеркивалась его огромная физическая сила. Сломанная сабля появилась в интервью А. В. Колчака «Русским ведомостям». Если это не журналистская выдумка, то в таком случае адмирал являлся одним из соавторов этой легенды. Этот миф сделал адмирала «национальным героем» в офицерской и буржуазной среде и позже прочно обосновался в символике Белого движения и в историографии. ²²⁶ Здесь следует сказать, что Колчак был мужественным человеком, но не безумцем, и не стал прорываться сквозь толпу матросов, пришедших к нему в каюту, так как это могло кончиться трагически, а сдал оружие.

Изъятие оружия у офицеров не привело к улучшению обстановки в Севастополе. 6 июня состоялось Делегатское собрание флота и гарнизона, на котором ораторы призывали к аресту А. В. Колчака и М. И. Смирнова. В 17 ч. 5 м. присутствующие приняли резолюцию об отстранении Колчака и Смирнова от их должностей «как возбудивших своими действиями матросские массы» и передаче командования контр-адмиралу В. К. Лукину. Для контроля за действиями нового командующего избиралась комиссия из 10 чело-

²²⁴ Цит. по: *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 329.

²²⁵ *Русские ведомости.* 1917. 13 июня. Беседа с адмиралом Колчаком.

²²⁶ *Июффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 165.

век. Вопрос об аресте А. В. Колчака и М. И. Смирнова передавался на рассмотрение полковых и судовых комитетов.²²⁷

В данной ситуации командующий флотом не сумел совладать с собой и 6 июня в 17 ч. 30 м. направил Временному правительству телеграмму о своей отставке.²²⁸ Не дождавшись ответа, в 12 ч. ночи он передал командование флотом следующему по старшинству контр-адмиралу В. К. Лукину в присутствии членов комиссии.²²⁹ Строго говоря, со стороны Колчака это был дисциплинарный проступок, так как без приказа Временного правительства он не мог покинуть свой пост. Одновременно Колчак совершил и крупный военно-политический просчет. Теперь он становился адмиралом без пушек, что резко уменьшало шансы в борьбе за власть.

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, начальник штаба флота М. И. Смирнов по прямому проводу разговаривал с капитаном 1-го ранга А. Д. Бубновым,²³⁰ который в Ставке ведал Черноморским флотом, а также послал ему телеграмму.²³¹ В создавшихся условиях Смирнов опасался за жизнь А. В. Колчака и сообщал: «Состояние духа наморси (А. В. Колчака. — А. С.) таково, что он не может оставаться, я также не нахожу возможным дальнейшую деятельность здесь».²³² Понимая, что взрыв страстей может произойти в любую минуту, А. Д. Бубнов в 23 ч. 6 июня отправил телеграмму в МГШ, которая начиналась словами: «Доложите немедленно министру, где бы он ни находился...».²³³ Чтобы спасти командующего от гибели, Бубнов предлагал немедленно вызвать Колчака и Смирнова в Петроград для доклада Временному правительству. Телеграмма заканчивалась словами: «Вызов необходим немедленно за подписью минмора».²³⁴

²²⁷ Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 89.

²²⁸ Там же. На телеграмме сделано примечание «7/VI сдал Лукину В. К.» — РГА ВМФ. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1. Л. 92, 99.

²²⁹ Крымский вестник. 1917. 8 июня. Тревожные дни в Севастополе.

²³⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 45.

²³¹ Там же. Л. 44.

²³² Там же. Л. 45.

²³³ Там же. Л. 44.

²³⁴ Там же.

Ответ Временного правительства за подписями министра-председателя князя Г. Е. Львова и военного и морского министра А. Ф. Керенского был получен в Севастополе в 2 ч. 20 м. 7 июня. Поскольку этот документ перепечатан в ряде изданий, нет смысла приводить его здесь.²³⁵ Мне бы хотелось обратить внимание на второй пункт этого распоряжения: «Временное правительство <...> приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада».²³⁶ Тем самым командующий автоматически попадал под следствие и на какое-то время выводился из активной военно-политической жизни. Возможно, в это время А. Ф. Керенский уже подозревал в А. В. Колчаке соперника и не упустил шанса, чтобы отделаться от него.²³⁷

После получения 7 июня в Севастополе правительственной телеграммы страсти пошли на убыль. Оружие стали возвращать офицерам, а судовые комитеты высказались против ареста А. В. Колчака (68 против, 4 за) и М. И. Смирнова (50 против, 7 за).²³⁸ 8 июня Делегатское собрание послало Временному правительству телеграмму с объяснением произошедших событий. В ней говорилось, что история с бунтом раздута, а происшедшее составители ответа постарались представить в качестве недоразумения. Делегатское собрание и митинг постановили подчиниться Временному правительству, но протестовали против обвинения в бунте.²³⁹

§ 3. Кандидат в диктаторы

Вечером 7 июня А. В. Колчак и М. И. Смирнов отбыли из Севастополя в Петроград. В исторической литературе широко рас-

²³⁵ *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 330; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак... С. 338; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 920. Л. 2–4. Телегр. лента.

²³⁶ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 338.

²³⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 207; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 28.

²³⁸ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 90.

²³⁹ *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 330–331; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 46.

пространено мнение о том, что в этом же поезде ехала и американская военная делегация во главе с контр-адмиралом Дж. Г. Гленноном, и там произошло их знакомство.²⁴⁰ Постараемся разобраться в этом достаточно принципиальном вопросе. Адмирал Дж. Г. Гленнон, начальник Управления военно-морских верфей, входивший в состав американской миссии бывшего сенатора-республиканца И. Рута, 4 июня выехал из Петрограда в Севастополь. Его сопровождали два американских офицера и переводчик лейтенант Д. Н. Федотов.²⁴¹ К моменту приезда американского адмирала командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак уже покинул свой пост, и его заменил контр-адмирал В. К. Лукин. В Севастополь американская делегация прибыла 7 июня утром. На вокзале ее встречали адмирал Лукин, офицеры его штаба и представители Севастопольского Совета.²⁴² Адмирал Дж. Г. Гленнон и сопровождавшие его лица посетили два линейных корабля, встретились с представителями ЦИК, участвовали в заседании Делсгатского собрания. Поздно вечером они отбыли из Севастополя. На вокзале их провожал командующий флотом адмирал Лукин и представители ЦИК.²⁴³ 10 июня американцы прибыли в Петроград, 11 июня Гленнон беседовал с заместителем морского министра капитаном 1-го ранга Б. П. Дудоровым о ситуации в Севастополе, а вечером отбыл в Архангельск, куда и прибыл 13 июня.²⁴⁴ 10 июня А. В. Колчак давал интервью петроградским журналистам.²⁴⁵

²⁴⁰ См.: *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 15; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак... С. 87; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 340; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 149.

²⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-397. Оп. 3. Д. 6. Л. 52–53. По американским данным, трех. — Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона в Севастополе / Публ. подгот. С. В. Дроков // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 84.

²⁴² Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона... С. 84; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 167.

²⁴³ Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона... С. 81–82, 84, 85; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 416. Л. 72 об.

²⁴⁴ Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона... С. 8. В докладе даты даны по новому стилю.

²⁴⁵ Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку / Публ. подгот. С. В. Дроков // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 78; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 156.

Итак, приведенные факты говорят о том, что 10 июня А. В. Колчак и Дж. Г. Гленнон находились уже в Петрограде. Вместе с тем в исторической литературе есть и другие данные. Так, прибытие американской миссии в Севастополь С. В. Дроков, со ссылкой на неуказанные крымские газеты, относит к 8 июня,²⁴⁶ а отъезд — к 23 ч. 40 м. 9 июня.²⁴⁷ Если она уехала в указанное время, то оказаться в Петрограде 10 июня никак не могла. Следовательно, имеющиеся источники дают возможность утверждать, что американская делегация выехала из Севастополя поздно вечером 7 июня и возвратилась в Петроград 10 июня.

Следующий вопрос касается того, состоялась ли встреча А. В. Колчака и Дж. Г. Гленнона во время переезда из Севастополя в Петроград. В своем рапорте, написанном 30 июня 1917 г., об этом факте Гленнон не упоминает. Зато Колчак на допросе в Иркутске 26 января 1920 г. показал, что выехал в Петроград в одном поезде с Гленноном, но состоялось ли между ними знакомство, он не сообщил.²⁴⁸ В воспоминаниях М. И. Смирнова говорилось о том, что они ехали с американцами в одном поезде, но в разных вагонах, и о встрече также умалчивалось.²⁴⁹ И наконец, в воспоминаниях лейтенанта Д. Н. Федотова, опубликованных в 1939 г., сообщалось, что первое свидание русского и американского адмиралов состоялось в поезде.²⁵⁰ Скорее всего, во время поездки Дж. Г. Гленнон и А. В. Колчак не виделись, поскольку не было никакого практического смысла встречаться с лично незнакомым главе миссии отставным адмиралом, который теперь ничего не решал. В мемуарах Федотова присутствие этого эпизода диктовалось необходимостью объяснить читателям причины приглашения малоизвестного за пределами России адмирала американскими военными для подготовки Дарданелльской операции. Итак, Колчак и Гленнон ехали в одном поезде, но их встреча, по-видимому, не состоялась.

²⁴⁶ Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. С. 151.

²⁴⁷ Там же. С. 155; Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 241.

²⁴⁸ Допрос Колчака... С. 320; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 28.

²⁴⁹ Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 27.

²⁵⁰ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 15; Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. С. 149.

Уход А. В. Колчака с должности командующего флотом не означал, что он сложил оружие. Наоборот, почувствовав вкус к политике, адмирал собирался попробовать себя на новом поприще. 10 июня он провел в Петрограде пресс-конференцию. События в Севастополе Колчак объяснил немецкой агитацией, а кампанию против него — «его (А. В. Колчака. — А. С.) политическими взглядами».²⁵¹

13 июня А. В. Колчаку и М. И. Смирнову предстояло сделать доклад перед Временным правительством. В этот же день «Русские ведомости» опубликовали беседу с адмиралом, в которой присутствовал эффектный эпизод со сломанной и брошенной в море саблей.²⁵² Одновременно на страницах «Маленькой газеты» появилась передовая статья, в которой, в частности, говорилось: «Пусть кн. Львов уступит место председателя в кабинете адм[иралу] Колчаку. Это будет министерство Победы. Колчак сумеет грозно поднять русское оружие над головой немца, и кончится война! Настанет долгожданный мир!».²⁵³ В обращении говорилось о неспособности Г. Е. Львова руководить страной. Проводилась аналогия с 1612 г., когда крестьяне и казаки спасли Русь. Делался также намек на перенос столицы в Москву, если Петроград не окажет поддержки народному движению. Не обошел автор статьи и вопрос о диктатуре: «Но мы не хотим диктатора, пусть это сделано будет народом, и через народ. Пусть крестьяне и казаки приступят к решению этого дела».²⁵⁴ В данном контексте в качестве диктатора, выбранного народом, выступал адмирал А. В. Колчак. Кто инспирировал эту публикацию, сказать трудно. Но можно предположить, что и она, и интервью в «Русских ведомостях» вышли в один день не случайно.

Таким образом, вечером 13 июня на заседание Временного правительства для отчета о своей деятельности шел выступать кандидат в диктаторы. И, естественно, что министры дали бой этой попытке. Первым рассматривался вопрос о статье в «Маленькой газете». В связи с этим министры приняли решение опубликовать специальное обращение к населению с готовностью противосто-

²⁵¹ Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. С. 156.

²⁵² Русские ведомости. 1917. 13 июня.

²⁵³ Маленькая газета. 1917. 13 (26) июня; Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 340–341.

²⁵⁴ Маленькая газета. 1917. 13 (26) июня.

ять силам, которые призывают к свержению правительства, и начать судебное разбирательство против «Маленькой газеты».²⁵⁵ После этого о событиях на Черноморском флоте докладывал А. В. Колчак. Он говорил, не стесняясь. Адмирал считал, что деятельность правительства привела к разложению флота, подрыву авторитета командного состава. Речь Колчака была выслушана при гробовом молчании. Его слова подтвердил и начальник штаба М. И. Смирнов. В итоге министры постановили отложить обсуждение вопроса до получения результатов комиссии под председательством товарища министра юстиции сенатора А. С. Зарудного, которая уже выехала в Севастополь для расследования происшедших событий.²⁵⁶ В ее состав вошли видные эсеры Е. К. Брешко-Брешковская и И. И. Бунаков-Фундаминский, меньшевик Борисов.²⁵⁷ Адмирала поблагодарили за обстоятельный доклад и отпустили.

Положение А. В. Колчака после отставки выглядело крайне неопределенным. Правительство обвинило его в непрепятствии бунту, самовольном оставлении должности, и вопрос о его судьбе откладывался до обнародования результатов комиссии А. С. Зарудного. Фактически негласно он находился под следствием. В Петроградском Совете неоднократно поднимался вопрос о Колчаке в связи с публикацией в «Маленькой газете».²⁵⁸ Таким образом, его личность привлекала к себе много внимания как в правом, так и в левом лагере.

Между тем 15 или 16 июня, после возвращения контр-адмирала Дж. Г. Гленнона из Архангельска, А. В. Колчака посетил переводчик американской миссии лейтенант Д. Н. Федотов и передал при-

²⁵⁵ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак... С. 341.

²⁵⁶ Журналы заседаний Временного правительства. М., 2002. Т. 2. С. 250–251; Допрос Колчака... С. 321–322; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 28; Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 29; Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 241.

²⁵⁷ Платонов А. П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 92; Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С. 59.

²⁵⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: В 5 т. М., 2002. Т. 3. С. 313, 316, 319, 324.

глашение Гленнона о встрече. 17 июня она состоялась в Зимнем дворце, где разместились американцы. При беседе присутствовал и глава американской делегации И. Рут. Гленнон предложил Колчаку участвовать в Дарданелльской операции американского флота, чтобы пробить путь в Черное море. Поскольку план являлся секретным, то официально русский адмирал приглашался как специалист по минному делу и борьбе с подводными лодками, и Колчак дал согласие.²⁵⁹ Правда, это предложение вызвало у него некоторое удивление. В письме к А. В. Тимиревой от 24 июня он писал: «Я не ожидал, что за границей я имею ценность большую, чем мог предполагать».²⁶⁰ В этой истории довольно много неясного. Так, по данным американских историков, никаких документов в архивах США о подготовке Дарданелльской операции не найдено.²⁶¹ Если такая операция задумывалась, то, безусловно, хоть какие-то следы должны были бы остаться. А вот если она и не планировалась, тогда все поиски бесполезны. В этом случае возникает вопрос о том, для чего Гленнону понадобилось выдумывать Дарданелльскую операцию.

Американские историки Ч. Викс и Дж. Бэйлен предположили, что инициатива исходила от адмирала Дж. Г. Гленнона, который ходатайствовал за А. В. Колчака из личной симпатии и ради его спасения ввиду предстоящего судебного разбирательства.²⁶² В этом рассуждении вызывают удивление слова о личной симпатии к человеку, которого он видел в первый раз. Относительно спасения от суда, то это тоже натяжка, хотя и допустимая для американского адмирала, не знавшего русскую действительность. Комиссия А. С. Зарудного посылалась исключительно для поддержания престижа военного и морского министра и правительства. С самого начала было ясно, что таких преступлений, за которые А. В. Колчака следовало отдать под суд, он не совершал, а если и устраивать суд, то в обвиняемых окажется Временное правительство. Виновных же в беспорядках на Черноморском флоте А. Ф. Керенский

²⁵⁹ Допрос Колчака... С 322–323.

²⁶⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 203.

²⁶¹ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 16; *Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку.* С. 77; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 156.

²⁶² *Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку.* С. 77.

простил.²⁶³ В рассуждениях Вика и Бэйлена принципиально важно другое. Инициатива в приглашении исходила не от руководства США, а от И. Рута и Дж. Г. Гленнона. Следует также подчеркнуть, что в опубликованной части рапорта Гленнона о пребывании в России ничего не говорилось о приглашении А. В. Колчака в США, что лишний раз доказывает его частный характер. Для американского адмирала как человека военного такое приглашение без консультаций с высшим командованием можно рассматривать как нарушение воинской дисциплины с серьезными последствиями. Поэтому информация об этом и не попала в рапорт.

Приглашая русского адмирала в США, Дж. Г. Гленнон ни словом не обмолвился о том, в чем будет состоять истинная роль Колчака в Дарданелльской операции, поскольку версия о знании им минного дела и умении бороться с подводными лодками выдвигалась в качестве официального прикрытия. Трудно предположить, что военный специалист такого уровня, как Гленнон, не знал того, что англичане в этом вопросе ушли далеко вперед. И когда «специалист по борьбе с подводными лодками», пребывая в Англии, увидел британскую гидроавиацию, предназначенную для этих целей, то в письме к А. В. Тимиревой написал: «За два года англичане создали это оружие в таком размере и такого свойства, о котором мы не имеем представления <...> Надо видеть средства, которыми они располагают, чтобы понять, что такое господство над морем или воздухом, и почувствовать, как далеки мы от этого».²⁶⁴ Следовательно, в борьбе с подводными лодками надо было учиться у англичан, а не у русских. Тогда чем же можно объяснить поступок И. Рута и Дж. Г. Гленнона? Я бы предложил такую версию их действий.

После заседания Временного правительства 13 июня стало ясно, что на политическом горизонте готовится взойти новая звезда, и такая перспектива не устраивала прежде всего А. Ф. Керенского, видевшего себя во главе государства. Для того чтобы вытолкнуть из страны опасного конкурента, кто-то из министров имел разговор с руководителем американской миссии И. Руттом, в результате чего была достигнута договоренность о поездке адмирала

²⁶³ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. ... С. 241.

²⁶⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 210, 213.

в Америку под благовидным предлогом. Здесь нельзя исключить и того, что в основе договоренности лежали русско-американские масонские связи, поскольку и Рут, и Керенский были масонами. И уже в Англии у А. В. Колчака появились сомнения относительно того, что США примут участие в Дарданелльской операции, а И. Рут и Дж. Г. Гленнон выражают мнение не правительства США, а свое. К тому же и англичане выступили решительными противниками этой затеи.²⁶⁵ Когда же Колчак прибыл в Вашингтон, то выяснилось, что американские официальные лица не понимают цели приезда миссии, а при обсуждении вопроса о Дарданелльской операции американцы заявили о ее неосуществимости.²⁶⁶ В одном из писем из Америки от 12 октября 1917 г. Колчак говорил прямо: «...мое пребывание в Америке есть форма политической ссылки и вряд ли мое появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства».²⁶⁷ Членам же своей миссии он говорил, что по сути А. Ф. Керенский заставил его покинуть Россию, а сам он уезжать не хотел.²⁶⁸

Выпроваживание Колчака из России было обставлено по всем канонам театрального искусства. После беседы с А. В. Колчаком Дж. Г. Гленнон обратился в российское адмиралтейство с просьбой о командировании адмирала в Америку, но получил отказ. Ему было заявлено, что Колчаку следует отчитаться за «некомпетентное командование» в Севастополе. Затем к Временному правительству обратился И. Рут.²⁶⁹ Однако дело продвигалось медленно.²⁷⁰ После возвращения комиссии А. С. Зарудного и его доклада правительству стало ясно, что какая-либо вина со стороны Колчака за июньские события отсутствует.

²⁶⁵ Там же. С. 209, 228.

²⁶⁶ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 20–21; *Юрченко В. В.* Колчак А. В. // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993. С. 161; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 227–228.

²⁶⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 229.

²⁶⁸ Записки старшего лейтенанта В. С. Макарова // Морские записки. 1943. Т. 1. № 4. С. 104; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 349.

²⁶⁹ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 16.

²⁷⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 203, 205.

27 июня управляющий Морским министерством В. И. Лебедев представил проект секретного постановления о необходимости миссии А. В. Колчака в Америку. Документ был настолько «секретным», что еще 24 июня Колчак в письме к А. В. Тимиревой сообщил о содержании одного из его разделов.²⁷¹ Первым пунктом в нем значилось: «По сложившейся обстановке вице-адмирала Колчака вряд ли можно будет использовать в ближайшем будущем в России».²⁷² Следовательно, главное состояло не в помощи новому союзнику, а в устранении возможного претендента на власть. В результате этого решения правительства А. В. Колчак под благовидным предлогом, с соблюдением приличествующих норм, выдворялся из России. Следует также отметить, что миссия не имела дипломатического статуса и четко сформулированной цели.²⁷³ На заседании Временного правительства 28 июня вопрос о Колчаке был решен. Он направлялся в Америку во главе морской миссии для оказания помощи американцам в постановке минного дела и борьбе с немецкими подводными лодками.²⁷⁴ После этого Колчаку еще предстояло весь день 3 июля побегать за Керенским, чтобы получить его согласие на состав миссии.²⁷⁵ Так военный и морской министр указывал подчиненным адмиралам и генералам их место. Итак, Колчаку предложили собирать чемоданы, но адмирал не спешил этого делать.

После прибытия в Петроград 10 июня 1917 г. и эффектно расписанного правой прессой жеста с выбрасыванием георгиевской сабли за борт корабля на какое-то время бывший командующий Черноморским флотом становится символической фигурой, способной к борьбе с анархией, охватившей страну. Так, А. В. Колчак согласился на предложение «Республиканского центра», претендовавшего на роль организатора разнородных контрреволюционных и антисоветских элементов и ставившего задачу установления военной диктатуры, вступить в эту организацию, так как вполне

²⁷¹ Там же. С. 203.

²⁷² Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. С. 157.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 458.

²⁷⁵ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отчественные архивы. 1994. № 6. С. 30.

сознавал «необходимость военной диктатуры для России». В качестве кандидатов в диктаторы «Республиканский центр» рассматривал А. В. Колчака и Л. Г. Корнилова.²⁷⁶ Адмирал считал, что «в вопросах нашей внутренней политики наиболее ясный отчет отдавали себе военные деятели, стоящие, быть может, на несколько специальной, но тем не менее — государственной точке зрения».²⁷⁷ Колчак стал бывать на заседаниях «Республиканского центра» и одно время руководил его военным отделом. В частном порядке он встречался с П. Н. Милюковым и В. В. Шульгиным. В это время адмирал жил на частной квартире на Васильевском острове и какое-то время на даче сестры.²⁷⁸ Результатом встречи с лидером кадетов стало приглашение Милюкова баллотироваться в члены Учредительного собрания по списку кадетской партии.²⁷⁹ И это стало очередным шагом вхождения в большую политику.

По словам поэта Георгия Иванова, он якобы видел А. В. Колчака в кабаре «Привал комедиантов» за одним столиком с Б. В. Савинковым и Л. Д. Троцким.²⁸⁰ Колчак действительно посещал это кабаре.²⁸¹ Что касается его собеседников, то автор новейшей биографии Колчака П. Н. Зырянов высказал сомнение по поводу рассказа Г. Иванова, склонного к вымыслам. Хотя с Савинковым, по предположению историка, адмирал где-то встречался.²⁸²

1 июля А. В. Колчака посетила делегация Главного комитета Союза офицеров армии и флота и вручила ему саблю с надписью «Рыцарю чести от Союза офицеров армии и флота», взамен выброшенной в море.²⁸³ Вскоре состоялась и встреча адмирала с пред-

²⁷⁶ *Иоффе Г. З.* 1) Колчаковская авантюра и ее крах. С. 18; 2) Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 164.

²⁷⁷ «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

²⁷⁸ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 54; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 348.

²⁷⁹ *Иоффе Г. З.* 1) Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 163—165; 2) Колчаковская авантюра и ее крах. С. 18, 54; *Политарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России 1905—1917. М., 1989. С. 204.

²⁸⁰ *Иванов Г.* Петербургские зимы // Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 53.

²⁸¹ Милая химера в адмиральской форме... С. 223.

²⁸² *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 346.

²⁸³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 205, 207; *Кожевин В. Л.* Деятельность Союза офицеров армии и флота (май—август 1917 г.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 141.

седателем Союза полковником Л. Н. Новосильцевым. В ходе беседы Колчак выразил согласие остаться в России и не ехать в Америку и даже перейти на нелегальное положение в случае серьезности планов организации. На это Новосильцев заявил, что ничего реального у них нет, и посоветовал адмиралу уезжать.²⁸⁴

В исторической литературе существует мнение о том, что делегация Союза офицеров зондировала почву на предмет продвижения Колчака в диктаторы.²⁸⁵ Странные это были поиски, если председатель Союза рекомендовал будущему претенденту на эту роль покинуть страну. Скорее всего, дело обстояло как раз наоборот. Союз офицеров, созданный при Ставке, под непосредственным руководством тогдашнего Главковерха М. В. Алексева и, вероятно, под него, как возможного диктатора, после отставки последнего стал искать ему замену. И таковая нашлась в лице генерала Л. Г. Корнилова. В данном случае задача делегации состояла в том, чтобы в приличествующих формах устранить конкурента в лице А. В. Колчака. Саблю ему подарили, но в то же время вежливо намекнули, что в его услугах не нуждаются. К тому же Колчак как морской офицер был мало известен в армейской среде. Все это ставит под сомнение желание Союза офицеров сделать ставку на адмирала. Вместе с тем дружеские отношения между Колчаком и Союзом офицеров сохранялись. Так, 17 июля в телеграмме Главному комитету Союза А. В. Колчак писал: «...ваша телеграмма является для меня единственной поддержкой в настоящие тяжелые дни».²⁸⁶ В то же время на допросе в Иркутске Колчак, не называя имен, говорил о некоторых членах Думы и военных деятелях, которые убеждали его остаться в России.²⁸⁷

К середине июля 1917 г. бум вокруг А. В. Колчака пошел на убыль. Причину этого Г. З. Иоффе видит в отправке адмирала в Америку и в том, что он не мог конкурировать с генералом Л. Г. Корниловым, ставшим 19 июля Верховным главнокомандующим, за которым стояла реальная вооруженная сила и чего был

²⁸⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 207.

²⁸⁵ *Иоффе Г. З.* «Белое дело». Генерал Корнилов / Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1989. С. 59–60.

²⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 287.

²⁸⁷ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 30.

лишен адмирал без пушек.²⁸⁸ Возможно, определенную роль сыграли и такие личные качества адмирала, как отсутствие выдержки и терпимости по отношению к подчиненным, его излишняя вспыльчивость и горячность, склонность к фатализму.²⁸⁹ Несмотря на это, его фамилия фигурировала в различных вариантах списков корниловского правительства.²⁹⁰

Политическая активность А. В. Колчака в Петрограде не являлась секретом для Временного правительства. Оно получало сведения о его антиправительственной деятельности.²⁹¹ И вот здесь происходит на первый взгляд маловероятная вещь. По сообщению правой газеты «Биржевые ведомости», 15 июля 1917 г. на дневном заседании правительства А. Ф. Керенский огласил список кандидатов на должности министров. В нем морским значился А. В. Колчак, а военным — Л. Г. Корнилов. Однако в окончательный состав правительства они не попали, а Керенский сохранил за собой два этих поста.²⁹² Как следует трактовать заявление председателя правительства в отношении Колчака, если оно было на самом деле, а не являлось плодом журналистской фантазии? С одной стороны, Керенский давал добро на отъезд адмирала в Америку, а с другой — приглашал стать министром, да еще подозревая его в антиправительственной деятельности. Мне представляется, что объяснить этот шаг Керенского после событий 3–4 июля в Петрограде можно только тем, что своим приглашением он делал определенный жест направо, но от введения в правительство воздержался, а также давал понять, что отъезд Колчака не является принудительной высылкой.

²⁸⁸ *Иоффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 166.

²⁸⁹ Милая химера в адмиральской форме... С. 73, 101; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 160.

²⁹⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. — июнь 1918 г.: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 103, 106, 197, 546.

²⁹¹ *Иоффе Г. З.* 1) Колчаковская авантюра и ее крах. С. 17–19; 2) «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 59–60; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 344–346, 348.

²⁹² Биржевые ведомости. 1917. 15 июля; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 158.

Наконец, в 20-х числах июля наступила развязка. 21 июля 1917 г. Колчака посетил бывший главнокомандующий армиями Западного фронта, монархист, генерал В. И. Гурко, который находился в оппозиции Временному правительству. Беседа касалась положения дел в армии и генерала Л. Г. Корнилова, способного остановить развал.²⁹³ В этот же день Колчак получил телеграмму от председателя правительства А. Ф. Керенского с требованием в кратчайший срок отбыть в США и донести о причинах задержки, что вряд ли можно отнести к простому совпадению.²⁹⁴ На другой день, 22 июля, Колчак хотел нанести ответный визит Гурко, но того арестовали по распоряжению А. Ф. Керенского за монархическую пропаганду и публикацию письма к Николаю II от 4 марта 1917 г., в котором генерал предсказывал восстановление монархии.²⁹⁵

27 июля русская военно-морская миссия отбыла из Петрограда в США. На этом закончилась политическая деятельность А. В. Колчака в мартовско-июльский период 1917 г.

* * *

Возглавив Черноморский флот, вице-адмирал А. В. Колчак стал постепенно втягиваться самой жизнью в большую политику. Однако на сегодняшний день историки не располагают никакими достоверными данными, говорящими о том, что накануне Февраля Колчак выступал за свержение Николая II. Его поступки на должности командующего Черноморским флотом в начале революции (до отречения) не являлись антимонархическими и антидинастическими. После отречения А. В. Колчак, как и весь офицерский корпус, уже не связанный присягой, вполне искренне перешел на службу новой государственной власти. Первые пять месяцев революционного времени показали, что А. В. Колчак способен быстро принимать решения и действовать в непривычной обстановке, умеет контролировать эмоции и держать себя в руках, не давая выхода наружу своему бурному темпераменту. Он проявил завидную выдержку, гибкость, умение приспособиться к жизни в новых

²⁹³ Допрос Колчака... С. 333.

²⁹⁴ Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку. С. 79; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак... С. 348.

²⁹⁵ Допрос Колчака... С. 333, 468; Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 503.

условиях. Командующий спокойно отнесся к снятию погон и переходу на нарукавные нашивки, пошел на удовлетворение бытовых требований матросов, тем более что это соответствовало порядкам, существовавшим в английском и американском флотах. Не противился он и общедемократическим преобразованиям во флоте до определенных пределов. Однако принципы воинской дисциплины как для офицеров, так и для рядовых оставались для него неизменными, но они пошатнулись и у тех и у других. В это время Колчак всячески демонстрировал свою близость к матросской массе, хотя она и не была искренней. Такое поведение адмирала не являлось примером для значительной части офицеров, в результате чего сближения офицеров и матросов так и не произошло.

Наблюдение за общественно-политической жизнью России привело Колчака к мысли о том, что либерально-демократическая общественность не способна управлять страной, довести войну до победного конца и остановить революционный хаос, а русский народ не созрел до демократии. В связи с этим Временное правительство становилось для него нетерпимым. Выход из сложившейся ситуации он видел в установлении в стране военной диктатуры, которая только и могла восстановить порядок, поэтому он стал сотрудничать с организациями, стремившимися к такой форме правления. «Военная диктатура — единственная эффективная система власти», — заявил он в 1918 г.²⁹⁶ Вместе с тем он принял предложение П. Н. Милюкова баллотироваться в Учредительное собрание от кадетской партии.

Последующие события показали, что уроки 1917 г. не прошли для адмирала даром. И восхождение к званию Верховного правителя России, и установление военной диктатуры стали закономерным и осознанным итогом политической деятельности адмирала А. В. Колчака, начало которому положил Февраль 1917 г.

²⁹⁶ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995. С. 107.

Заключение

Не претендуя на окончательные выводы и оценки, все же подведем некоторые итоги нашего исследования. Рассмотрев деятельность командующего Балтийским флотом вице-адмирала А. И. Непенина и командующего Черноморским флотом А. В. Колчака в переломном для русской истории XX в. 1917 г., можно с уверенностью сказать, что их назначения на столь ответственные посты были продиктованы военными, а не политическими соображениями. На сегодняшний день отсутствуют и какие-либо достоверные факты об участии адмиралов в «заговорах» с целью устранения Николая II. Непенин и Колчак оставались верными присяге и монархии до конца. Когда же стало ясно, что «царь, сам свалившийся с престола, — не царь»,¹ они признали новый порядок. Оба адмирала сделали все от них зависящее, чтобы удержать управляемость своими флотами. Эту задачу удалось решить Колчаку. Близок к ее выполнению на Балтике был и Непенин. Однако приостановка, по распоряжению М. В. Родзянко, сообщения об отречении Николая II стала одной из причин трагической развязки в Гельсингфорсе.

По своим политическим взглядам А. И. Непенин и А. В. Колчак являлись монархистами и верно служили существовавшему государственному порядку. После Февраля 1917 г. у Колчака произошла смена политических ориентиров, но не взглядов, и его мировоззрение эволюционировало в сторону установления военной диктатуры и вовлечения армии в управление страной. Постепенно идеология милитаризма становилась у него главенствующей.

¹ Блок А. А. Интеллигенция и революция // Избранные произведения. Л., 1970. С. 527.

Стремление задним числом представлять адмиралов либералами, конституционалистами, республиканцами, как это делают современные авторы, основываясь не на научно выверенных фактах, а на собственных умозаключениях и новой конъюнктуре, ведет к искажению исторических событий и мировоззрения их участников. Так, например, И. Л. Бунич, характеризуя политические взгляды А. И. Непенина, писал: «Являясь человеком передовых взглядов, адмирал Непенин мечтал о конституционной, свободной демократической России, понимая, что самодержавие стало анахронизмом».² Подобные сентенции можно отнести на счет горячего либерального бреда, в котором пребывали в 1990-е гг. некоторые литераторы.

Революция 1917 г. вызвала к жизни совершенно новое явление. На политическую сцену стала выходить армия. Как офицеры самого высокого ранга, так и солдатские и матросские массы почувствовали, что силой оружия можно решить те или иные социальные, общественные и экономические вопросы в жизни государства.

Неспособность либерально-демократической общественности руководить страной привела военных к мысли об установлении военной диктатуры как наиболее оптимальной формы власти в данных условиях. Временное правительство давало отпор таким попыткам. Однако ход событий показывал, что рано или поздно армия начнет играть активную политическую роль в жизни страны. И А. В. Колчак стал одним из тех военных, в ком воплотилась идея военной диктатуры и политической роли армии в управлении государством. Наше исследование показало, что деятельность А. В. Колчака в 1917 г. стала этапом на этом пути.

А. И. Непенин и А. В. Колчак — две бесспорно неординарные фигуры на историческом небосклоне России начала XX в. Их судьбы отразили тот зигзагообразный исторический путь, которым шла Россия в этот период времени.

² *Холодковский И. М.* Памяти адмирала Непенина / Подгот. публ. И. Л. Бунича // Гангут. 1993. Вып. 6. С. 122.

Указатель имен

- Акимов Ю. Г. 25
Александра Федоровна 30,31
Александров А. М. 149
Алексеев М. В. 25, 43, 44, 71, 72, 74, 75, 79, 80, 87, 89, 125, 129–131, 133, 136, 139, 140, 146, 155, 156, 159, 187
Альтфатер В. М. 21, 22, 26–30, 32, 51, 66, 67, 79, 82, 87, 89, 116, 118
Андрей Владимирович, вел. кн. 135
Андрей Уфимский 143
Антоненко Н. Г. 165, 166
- Бажанов Д. А. 36, 37, 85, 100, 104, 122
Базанов П. Н. 163
Базили Н. А. 53
Баткин Ф. 163, 164
Бахирев М. К. 73, 118
Безрукавников И. М. 116
Беликов 38
Белли В. А. 33
Белобров А. П. 36, 85, 86, 96, 99, 107, 108
Белоброва О. А. 36, 96
- Бенклевский А. И. 34, 81, 82, 111, 112, 113, 117
Берберова Н. Н. 12, 13, 132
Бережной С. С. 154
Беренс М. А. 118
Биттенбиндер Г. В. 121
Блок А. А. 43, 46, 191
Бобринский 126
Богданов А. В. 92
Богданов И. О. 47
Богданов К. А. 140
Болдырев Н. Д. 36, 59, 95
Борис Владимирович, вел. кн. 48
Борисов 181
Борисов В. Е. 125
Боровитинов М. М. 76, 77, 83, 99
Боткин С. Д. 126
Брасова Н. С. 129
Брсшко-Брешковская Е. К. 181
Брусилов А. А. 65, 129, 131
Бубликов А. А. 137
Бубнов А. Д. 27, 51, 124, 137, 148, 155, 176
Будберг А. 143
Буличы 93

- Бунаков-Фундаминский И. И. 181
 Бунич И. Л. 192
 Бурджалов Э. Н. 58, 61, 70, 76, 79, 80, 143
 Бьрскелунд Б. 92, 111, 120
 Бьюкенен Дж. 49
 Бэйлсн Дж. 182, 183
- Василевский К. И. 84, 108
 Васильковский С. Ф. 166
 Вердеревский Д. Н. 77, 78
 Верховский А. И. 124, 138, 139, 145, 148, 172
 Веселаго Г. М. 170
 Веселкин М. М. 127, 134, 139, 146, 153
 Виск Ч. 182, 183
 Вилькен П. В. 65, 66
 Виноградов В. А. 64, 87, 90
 Винтер Е. Ф. 85, 95, 109, 111–113, 115, 116
 Вирен Р. Н. 62
 Вирениус А. А. 83
 Владимиров В. В. 55, 59, 61, 62
 Воейков В. Н. 139
 Волков С. В. 130
 Волобуев П. В. 184
 Волхонский И. А. 39
- Гавриил Константинович, вел. кн. 47, 48
 Гадд Г. О. 94
 Гальперина Б. Д. 42
 Ганин А. В. 125
 Гаркавенко Д. А. 55, 61, 69, 70, 76, 92, 100–102, 128
 Герасимов А. В. 48
 Герасимов А. М. 72
- Гигаури В. С. 154
 Гильденбрант К. П. 120
 Гинс Г. К. 170
 Гладков А. И. 165, 166
 Гленнон Дж. Г. 178, 179, 181–184
 Голицына, кн. 53
 Граф Г. К. 35, 73, 85, 86, 93, 96, 108, 111, 117
 Гредескул Н. А. 52
 Грибовский В. Ю. 124
 Григоров Н. М. 28, 82, 107
 Григорович И. К. 8, 12, 16, 30, 31, 42, 50, 51, 58, 71, 72, 90, 126, 128, 136, 137, 150
 Грубер К. К. 174
 Грудачев П. 112, 113, 115, 120
 Гулевич А. А. 62, 69
 Гурко В. И. 129, 130, 189
 Гусев К. В. 120
 Гучков А. И. 9, 14–16, 18, 42–44, 66, 90, 106, 107, 118, 141, 146, 147, 152–159, 161
- Давыдов М. П. 46
 Данилов Ю. Н. 78
 Джанибекян В. Г. 7, 66, 129
 Дмитриев С. Н. 10
 Дмитриенко Т. С. 36, 59, 95
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 48
 Добровольский В. Ф. 159
 Добролюбов Г. М. 153
 Довконт Ф. Ю. 8, 9, 11, 15, 19, 21–23, 27, 28, 32–34, 49, 52, 65, 66, 87, 88
 Дрезен А. К. 9, 13, 14, 15, 19, 41
 Дроков С. В. 134, 178, 179, 180, 182, 185, 188
 Дубровская Е. Ю. 13, 17–20, 54, 91, 107, 119

- Дудоров Б. П. 11, 12, 19, 24, 27–35, 39, 46, 49, 73, 90, 99, 101, 110–112, 114–118, 175
- Дунин-Барковский М. И. 64, 87, 90
- Дякин В. С. 13, 16, 19
- Егорьев В. Е. 28, 64, 87, 89, 106, 107
- Елизаров М. А. 93, 120, 147, 160
- Емелин А. Ю. 14
- Емельянов Ю. Н. 7, 10
- Житков К. Г. 8, 9, 13, 15, 17, 20, 22, 23, 30, 33, 39, 43, 47, 49, 55, 57, 64, 87, 88
- Жуков В. К. 127, 132, 136, 144–146, 164, 169, 171, 172, 181
- Жуков Д. А. 8
- Зайончковский А. М. 53
- Зарудный А. С. 181, 182, 184
- Зейн Ф. А. 58, 76, 77, 83, 99
- Зилоти 66
- Зингер М. Е. 21, 36, 54, 58–60, 62, 66, 67, 69, 71, 75, 78, 79, 81, 82, 122
- Зырянов П. Н. 134, 140, 143, 144, 146–148, 155, 157, 159–161, 169, 171–173, 178, 181, 184, 186, 188, 189
- Иванов Г. 186
- Иванов Н. И. 63, 67, 131
- Игнатъев 2-й Н. И. 15, 23, 39, 87, 88
- Игорь Константинович, вел. кн. 48
- Иоффе А. Е. 11, 24, 51, 73, 90, 99, 124
- Иоффе Г. З. 125, 132, 133, 143, 161, 173, 175, 178, 179, 182, 184, 186–188
- Каневский М. 109, 112
- Канин В. А. 4, 11, 14, 23–33
- Капнист А. П. 8, 9, 12, 13, 16, 21, 22, 28, 30, 46, 47, 51, 53, 55, 56, 58, 59, 61, 63, 64, 71, 76, 77, 82, 83, 86, 87, 89, 118, 134, 164
- Капнист Д. П. 46
- Капнист И. И. 46
- Карпов Д. 20
- Кедров М. А. 26, 41, 66, 73, 87, 89, 90, 154, 155, 158
- Кернский А. Ф. 84, 85, 100, 102–104, 107, 153, 160, 168–171, 173, 177, 182–185, 188, 189
- Киреев 40
- Кирилл Владимирович, вел. кн. 71
- Китаев Л. 72, 131
- Киуру М. Х. 92
- Кладо Н. Л. 20, 21
- Кожевин В. Л. 5, 123, 143, 149, 160, 165, 186
- Козлов В. П. 31
- Козлов Д. Ю. 24, 25, 34, 35, 124
- Козюренко К. Л. 14
- Колбин И. Н. 94, 121
- Колоницкий Б. И. 154, 163
- Колчак А. В. 4–6, 17, 26, 27, 41, 53, 101, 110, 115–117, 123–129, 131–135, 137–156, 158–192
- Кольцов М. Е. 72, 131
- Конкин П. 136
- Корнев Г. В. 97
- Корнилов Л. Г. 155, 159, 170, 186–189
- Краснов В. Г. 123, 172–175, 177
- Краузе 69
- Крестьянников В. В. 146, 149, 153, 165, 167, 168, 171, 172, 174, 179, 181, 183

- Кривошесев Ю. В. 59, 152
 Кручина С. 133, 134
 Крымов А. М. 157
 Куликов С. В. 13, 18, 19, 49, 56, 60, 131
 Курганов Д. 94, 121
 Курлов П. Г. 48
 Курош А. П. 63, 70
- Лаверычев В. Я. 124, 132
 Ланге В. К. 96
 Лебедев В. И. 185
 Лейхтенбергский (Романовский) С. Г. 130–132
 Ленин В. И. 164
 Лесков П. Н. 78
 Липпик Т. 91, 105, 109, 112, 113
 Липский А. В. 83
 Литвин А. Л. 190
 Лукин А. П. 9–11, 16, 19, 49, 124, 130–133
 Лукин В. К. 175, 176, 178
 Лысикова Т. Д. 154
 Львов Г. Е. 76–80, 146, 153, 180
 Львов Н. Н. 64
 Ляшенко К. Г. 162
- Макаров В. С. 184
 Максимов А. С. 84, 108–110, 117, 154, 157, 158
 Мальков П. 38, 92
 Мельгунов С. П. 7–12, 16, 18, 19, 23, 45, 47, 49, 60, 128–130, 132, 133, 143
 Миллер В. И. 80
 Милюков П. Н. 160, 186, 190
 Минцлов С. Р. 129, 130
- Михаил Александрович, вел. кн. 48, 79, 80, 82, 85, 102, 104, 105, 129, 136, 140
 Михеева Г. В. 163
 Мордвинов Р. Н. 36, 59, 95
 Муравьев А. А. 36, 59, 95
 Муравьев Л. П. 108
 Мухачев Ю. В. 8
- Назаренко К. Б. 122
 Найда С. Ф. 92, 128, 145, 146, 148, 167
 Небольсин А. К. 94, 96, 98, 120, 121
 Некрасов Н. В. 83
 Непенин А. И. 4–12, 14–18, 20, 22, 23, 26–46, 49–52, 58–60, 62, 66–79, 81, 87, 98–103, 105–120, 137, 140, 191, 192
 Нетесова Е. В. 169
 Николаев А. Б. 64, 70, 99
 Николай II 4, 7, 12, 16, 17, 18, 30, 31, 37, 48–51, 56, 62, 67, 68, 71, 72, 74–76, 78, 79, 85, 87, 95, 105, 106, 131, 135, 136, 139, 140, 141, 145, 189, 191
 Николай Михайлович, вел. кн. 48
 Николай Николаевич, вел. кн. 75, 78, 79, 108, 129–132, 134, 135, 145
 Никонов 167
 Нищенков А. А. 167
 Новиков И. 84, 91, 108, 112, 113, 115, 120,
 Новиков Н. В. 127
 Новикова И. Н. 25, 29,
 Новицкий П. А. 153
 Новосильцев Л. Н. 187

- Озеров И. Х. 47
- Павлов А. Н. 24, 31, 46, 73, 107, 111, 115, 116
- Павлова Т. Ф. 31, 127
- Палеолог М. 47, 48
- Пепеляев В. Н. 70
- Перегудова З. И. 31
- Перченюк Ф. Ф. 127
- Петраш В. В. 13, 15, 19, 23, 37, 92, 97, 105, 120
- Петров М. 24, 31, 34, 139
- Петров Н. П. 167, 168, 188
- Пилкин В. К. 36, 77, 78, 90, 121, 150
- Платонов А. П. 127, 138, 144, 146, 150, 163, 164, 167–169, 171–174, 176, 177, 181
- Плеханов Г. В. 160, 163
- Плотников И. Ф. 123, 125, 133, 143, 167, 172, 177, 178
- Погуляев С. С. 152
- Подсобляев Е. Ф. 124
- Поливанов М. М. 120
- Поликарпов В. Д. 186
- Поршнева О. С. 144
- Поссе В. А. 117
- Поссе Н. А. 117
- Протопопов А. Д. 43, 46, 126
- Протопопов В. Н. 120
- Путилов А. И. 47
- Пулятин М. С., кн. 82
- Пышнов А. М. 38
- Развозов А. В. 40
- Раскольников Ф. 128
- Распутин Г. Е. 43, 48, 127, 136, 153
- Редров 128
- Ренгартен И. И. 8–23, 26–28, 30, 32, 33, 39–43, 45, 46, 49, 51–53, 55, 56, 58–61, 64–68, 79, 81, 85, 87, 88, 98, 100, 105, 106, 108, 116, 118
- Репников А. В. 7, 66, 129
- Рерберг Ф. П. 125, 128, 134, 136, 151, 152, 166, 167
- Ритих 126
- Родзянко Е. Ф. 49, 65
- Родзянко М. В. 43, 48, 59–61, 65–72, 74, 75, 79–82, 87, 98, 126, 136, 138, 139, 146, 153, 159, 191
- Родичев Ф. И. 76, 77, 86
- Романов А. В. 131
- Романов В. В. 41, 45, 46, 99, 101, 126, 152
- Романова О. В. 11, 29, 33, 38, 107, 111, 115–118
- Романовы 44, 133, 153
- Ромодановская В. А. 36, 96
- Ростковский Ф. Я. 85, 95–99, 101, 109–111, 115, 116
- Рузский Н. В. 62, 78, 80, 82, 124, 129, 155
- Русин А. И. 22, 24–26, 29, 31, 32, 62, 71, 74, 75, 78–80, 98, 104, 117, 118, 136, 137, 146, 152
- Рут И. 182–184
- Рыбкин Б. Н. 120
- Савинков Б. В. 186
- Савинова Н. В. 119
- Савинский 93
- Сазонов С. Д. 126
- Сакман А. Ф. 102–104
- Сакович А. А. 27, 110, 111
- Сапсай А. Д. 70

- Сафонов И. К. 127
Сафонов К. В. 174
Сахаров В. В. 131
Сахаров К. В. 142
Сахаров Л. В. 23, 88
Сахаров М. В. 87
Свистулев П. И. 91
Селезнев Ф. А. 124
Сергеев А. А. 30
Серебренников Г. С. 116, 117
Серков А. И. 13
Сильвестр 166
Скобелев М. И. 104
Скоропадский П. П. 21
Смирнов М. И. 126, 127, 135, 137,
142, 147, 148, 151–155, 161, 164,
169, 170, 173–176, 179–181
Смолин А. В. 13, 18, 19, 32, 53, 59, 66,
90, 117, 125, 134, 140, 152
Соболев А. 85, 97
Соболев Г. Л. 140
Соболев И. Г. 119, 144
Спиридонова Л. И. 32, 53, 117, 125
Старцев В. И. 13, 16, 17, 19, 42, 52, 57,
60, 80, 82, 132, 133
Степанский А. Д. 80
Стеценко А. В. 38
Столяренко М. А. 92
Стрелков В. 112, 120
Суслов П. А. 85, 92–97, 119, 121
Таранцев Н. М. 111–115
Тарпан Г. 164
Таскин С. А. 70
Тимирев В. Н. 125
Тимирев С. Н. 24, 26, 33, 36, 39, 90
Тимирева А. В. 6, 32, 53, 117, 125,
127, 135, 136, 142, 149–151, 172,
182, 183, 185
Типольт Н. А. 14, 29, 40–42
Тирбах П. И. 110–112, 114–116, 118
Толстой Л. Н. 73
Трепов А. Ф. 51, 126
Троцкий Л. Д. 186
Туляков И. Н. 148
Ушаков А. 157
Федоров 129
Федоров-Уайт Д. 24, 31
Федотов Д. Н. 178, 179, 181
Федюк В. 157
Фок 144
Фомин Н. Г. 42
Фотуньянц В. Н. 11, 73, 99
Хасегава Ц. 18, 19
Хесин С. С. 54, 61, 67, 90, 92, 122, 160
Ховрин Н. В. 35, 37, 91, 93, 97, 122
Холодковский И. М. 192
Хрисанфов В. И. 59, 152
Цветков И. Ф. 30
Частник С. П. 165, 166
Челноков М. В. 124, 132
Черкасский М. Б. 8–15, 18–23, 26–
30, 32, 41, 42, 49, 51–53, 57–59,
64–67, 69, 82, 87, 88, 90, 106, 157,
159
Черкашин Н. А. 123
Черняев В. Ю. 117
Четверухин Г. Н. 84–86, 96, 98, 102,
107, 108, 115, 116

- Чхсидзе Н. С. 43, 102
Шацило К. Ф. 31
Шашкова О. А. 80
Шемракова И. А. 163
Шиманский 93
Шкинский Я. Ф. 129, 130
Шмидт Е. П. 166,
Шмидт П. П. 151, 165–167, 169
Шперлинг Н. П. 153
Шпилевский И. Ф. 37, 96, 97, 120,
121
Шпицберг И. А. 117
Штюрмер Б. В. 126
Шульгин В. В. 7, 8, 12, 186
Щастный А. М. 15, 21, 23, 66, 69, 87, 89
Щеголев П. Е. 72, 31
Щекубатов 48
Эбегард А. А. 4
Эверт А. Е. 129, 131
Экк Э. В. 129
Эссен Н. О. 23
Юденич Н. Н. 121
Юрченко В. В. 184
Яновский В. А. 93
Янушкевич Н. Н. 17

Научное издание

А. В. Смолин

**Два адмирала:
А. И. Непенин и А. В. Колчак
в 1917 г.**

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. Л. Подъячева*
Художник *Полов О. Г.*

Подписано в печать 21.08.12. Формат 60 × 84 1/16.
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,54. Печ. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ 4102.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
“Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 490-64-99 / 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN: 978-5-86007-700-3

9 785860 077003